

ЕВГЕНИЙ НЕТТ

ПРОКЛЯТИЕ

УСЕРДИЯ

Проклятие усердия

Евгений Нетт

Проклятие Усердия. Том 2

«Автор»

2023

Нетт Е.

Проклятие Усердия. Том 2 / Е. Нетт — «Автор»,
2023 — (Проклятие усердия)

На пути к силе даже несколько месяцев могут показаться вечностью, о которой после вспоминаешь, как о лучших днях в своей новой жизни. Тогда Виктор ван Бельвиос не имел никакого отношения к церкви, да и друзей у него было ровно в два раза больше, чем осталось сейчас. А проблем - вдесятеро меньше. Но жизнь не стоит на месте. Проклятый усердно идёт вперёд, преодолевая всё новые и новые преграды на пути к своей цели. И к чему это приведёт - покажет время.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	57
Глава 13	62
Глава 14	67
Глава 15	73
Глава 16	79
Глава 17	84
Глава 18	88
Глава 19	93
Глава 20	97
Глава 21	102
Глава 22	107
Глава 23	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Евгений Нетт

Проклятие Усердия. Том 2

Глава 1

Спустя несколько месяцев, начало весны, за стенами Тарбиллиана.

– Ну, парень, бывай. Что могла я тебе передала, а остальное ты и сам наверстаешь. Особенно с обещанными тебе учителями. – Кларисса подмигнула, а после и хмыкнула, уставившись на протянутую руку с зажатым в ней пухлым мешочком. Очень пухлым и очень большим, содержащим в себе восемь кошель поменьше. – И что это?

– Моя благодарность. Мы ведь оба понимаем, что двенадцать монет в месяц для вирфорта твоего ранга и навыков – это издёвка. А так мне хотя бы перед собой не будет стыдно. – Только сейчас Виктор решил раскрыть карты. Раньше он опасался, что Кларисса от таких вестей просто развернётся и уйдёт, – угрожать ей парень не посмел бы, банально из-за порядочности, – а теперь терять было нечего. Она всё равно не останется, а так между ними будет один дополнительный секрет. Грат-то так ни о чём и не догадался, что было особенно забавно ввиду его большего опыта.

– Принимается. – Девушка перехватила кошель. – Давно догадался?

– Начал что-то подозревать ещё до того, как ты объявила о своём скором уходе. А после лишь утвердился в своих предположениях. Ты слишком сильна для второго, да и даже для четвёртого ранга. – Виктор улыбнулся, вспоминая те беззаботные деньки. Тогда он ещё не имел ничего общего с церковью, м-да...

– Значит я тебя недооценила, Виктор. Прими мою благодарность, похвалу и один небольшой совет... – Девушка прищурилась. – Не соглашайся работать с гильдией, которая будет ссылаться на меня или присматривающего за тобой братишку. Без имён.

И подняла руки, словно её слова можно было воспринять хоть сколько-то двусмысленно. Братишкой она называла только Грата, и только наедине. Виктору удалось услышать это прозвище пару раз, так что слова лучницы его ни разу не запутали.

– Учту. И если тебе нужна будет помощь – ты знаешь, где меня можно будет найти через год с небольшим... – В ответ на это предложение девушка рассмеялась, а успокоившись – похлопала проклятого по плечу. – Это так смешно?

– Не думаю, что в ближайшее время ты сможешь мне чем-то помочь. Но за предложение спасибо. Надеюсь, ко следующей нашей встрече тебе не успеют промыть мозги. Церковь это может...

– Сам знаю. – Виктор скривился. – Я и так не в восторге от ближайшего будущего, но деваться некуда. В конце концов, церковь как орден не хуже многих других.

– Что верно – то верно. Ещё бы следовали за хорошей идеей, а не за богами... Ладно, что-то мы заболтались. – Девушка пару раз быстро моргнула, а после... растрепала волосы Виктора, наплевав на то, что тот уже высился над ней на пол-головы. – Бывай. Не рискуй понапрасну и не переставай тренироваться. В этом мире сила может оказаться даже нужнее воздуха.

Сказала – и пропала, появившись в полусотне метров дальше по дороге. Виктору оставалось только проводить её удивлённым, – он искренне считал, что его удивить едва ли возможно, – взглядом, а после аккуратно, ногой засыпать почвой оставленное лучницей выжженное пятно. Что ни говори, а вирфортский контроль, каким бы он ни был, даже в пике был очень далёк от контроля самого вшивого мага первого круга.

Вот и наследила Кларисса, по которой расставание, видимо, ударило сильнее, чем той хотелось бы.

Виктор и сам с явным неудовольствием почувствовал некое покалывание в глазах, так что сразу после заметания следов поспешил развернуться и направиться обратно, к поместью. Клариссу он решил проводить за ворота города как раз ради разговора наедине, так что свидетелей произошедшему считай что и не было. Даже понятливые стражники, которым Виктор незаметно передал мешочек с мелкими монетами ненадолго укрылись в своей каморке, а очередей в самом начале весны никогда не бывало. По такой распутице с телегой особо не развернёшься, и даже конь будет едва плестись, лопаая овёс в три горла. Неудивительно, что Кларисса ушла пешком: ей уж точно скакун был без надобности, ведь даже Виктор, при желании, мог поддерживать «верховой» темп часа так четыре кряду, не уступая идущей рысью лошади.

Выносливость была его лучшей стороной, а упор на ноги выковал из Виктора отличную заготовку под хорошего и манёвренного бойца ближнего боя, оружием которому служат собственные руки или что-то вроде кинжалов. Не хуже подошла бы тяжёлая рапира, но к ней не лежала душа уже у самого проклятого.

Слишком хрупкое оружие, для использования которого в настоящем бою нужен колоссальный опыт.

На окружающем мире Виктор сосредоточился сразу после того, как девушка пропала из его восприятия на расстоянии не в тринадцать, а уже в четырнадцать километров. К этому моменту он и сам уже успел углубиться в улицы родного города, и получил возможность в кои-то веки насладиться местной архитектурой и приятной, расслабленной атмосферой. Здесь не сновали армии стражников, вдоль дорог не стояли десятки передвижных торговых палаток, а о бедняках и попрошайках даже речи не шло. «Столицу» графства холили и лелеяли, отчего она куда больше соответствовала некоему общему образу средневекового города в фэнтезийных книжках, нежели реальному городу соответствующей эпохи.

Жаль только, в остальных городах такого не наблюдалось, и все путешественники как один рассказывали о помоях на улицах, разбое и толпах нищих, снующих везде и всюду с неясными целями. В Тарбиллиане можно было не особо беспокоиться о безопасности, что порой играло злую шутку с людьми, по той или иной причине эти стены покинувшими.

В какой-то момент взгляд Виктора зацепился за лепнину, статуи и резкие углы возвышающейся над всеми прочими зданиями церкви. Рука рефлекторно дёрнулась к крылатому диску – символу, связывающему проклятого и церковь сильнее, чем что бы то ни было ещё. Парень давно уже хотел полноценно осмотреться в этих стенах, но времени никак не находил. А сейчас всё весьма удачно совпало, так что Виктор, выдохнув и поправив одежду, с крылатым диском в правой руке двинулся к главному входу в единственную церковь Тарбиллиана.

И почти сразу, стоило ему только пересечь границу, отделяющую улицу от «святой земли», как в особым образом сконструированных нишах стали видны вырезанные из мрамора образы восьми богов из девяти.

Лункос – хозяин сновидений, худосочный, высокий мужчина, скрывающий лик за вуалью;

Актион – воплощение справедливой мести, воитель с весами в одной руке и клинком в другой;

Имморита – сама жизнь, прекрасная и неприкасаемая дева в невесомом платье;

Беллатор – облачённый в латы покровитель воинов вместе со своей босоногой дочерью Беллумой, искрой, разжигающей войны;

Инок – седой словно лунь и старый, будто сам мир страж морей и океанов, ограждающих континент от таящегося за ними великого зла;

Реф`Ар – прекрасный, улыбающийся, но готовый испепелить неверного мужчина, солнечными лучами опаляющий символ небесного светила;

Комсемит – неизбежного конца воплощение, суть смерть, весёлый, улыбающийся мужчина, левая половина тела которого осыпается прахом;

Последний, девятый бог, стоящий над всеми прочими и при этом оказывающий минимальное влияние на смертных возвышался так, что его можно было рассмотреть и с улицы. Можно сказать, что это самая настоящая привилегия. Вот только образ его был довольно пугающим, ибо общего с людьми у него было не то, чтобы очень много.

Тэмпус Многоликий – воплощённое время, песочные часы, в стёклах которого отражались сотни и тысячи искажённых лиц.

Как можно было поклоняться чему-то столь жуткому – вопрос, на который у Виктора не было ответа.

Тем не менее, Виктор миновал девятиступенчатую лестницу, переступив порог отнюдь не пустующей церкви. Здесь было довольно много горожан, и проклятому удалось разглядеть даже одного стражника, возносящего молитву стелле единого пантеона – гигантскому бело-снежному монолиту, для которого в и так высоком потолке имелась остеклённая выемка в форме пирамиды. Но не одной лишь стеллой могло похвастаться внутреннее убранство строения: были здесь и статуи, и лепнина качеством повыше внешней, и золотые узоры, и размах. Церкви из того, прошлого мира с местными даже рядом не стояли по той простой причине, что «там» строили их без магии, а спустя века отбрасывать прежние традиции никто не стал.

Здесь же явно потрудились маги, работа которых могла дать фору даже снаряжённым самыми современными инструментами мастерам старушки-Земли. Один только эффект глубины на потолке чего стоил: не в пять и даже не в десять слоёв изображались объёмные картины, повествующие историю о вечном противостоянии света и тьмы. За свет, естественно, выступали боги, а за тьму – всё, что лезло с изнанки...

– Ох-ох-ох, господин Виктор, какая неожиданность! Я, признаться, и не думал, что вы решите посетить скромные стены нашей обители... – Беглого взгляда оказалось достаточно для того, чтобы опознать в подскочившем к высокому гостю круглом церковнике самого обычного, обделённого даром мужчину-служителя. Но тот был настоятелем, так что кое-какие нормы этикета на него всё-таки распространялись, помимо самых базовых.

– Приветствую, настоятель. Как вы наверняка уже слышали, мне оказали большую честь, приняв в лоно церкви в ранге послушника особых полномочий. – Одновременно с этими словами Виктор продемонстрировал крылатый диск, чёрная кайма вокруг которого сказала служителю явно больше, чем когда-то самому проклятому. Сейчас-то он знал, что чёрный цвет использовался для обозначения полномочий владельца диска, и у какого-нибудь Святого клинка регалии были чуть ли не абсолютно чёрными.

– Воистину, вести об этом событии были доставлены нам в тот же день, господин Виктор! С какой целью вы прибыли сюда по прошествии нескольких месяцев?..

А вот и небольшой камень в огород проклятого, которому стоило бы посетить «родную» церковь как можно раньше.

– Не буду скрывать: меня привёл к вам интерес, настоятель. Мне стоило наведаться сюда уже давно, но время... его у меня было слишком мало. Всё-таки я хочу стать паладином, а для этого нужно приложить немало усилий. – Хочешь отмазаться – используй аргументы, возразить которым «оппонент» едва ли сможет. – Потому я смиренно следовал наставлениям палладина и последователя Акциона, Артура Наома. И время выкроить смог лишь сейчас, за что искренне прошу прощения.

– Не стоит, господин Виктор, не стоит! Позвольте, я проведу вам экскурсию по нашей церкви. Насколько мне известно, прежде вы посещали эти стены только вместе с родственниками, и нигде кроме центральной залы не бывали...

– Всё так, настоятель. – Виктор кивнул, дав отмашку самому себе и начав активно вращать головой. Они уже преодолели три ступеньки, возвышающие алтарь и служителей над прихожанами, так что отличия в наблюдаемой картине были, и очень даже весомые.

– Тогда вам просто необходимо приблизиться к алтарю!

– Простите моё невежество, но не могли бы вы так же описать сакральный смысл этого... ритуала? – Как иначе обозвать то, о чём служитель говорил с таким благоговением Виктор не знал.

– Приближение к алтарю, Виктор, позволяет человеку открыться перед богами пантеона. Это первая из возможностей снискать благословение на пути служения, и это же – одна из величайших надежд тех, кто готов верно служить вопреки всему. – Произнося эту речь служитель не только «потерял» обращение к Виктору как к аристократу, коим он оставался до совершеннолетия, но и начал использовать отдельные слова на верховном церковном, считавшимся языком богов. Проклятый имел о нём определённое представление, но что-то всё равно пришлось подбирать по смыслу.

– И что мне делать?..

Последовавшие объяснения оказались вполне понятными, да и ничего сверхъестественного не требовали. Преклонить перед алтарём колена, вознести короткую молитву да водрузить ладони в специальные пазы. После этого оставалось только подождать пару минут, да определить результат: на алтаре присутствовали символы всех девяти богов, и вздумай кто-то из них благословить смертного, то его символ засияет ярким светом.

На само благословение Виктор не рассчитывал по понятным причинам, но взглянуть на процесс «сканирования» ему было очень даже любопытно. Благо, имеющийся опыт во взаимодействии с собственной душой открывал перед ним многие двери, и не только в вопросе убийства ближнего своего.

– От земли до небес вопрошаю о взгляде мимолётном, смиренно открываю душу свою, замираю в ожидании с трепещущей надеждой... – Сама молитва была очень короткой, да и записанной на самом алтаре, так что Виктор нигде не накосячил и беспрепятственно перешёл к самому интересному моменту: активации алтаря, который действительно отзывался на каждое произнесённое слово. Постепенно в этом покрытом священными символами куске гранита формировался невероятный по своей плотности и размаху вихрь маны, не находящий выхода и подпитывающий... что-то.

Впрочем, это самое «что-то» проклятый заметил, едва отбросил тщетные попытки прочесть что-то внутри алтаря. Щупы маны, сияющие нестерпимо ярким светом, вырывались из алтаря и касались вложенных в пазы ладоней, встраивая частички себя в потоки маны Виктора. По всей видимости, с их помощью и проходил анализ, так как ничего иного проклятый так и не заметил.

Да и души его так ничего и не коснулось несмотря на то, что один символ на алтаре всё-таки засиял...

Где-то под потолком загрохотало так, что Виктор едва не отлип от алтаря. Впрочем, так казалось только ему, ведь даже захоти парень, и он не смог бы отнять ладони от гладкого камня: сияющая чистым золотом мана держала его лучше алмазиевых цепей.

«Не по плану, ...ять!» – мысленно выругался проклятый, по-всякому костерящий себя за эту глупость. Но глупость ли? Отказаться от этого ритуала было попросту нельзя, да и изначально вероятность привлечения внимания богов Виктор оценивал как околонулеву.

Что-то же они должны уметь, чтобы не наделять силой тех, кто ненавидит церковь всей душой?!

Но они ничерта не умели. И даже чёртов Тэмпус Многоликий, бог над богами, не умел, ведь именно его символ сиял так ярко, что бедолага-служитель уже давно валялся на полу вместе со всеми попавшими под удар прихожанами, а частички «божественной» маны влетались

в родную ману третьего сына графа, пытаясь подмять её под себя, подавить и перехватить главенство в теле. Методика передачи «благословения» оказалась простой и понятной: смешать ману в теле «аватары» с «божественной» в неравной пропорции, и обрести абсолютную власть над адептом. Нет, очевидно, что «благословлённые» не были безмозглыми марионетками, но могли становиться таковыми по мере надобности, что проклятому ни разу не нравилось.

Новые знания – это замечательно, но получать их таким образом было не слишком опасно...

Впрочем, Виктор не собирался сдаваться даже несмотря на самые что ни на есть призрачные шансы на победу в этом неравном противостоянии. Его собственной маны было в десятки раз меньше, чем «божественной» в вихре, а схитрить в лобовом столкновении было едва ли возможно. Но «едва ли» – это не «невозможно», так что проклятый решил попытаться.

И начал с дерзкого, на грани разумного удара по самому алтарю.

Не маной, нет: алтарь был покрыт рунами и зачарован так, что даже маг пятого круга не смог бы разрушить святыню с наскока. И вирфортам, со всей их подавляющей физической мощностью здесь ловить тоже было нечего. Но десятком секунд ранее верховный бог пантеона перешёл к действиям, даже не попытавшись воздействовать на душу «адепта», и Виктор увидел в этом свой шанс.

И ударил, вложив в это действие саму душу. Использовал технику, впервые увидевшую свет этой зимой. Тогда проклятый просто пытался приспособить свои навыки в работе со своей душой под бой – без точной информации, без живых мишеней, на голом энтузиазме и в те редкие промежутки, когда тренироваться уже не было смысла, но в теле оставались едва ощущаемые крупинки энергии. Он пытался выковать козырь, с которым можно было выйти победителем из заведомо проигранной схватки. И пусть эта техника предназначалась совсем не для богов, какое-то воздействие она всё-таки оказала. Поток, прошедший через правую руку проклятого, беспрепятственно влился в алтарь...

И сам мир перевернулся, застонав в агонии.

Глава 2

Стены церкви задрожали от жуткого то ли воя, то ли звона тысяч и тысяч бьющихся стёкол, а по алтарю прошла трещина, взявшая начало от символа Тэмпуса Многоликого. Практически одновременно с этим Виктора подхватил вихрь маны – и отбросил прочь, словно невесомую пушинку. Благо, проклятый сумел сгруппироваться и приземлился без какого-либо вреда для себя... если не учитывать «божественную» ману, буйствующую в его теле.

И это было буйство, на противостояние которому уходила вся концентрация и все силы Виктора ван Бельвиоса.

А алтарь тем временем и не думал успокаиваться. Его поверхность дрожала и разваливалась, слой за слоем обнажая сокрытые от чужих взглядов цепочки магических и священных символов. Вихрь маны, прежде удерживающий что-то хотя бы похожее на форму, начал распадаться на множество обособленных, неуправляемых потоков, моментально вгрызшихся в своды церкви. Статуи и лепнина, фрески и картины, даже пребывающие без сознания прихожане – всё это «божественная» мана пожирала, словно сорвавшийся с привязи зверь. Пока Виктору просто везло не оказаться на пути одного из таких ненасытных чудовищ, но как долго продержится это везение?..

В любом случае, отступить прямо сейчас проклятый не мог ни в одном из смыслов.

Раз – и кожа вдоль всей правой руки расходится в стороны вместе с рукавами поистрепанного одеяния. Брызжет кровь. Два – и рана зарастает, не оставляя даже шрама, но поверх появляются две новых. Три – и струя сияющей золотым светом крови вырывается из-под лопаток. Четыре – и эта рана тоже закрывается, оставляя после себя лишь очередное болезненное эхо и накачивающую слабость. И такие процессы протекали по всему телу Виктора, который уже и сам был не рад решению вступить в ряды церкви во благо рода и своего будущего.

Какое тут будущее, право слово?..

Но сдаваться проклятый всё равно не собирался, все силы направляя на переработку и подчинение себе «божественной» маны, объём которой в теле был опасно близок к половине от общих запасов. Сердце маны работало на износ, черпая всю ману, которую удавалось. Даже с изнанки. И, пожалуй, лишь засчёт этих излишков Виктор ещё не проиграл в столкновении смертного – и существа, называющего себя богом.

Вот только цена, которую было принято платить за ману с изнанки...

Виктор не понаслышке знал о ней, и даже просто приближаться к становлению тёмным желанием не горел. Когда-нибудь, найдя решение общеизвестной проблемы, он бы попытался обрести мощь сверх доступной всякому человеку. Но для этого требовались знания и опыт, которых сейчас у Виктора не было. Вот только если выбирать между превращением в раба пантеона и установлением дружеских отношений с тем, что церковь от щедрот душ своих называет тьмой...

Каждый человек, держащий в руках летопись Его истории, загодя знал, на какую тропу ступит Виктор ван Бельвиос.

Это было очевидно, в конце-то концов.

Тем временем процесс саморазрушения, – ведь можно сказать и так, верно? – дошёл до критической отметки. Один из девяти потоков вырывающейся из остатков алтаря маны разорвал удерживающие крышу балки, срезал стеллу единого пантеона и устремился в небо. И словно в противовес ему вниз полетели многотонные обломки, не оставляющие и шанса людям, каким-то чудом пережившим буйство маны в церкви.

И именно в этот момент Виктор поборол последнюю частицу «божественной» маны, ощутив невиданное прежде... облегчение? Силу, переполняющую каждую мышцу, каждую кость и каждую клеточку тела?

Нет. Это чувство было сродни тому, как если бы его-предыдущего стёрли, а вместо уничтоженного оставили замену. Не улучшенную копию, а просто что-то кардинально иное. Что-то совершенное в своей сути, что-то...

Божественное.

Проклятый усердием и богами вскинул голову всего за секунду до того, как его должно было раздавить обломками, и отбросил печальный финал прочь. Четыре могучих потока тёмно-синей маны вырвались из-под его лопаток, окончательно разорвали ткань одежды и где остановили, а где и разметали обломки, сохранив жизнь не только Виктору, но и везучему настоятелю вместе с небольшой группкой оказавшихся поблизости прихожан. Сам же проклятый, решив не грузить сварившиеся заживо мозги лишними сейчас вопросами, поднялся на ноги и, обведя царящую вокруг разруху взглядом, сделал шаг по направлению к выходу. От центральной залы церкви и алтаря не осталось ровным счётом ничего, и лишь несколько лавок вместе с оказавшимися за ними людьми каким-то чудом пережили локальный апокалипсис.

Так или иначе, но сейчас Виктор собирался бежать из города. Как, на чём – не суть. Самым важным сейчас было скрыться ото взгляда церкви, которая такое ему точно не простит. Ладно само здание, но алтарь и жизни по меньшей мере двух десятков прихожан?..

Проклятый до скрипа сжал зубы, только сейчас осознав тот факт, что он и именно он отнял жизни множества людей, которые такой кончины точно не заслужили. И вместе с их жизнями обратились в ничто раздумья о том гипотетическом первом убийстве, столь важном для каждого вирфорта. Как оказалось, Виктор даже близко себе не представлял, каково это – убить.

Опустошающе.

– Свя... той?.. – Слабый голос раздался откуда-то справа, и Виктор медленно, пересиливая разваливающеся и сотканное из боли тело обернулся. Взгляд его нашупал бедолагу-мастерового, присыпанного какой-то трухой, стоящего на коленях и опирающегося на уцелевшую половину лавки. Один из потоков воды завис прямо над ним, до сих пор удерживая груды досок и черепицы. Сосредоточившись, Виктор заставил этот поток сдвинуться и отбросить обломки к руинам стены, под которой совершенно не ощущалось живых. – Святой!

Мужчина протянул к проклятому руки, радостно улыбнулся и потерял сознание, не совладав с эмоциями от пережитого. Виктор ясно чувствовал, что тот жив – восприятие от случившегося только обострилось.

И только тогда парень понял, что некоторых людей крайне желательно раскопать и вынести наружу. Оставаться на этом месте было опасно, задерживаться и привлекать внимание – тем более, но ни Виктор-рецидивист, ни Виктор-нынешний не смогли бы поступить иначе.

Чертыхнувшись сквозь зубы, проклятый обратной стороной ладони размазал по лицу песок и пыль, – пытался убрать, но куда там, – после чего незамедлительно приступил к раскопкам. Изымать людей при помощи потоков, бьющих откуда-то из-под лопаток и управляемых одной лишь волей оказалось на удивление просто, так что уже спустя пять минут Виктор выбрался из руин, неся в «щупальцах» последних выживших – настоятеля и двоих крепких мужчин, которых он, рассудив в соответствии со своими принципами, спасти решил в последнюю очередь.

Расположив свой груз рядом с остальными несчастными, Виктор отрёшился от управления потоками маны... и понял, что не так-то просто ему это давалось. До этого момента он практически ничего вокруг себя не видел, всецело сконцентрировавшись на поставленной задаче, и потому пропустил момент, когда вокруг руин церкви собралась целая толпа, включая стражу. Кто-то уже давно оказывал помощь выжившим, кто-то причитал, но основная масса людей вела себя абсолютно неестественно.

Они смотрели на Виктора так, словно тот был по меньшей мере ангелом пантеона, а не человеком, действия которого повлекли за собой разрушения и множество смертей. А некоторые и вовсе кричали во всё горло и тыкали пальцем, «обличая» новоиспечённого святого.

«Проклятого, скорее» – подумал парень, заставив один из потоков повиснуть перед его лицом. Отражение в воде плыло и колебалось, но самое основное в нём различить было действительно легко.

Глаза Виктора сияли потусторонней тёмной синевой, а «щупальца» больше всего напоминали крылья.

– Приплыли, ...ть. – Прошептал проклятый...

И потерял сознание.

Уродливые гуманоиды хохотали в унисон, своими семипальными лапками собирая сырую ману и используя её словно глину, лепя что-то пугающе-страшное и противное всему живому. Что-то, от чего уже начинают заболеть люди в одном маленьком провинциальном городишке.

Гигантская тварь, переваливаясь с ноги на ногу и потрясая гниющими кусками плоти, с утробным воем опускает тесак на голову паладина, единственной защитой которого является его собственный меч. Рядом лежат тела его братьев по ордену, и на иную судьбу воителю рассчитывать не приходится: он куда слабее павших товарищей.

Стая ворон кружит над отрядом рыцарей, радостно каркая и предвкушая скорый обед. Мгновение – и чья-то злая воля бросает демонов в атаку. Те срываются в пике, оставляя в воздухе теневые следы и пробивая насквозь щиты, доспехи и людей, за ними укрывающихся. Последний из несчастных вскидывает арбалет и вбивает болт прямо в глазницу одного ворона, но тот не обращает на это никакого внимания, клювом потроша вырванный ранее шмат человеческого мяса.

Залитый кровью алтарь размеренно пульсирует алым, откликаясь на очередную жертву. Чернокнижник, содрогаясь в экстазе, впитывает сырую ману с изнанки, «очищенную» алтарём. Его тело увечно и сухо, а взгляд затуманен, практически лишён разума. Он давным-давно умер, но сам этого не понимает. Несчастный слуга тварей мира-отражения, очередная жертва.

Юноша склонился перед алтарём, дабы обрести силу и способность защищать. Но он отринул дар, что вылилось в ужасные разрушения на потеху демонам. Боги лишились одной из точек соприкосновения с реальным миром...

Виктор зашёлся в диком кашле, всем своим нутром чувствуя, что его тело сейчас просто лежит и, кажется, за ним даже ухаживают. А отхаркивает кровь и болит душа, с которой предпринял попытку поговорить... кто-то. Проклятый поднял голову и попытался осмотреться, довольно быстро придя к тому, что вокруг кроме белизны ничего нет. Но стоило ему только задуматься над тем, как бы теперь половчее вернуться обратно, как из ниоткуда на него устремилась новая волна красочных, детализированных образов. Нечеловеческих, бесконечно далёких от таковых, принадлежащих существу иной природы.

Образов, посылаемых отвергнутым и униженным богом.

Тэмпус Многоликий, – а кто ещё? – изо всех сил пытался что-то показать смертному. Виктор побывал зрителем сотен схваток и множества битв, роль врага в которых играли отродья изнанки. Лицемер моменты взлёта благословлённых служителей пантеона – и наблюдал за их неизбежным падением. В какой-то момент проклятый даже поймал себя на пагубной мысли, гласящей, что, возможно, церковь занимается не таким уж и бесполезным делом...

Но эта сочащаяся ложью и недоговорками «истина» была отвергнута, стоило только Виктору припомнить методы, которыми церковь боролась с демонами. Борьба без знания, противостояние без понимания – обречены на провал. Это истина, которой проклятый верил даже больше, чем себе. И прийти к иному для него значило предать собственные принципы и идеи, на что он не пошёл бы без по-настоящему весомых доказательств.

А картины, посылаемые Тэмпусом Многоликим, таким доказательством точно не являлись.

Виктор собрал всю свою волю в кулак, сформировал образ своих слов и метнул его вперёд, рассчитывая «перекричать» монолог бога, неведомо на что рассчитывающего. Если обобщить, то проклятый сказал, что сейчас он не враг церкви, а, возможно, даже её союзник. Ответом на это смелое заявление стала новая порция историй паладинов и священников, отказывающихся от покровительства, поддающихся тьме и уничтожаемых ценой большой крови. Что примечательно, о таких историях Виктор прежде не слышал, так что бог или лгал, или церковь превосходно «подчищала хвосты» за предателями. Последнее куда вероятнее, учитывая то, как вообще этот огромной мощи орден манипулировал информацией и общественным мнением.

«И чего же ты хочешь, Тэмпус?» – спросил Виктор, едва схлынула волна историй, свидетелем которых он невольно стал.

И снова образы. Верховный бог этого мира словно и вовсе не умел общаться иначе. Или дело было в его, кхм-кхм, форме не человека, а песочных часов? Жаль, но ответ на этот вопрос получить будет не так просто. Или же...

Не сумев понять, что ему хочет сказать божественная банка с песком, Виктор удостоверился в том, что сейчас он может свободно «вернуться в тело» или, если быть точным, то просто разорвать контакт со своей душой, после чего задал интересующий его вопрос о том, почему такое могущественное существо общается такими образами, а не, скажем, словами.

И ответ оказался ценнее, чем все прочие, субъективно растянувшиеся на десятки и сотни часов образы. Ведь если Виктор правильно понял, то в этом своём недостатке божество винило тех, из чьих мыслей, помыслов и надежд оно было рождено. Людей. Да, проклятый мог ошибиться с расшифровкой образов, но вероятность этого была крайне мала. Крайне.

«Боги не говорят прямо», надо же.

Тэмпус оказался столь любезен, что продемонстрировал «Ничего» из которого он был рождён. Показал своего первого служителя. Человека, невольно создавшего образ будущего бога. Стареющий смертный просто вечерами рассматривал песочные часы, отсчитывающие дни его жизни, и мечтал о вечности, о сотнях несбыточных вариантов. О том, как было, «если бы». Показал культиста, уверовавшего в возможность обратить время вспять и принёсшего себя в жертву, проложив тем самым дорогу для сотен и тысяч своих последователей. Проверить, оказался ли самоубийца в ином времени было невозможно, но уже тогда Тэмпус был способен на небольшие чудеса...

Бог – лжец. Ничего нового, впрочем.

Обрадованный подтверждением одной из своих теорий касательно природы божеств, Виктор попытался продолжить переговоры, ставя во главу угла своё нежелание открыто враждовать с церковью и уверяя собеседника в своём непринятии демонов как вида. Но получить ответ не успел: парня банально привели в чувство, и диалог прервался.

Виктор ван Бельвиос открыл глаза и первым делом заметил отца, который смотрел то на сына, то на церковь. Рядом суетился лекарь, чуть поодаль держалась стража, а уже за ними... Столько народу проклятый видел разве что на праздниках, и даже там простой люд не был настолько повернут на одной конкретной идее.

Каждый, от мала до велика, открывал рот только для того, чтобы проскандировать единственное слово.

Святой...

Глава 3

К сожалению, проклятие несмотря на «смену тела» никуда не пропало – в этом Виктор удостоверился уже к ночи, когда характерные ощущения начали понемногу возвращаться, грозя к утру войти в полную силу. Огорчительно, но ожидаемо – от такой гадости столь просто избавиться едва ли получится. Потому Виктор быстро смирился, да продолжил объясняться и демонстрировать всем желающим в поместье свои водяные опахала. После каждой такой демонстрации приходилось вызывать слуг для сбора разлитой воды, но кого это волновало? У рода Бельвиос был праздник: первый носитель их крови, пошедший на союз с церковью, оказался благословлён! И даже разрушение церкви как здания они списали на «высочайший потенциал», а не на косяк с посвящением. Формально Тэмпус, конечно, хотел сделать Виктора носителем своей маны, но по факту получилось, что его силу проклятый просто переработал «под себя» без каких-либо гарантий для верховного бога. Переработал полностью, а не просто сохранил что-то от себя, как изредка случалось с другими «святыми», отличающимися особенно крепкой... волей? Или скорее душой?..

К слову о гарантиях: в продемонстрированных Тэмпусом историях о предателях среди «еретиков поганых» вполне себе были благословлённые люди, что указывало на возможность выйти из-под контроля богов без потери сил. Следовательно, даже худший вариант развития событий оставлял Виктору лазейку. Сейчас это, конечно, значения не имело, ибо всё прошло чуть лучше, чем могло бы...

Но ошибка была ошибкой не в полной мере, что несколько успокаивало ту часть Виктора, что отвечала за разумную паранойю.

Осталось только закрыть вопрос с церковью, ведь выйти на связь с верховным богом проклятый так и не смог. Пытался, по-разному пытался, но в этом деле успех его оставил. Или небожитель, песчинок ему шершавых в недра, решил поиграть в молчанку, или без алтаря контакт был невозможен. А единственный алтарь во всём городе Виктор благополучно разнёс. Проблемка, да?

В связи с этим разъяснить нынешний статус Виктора ван Бельвиоса, третьего графского сына, должно было собрание, членов которого церковь поспешно собирала как в Тарбиллиане, так и в окрестных деревеньках с крепостями. Выживший настоятель, радуясь и вознося хвалу пантеону за нового благословлённого, описал всё так, словно какие-то внутренние правила церкви не позволяли ему рассказывать всё единолично, а уцелевших церковников в городе было недостаточно. Требовалась полноценная делегация, ждать которую из ближайшего крупного оплота церкви было несколько накладно. Вот и приходилось бедняге крутиться, дабы в случае чего иметь железобетонную отмазку перед высоким начальством: всё, мол, по правилам, а что церковь обрушилась – так неприятности случаются. Лучше на нового святого посмотрите, какие крыла здоровые!..

Виктор же, глядя на эту суету и всеобщую радость, то и дело вспоминал об образовавшемся за его спиной маленьком личном кладбище. Прошлое не изменишь – это факт, но и просто спустить всё на тормозах проклятый не мог. Он хотел что-то решить для самого себя, но вот что именно?

С этим были проблемы.

Так, сидя на парапете крыши поместья и покачивая свисающими вниз ногами, проклятый всматривался в полумрак и медитировал, прислушиваясь к своей мане и выискивая отличия от себя прежнего. Как он понял ещё в самом начале, сорванный ритуал «благословения» не улучшал физическое тело, а как бы заменял его. По частям, конечно, но это всё равно было заменой. Физически Виктор стал значительно крепче, немного сильнее и быстрее. Улучшения

не о-го-го какие, но в целом весьма достойные. Ведь со временем проклятый будет становиться лишь сильнее, и «прибавка» от ритуала будет расти соразмерно.

Иначе всё обстояло с сердцем маны и каналами, которые ритуал обошёл стороной. По всей видимости, эта часть смертных богов волновала не сильно, чего нельзя было сказать о её наполнении – мане.

В основе процесса создания «марионетки» лежало доминирование «божественной» маны над присущей конкретному человеку, но в случае с Виктором доминирования не получилось. Худо-бедно, но проклятый смог сохранить лидерство, собрав все наличествующие силы и даже взяв немного взаймы. «Божественная» мана растворилась в его собственной, не наделив Виктора особыми способностями в привычном людям понимании. Так сказать, «божественности» не хватило.

Вот только вхолостую раствориться в никуда мана Тэмпуса Многоликого не могла, и потому реализовалась в ином: в светящихся глазах и крыльях, коих отросло аж четыре штуки. Пользоваться ими было довольно удобно, хоть и напряжно для сознания и рвущейся одежды. В бою они, опять же, обещали стать необходимым всякому вирфорту козырем. Летать с их помощью пока не получалось, но опираться на них, как на щупальца небезызвестного доктора о восьми ногах, получалось неплохо. И Виктор был уверен в том, что со временем дополнительные конечности раскроются с новой стороны, ведь, например, атаковать с их помощью парень пока не пробовал. Некогда было, да и негде.

Лишний раз светить «святостью» на глазах у спящих по поместью толп проклятый не хотел.

Так чего в этом списке плюсов плохого, спросите? А ответ всё тот же: крупницы маны, почерпнутые с изнанки, могли аукнуться как и где угодно. И понять, что они сделали Виктор банально не мог. Не видел, не чувствовал проблемы. Всё его тело ощущалось так, словно таким и должно было быть. Аналогично и с маной. Линии жизни и душа – понятно, прокляты, но и там изменений разглядеть не получилось.

И куда, спрашивается, ушла мана с изнанки? Растворилась без остатка? Аннигилировалась? Или притаилась, чтобы вылезти в самый неподходящий момент?..

Эхо пространственных возмущений проклятый почувствовал сильно заранее, и так же заранее «попробовал ману на вкус», опознав в приближающемся маге ни много, ни мало, а своего отца. Тот не знал точно, где находится сын, а сверхъестественным восприятием, понятно, не обладал. Так что приходилось ему искать по-старинке, без серьёзной магии, дабы не переполющить всё поместье мощнейшим сканирующим заклинанием.

– Виктор.

– Отец. – Проклятый не без удивления отметил, что граф без заминки, да и довольно ловко уселся по левую руку от него. – Что-то случилось?

– Если только с тобой, сын. Скажи: ты так переживаешь из-за погибших, верно? – Ответ Дюрану не требовался. – Спроси у себя, мог ли ты сделать хоть что-то, чтобы предотвратить разрушения? Была ли у тебя такая возможность, м?

– Я изначально не хотел никаких благословений, отец. Ты и сам должен знать, что божественная сила делает с людьми. Как меняет их, как... подчиняет. – Проклятый решил выговориться, раскрыв хотя бы малую часть правды. – А терять себя я не хотел. И потому воспротивился, когда вспыхнул тот символ. Итог известен всему Тарбиллиану: центральное крыло церкви нужно возводить заново, а на кладбище уже вырыли двадцать семь свежих могил. Да, я не мог знать, как всё обернётся. Да, ответственность если на ком-то и лежит, то только на богачах, посчитавших такой исход приемлемым. Но менее гадко от этого я себя почему-то не чувствую.

– Знаешь, Виктор, на моих руках крови намного больше, чем на твоих. И она – следствие моих ошибок, моего недосмотра, моей беспечности. И как, ты думаешь, я с этим справляюсь? – Обычно скупой на мимику граф вскинул бровь. – Время и другие задачи. Нельзя заставить

себя о чём-то забыть, но можно перекрыть дурные воспоминания чем-то более важным. Реальностью, тем, что происходит здесь и сейчас. Тем, что случится завтра. Так что отбрось бесполезные измышления и займись, чем можешь.

– Пока я могу только ждать собрание церкви, которое неизвестно, о чём мне поведают. – Криво ухмыльнулся парень, внутренне подобравшись. Расслабляться действительно было некогда, а время... Лучше рабов проверить, честное слово.

Чаще всего Виктор контактировал с Дрофэром, так как его работу требовалось курировать и обеспечивать как поставки необходимых материалов, так и реализацию продукции. Благо, в «арсенале» тарбита имелась масса полезных артефактов, которые он мог изготавливать без сертификации в соответствующей гильдии. При поддержке третьего сына графа он мог и сертифицироваться, конечно, но здесь вступала в силу его собственная просьба. Молодой по меркам «своей» расы ремесленник хотел сначала привыкнуть к новым для себя людским инструментам, набить руку – и только после браться за что-то более-менее сложное. Виктор же с пониманием отнёсся к проблеме, так как прибыль, приносимая рабом, его всё равно устраивала, а портить с ним отношения ради сиюминутной выгоды...

Поди ещё найди второго полукровка-тарбита, готового идти на сотрудничество.

Что до Торана, то варвар продолжал тренироваться вместе с рыцарями, и даже стал там своим парнем. Простой, как топор, любящий сражения, кое-что понимающий в оружии и использовании оно, сын безымянного вождя не испытывал никаких трудностей с тем, чтобы с комфортом и удовольствием дожидаться отбытия на север.

И даже с Тиллией всё шло вполне неплохо. Девушка старательно перенимала все умения, которые было надо, не отлынивала и в целом показывала себя с наилучшей стороны. Немудрено, конечно, с таким-то стимулом.

Мало кто отказался бы от шанса начать новую, нормальную жизнь.

– Ты и сам должен понимать, что ничего серьёзного тебе не скажут. Скорее всего и вовсе потребуют дожидаться наставников, обещанных тебе Артуром Наомом, и вместе с ними отправиться в столицу, дабы предстать перед подлинными лидерами церкви. – Виктор, не переставая болтать ногами, задумчиво покивал в такт словам отца. – И отказаться, скорее всего, не выйдет.

– Значит, столица. Месяц пути в лучшем случае... – Жарким летом дорога заняла бы как раз пресловутый месяц, но вот в начале весны та же дорога могла оказаться какой угодно. Наставники от церкви должны прибыть в течение одной-двух недель, и откладывать отправку никто, скорее всего, не будет. Благословлённые появлялись слишком редко, чтобы об одном из них могли бы позабыть.

И всё это при условии того, что наставники по прибытии не предложат Виктору проследовать на костёр. В Тарбиллиане связи с богами не осталось ввиду утраты алтаря, так что любая воля небожителей могла прийти лишь извне. Самое быстрое – сообщением из ближайшего города, через двое суток. А в самом «долгом» варианте о казни объявят вообще в столице, откуда сбежать еретичке-одиночке будет попросту невозможно.

А если намылить лыжи уже сейчас, то можно всё только усугубить. Церковь беглеца может заочно объявить врагом только за сам побег, при таких-то условиях получения Виктором «благословения».

И опять лучшим вариантом оказывается стиль плывущего по течению мешка с навозом...

– Я позволю тебе самостоятельно набрать сопровождение. Фамилия обеспечит тебя всем необходимым и даже сверх того. От тебя потребуется только предстать перед церковью в столице и не уронить достоинства рода Бельвиос.

– Со мной отправится кто-то из старшего поколения?.. – Если нет, то у Виктора будет полный карт-бланш на действия в столице. А это много того, что желательно сохранить в тайне.

– Возможно, Деймос. Но я считаю, что для такого задания тебе будет лучше отправиться к одному. Ты достаточно разумен, чтобы не совершать детских ошибок, а наличие рядом с тобой «няньки» в столице будет воспринято не в лучшем виде. – Граф пожал плечами, после чего неспешно поднялся на ноги. При всём этом держал равновесие он без малейших проблем, словно никогда не пренебрегал тренировками тела. – Никогда не останавливайся, сын. Ты можешь замедлить шаг, но остановка в нашем мире сродни смерти.

И пафосно исчез из виду, – но не из восприятия, – растворившись в полумраке подступающей ночи.

Виктору оставалось только хмыкнуть, да спрыгнуть вниз, дабы срезать путь до своей комнаты. Чего унывать, если можно прочесть книгу-другую, откладываяемую в попытках перенять у Клариссы как можно больше?

Да и отдохнуть не помешало бы, ведь несмотря ни на что завтра ожидался долгий и насыщенный день...

Глава 4

Виктор когда-то догадывался, а к нынешнему моменту доподлинно знал о том, что люди, в руках которых находится настоящая, устраивающая их власть к излишней помпезности не склонны. А вот «малявки», мечтающие о большем – совсем наоборот.

Смешно даже сравнивать, но паладин, вирфорт пятого ранга вместе с парой коллег четвертого и священниками – магами второго и третьего кругов отказались от ряда лишних церемоний и почестей в угоду быстрому и эффективному решению основного вопроса – принятия третьего сына графа в лоно церкви. Эти же... идиоты низкопоставленные, иначе не скажешь, обозвали себя собранием и решили вкушать плод власти, насладившись каждым его кусочком.

Все, абсолютно все лишние телодвижения оказались им потребны. Общение – строго по этикету, распорядок – как в рваных-драных и древних священных писаниях. В поместье словно сам апостол со свитой нагрязнул, а не люди, в лучшем случае пребывающие на дне «пищевой цепочки» этого мира. Даже самого Виктора они продолжали заклёвывать вплоть до того момента, пока он, окончательно выйдя из себя, не рассадил засранцев по своим местам одним лишь холодным взглядом.

Оказалось, что сияющие глаза оказывали на такой люд серьёзное воздействие. Если обобщить и упростить – или пугали, или вдохновляли... на что-то. Зависело воздействие от того, как сам человек оценивал свои поступки. Понимал, что накосячил? Страх полные штаны. Гордился сделанным, или просто не видел проблемы как таковой? Вот и вдохновение, как у толпы подле церкви, на весь город распространившейся вести о появлении Тарбиллианского Святого, молодого господина Виктора ван Бельвиоса.

Так или иначе, но только постоянное присутствие вернувшегося с тренировки Виктора заставило церковников, – самые сливки их ордена, так сказать, – начать работать, а не развлекаться за чужой счёт. За один час под присмотром они сделали больше, чем за семь часов до того, и совсем скоро приступили к, собственно, обсуждению.

Забавно, но «надзирающий» за ними парень к тому моменту уже и сам прекрасно знал, что и как будет происходить. Нахвтался чего-то у одного, чего-то – у другого, и вуаля! Все эти люди жаждали оказаться у благословлённого верховным богом святого на хорошем счету, и оттого щедро делились доступной им информацией. Правда, доступно им было не то, чтобы очень многое. Каждому по чуть-чуть, в зависимости от положения и личной глупости.

Тот же настоятель Мерред, возможно, и должен был знать последовательность действий в случае появления святого на зубок, да только где это «должен» – и где реальность? Немолодой пузатый мужичок без дара и не рассчитывал никогда на то, что в Тарбиллиане, с мизерным присутствием церкви и слабой верой соответственно, сможет породить благословлённого. Да ещё и что бы таковым оказался не простолюдин, которого можно на лошадку усадить и в столицу спровадить, а отпрыск аристократа, могуществом способного посоперничать с любым из ныне живущих герцогских фамилий?

Иными словами, вместо собрания образовался бардак обыкновенный.

И разгребать его предстояло совместными усилиями.

– Итак... – Настоятель ныне закрытой на неопределённый срок церкви встал, окинув взглядом всех присутствующих. Картина его явно не удовлетворила, но выдвигать обвинения он посчитал бессмысленным. Какой спрос с коллег, выгашенных из деревень и крепостей? К первым требования никогда высокими и не были, а вторые за нелестное словцо в свой адрес могли и оглоблей по хребту пройти. Боевитые, понимаешь, ребята, выполняющие роль оплотов боевого духа у несущих службу солдат. – Сегодня и здесь мы собрались для того, чтобы в меру своих возможностей наставить слугу божьего, господина Виктора ван Бельвиоса, и отправить его в столицу...

Речь бедолага читал с измазанного чернилами пергамента, но даже так волновался больше необходимого, краснел и задыхался, свободной рукой теребя воротник. О содержании этой речи можно было даже не заикаться: проклятый едва не заржал, когда по сути результат «обсуждения» был оглашён во вступлении. Ну не знаешь ты, как поступить, так скажи прямо, безо всех этих плясок вокруг древних регламентов и правил! Но нет, настоятель или обиделся за порушенный дом пантеона девяти, или от природы был вот таким вот.

– Как и положено в таких случаях, я даю слово следующему по старшинству служителю церкви – настоятелю Паррио. Настоятель Паррио, вам слово. – Виктор приказал себе молчать и удерживать на лице самое серьёзное выражение из всех возможных.

А тем временем со своего места встал длинноротый, сухощавый старик, который, казалось, держался на последнем издыхании, до того древним он выглядел. Такого ткни – и он переломится, а то и вовсе рассыплется горой песка.

– Во славу церкви и короля Зидрана, я от лица жителей селения Двух Рек дарую напутствие Виктору ван Бальваосу! Пусть его меч разит демонов и еретиков!

– Старик, ты бы хоть не позорился, что ли. Зидран уже двенадцать лет как помер, а фамилия графья – Бельвиос! – Едва не заржал один из «боевых» священников, продемонстрировавший оскал желтоватых, явно некомплектных, кривых зубов.

– Я так и сказал!..

Настоятель Мерред не подобрал нужных слов, и потому заговорили, казалось, все сразу. Хаос творился не меньше пары минут вплоть до того, как со своего места вскочил рыцарь, облачение которого недвусмысленно указывало на членство в боевом крыле церковного ордена.

– Мы на ярмарке или на важном собрании? Мерред, по одному твоему слову я наведу здесь порядок!..

Сказал – и потянулся к мечу на поясе. Представителей церкви не разоружали, но вот вести себя так в поместье Бельвиосов они права точно не имели. К этому выводу пришёл Виктор, уже давно ищущий причину для того, чтобы вспылить без серьёзных последствий в дальнейшем.

По всему выходило, что этот цирк на выезде проблем доставить точно не способен.

– Господа. При всём уважении, но отчасти я вынужден поддержать рыцаря, имя которого мне, к сожалению, неизвестно...

– Сэр Торвальд!

– Сэр Торвальд, для начала уберите руки от меча. – Виктор, сам того не заметив, зажёл в глазах глубокие синие огни, роднящие его с последователями Актиона. – На правах хозяина этого дома я прошу вас сохранять порядок и в вопросе проведения этого собрания следовать вашим же священным текстам! Или, если на то нет воли девяти, не пытаться импровизировать и отправить меня в столицу, как изначально и сказал настоятель Мерред.

– Да! Так явно будет лучше. Простите, господин Виктор, но у меня и правда нет опыта проведения подобных... мероприятий. Как и у наших братьев по ордену. – Мерред склонил голову, додумавшись «разделить ответственность» с Виктором, который, так-то, был послушником, а значит и частью церкви.

– Я рад, что мы поняли друг друга, господа. – Виктор опёрся на стол обеими руками, как бы нависнув над сидящими людьми. – С вашего позволения, я возьму управление в свои руки. Каждый, на кого я укажу, сможет поведать, что ему известно о моих новых обязательствах перед церковью. Если конкретнее, то меня интересует последовательность действий «святого» сразу после того, как он становится таковым. Настоятель Мерред, начнём с вас.

– Благодарю, господин Виктор. – Снова вернулся к титулованию настоятель. – Согласно известным мне текстам, благословлённого человека должны наставлять самые высокопоставленные служители церкви в регионе. Разъяснение природы сил, установка моральных ориен-

тиров... всё то, что в вашем случае, господин Виктор, не имеет смысла. Как аристократ и верный слуга трона, вы уже обладаете всем необходимым.

Виктор ухмыльнулся и удово­рён­но покивал, чем вверг в ужас се­ме­рых человек из двенадцати. Видимо, водились за ними всякие делишки...

– За этими занятиями святой дожидается прибытия группы сопровождения из святого града, куда его забирают для проведения всех положенных церемоний и ритуалов посвящения. Я, как настоятель церкви Тарбиллиана, уже отправил сообщение в столицу...

– Я полагаю, что куда проще мне будет отправиться назад под сопровождением наставников от церкви. Они должны прибыть в течении недели-двух, в крайнем случае – трёх. – И то только в том случае, если в дороге им довелось поучаствовать в передрыге. – Скажите, регламентирован ли как-либо состав группы сопровождения?

– Как минимум двое служителей или паладинов церкви, господин Виктор. Но как я слышал, за святыми отправляются куда как более могущественные лица. Как брат по ордену Артур, например. – Вот уж чего-чего, а болтать настоятель в силу профессии умел хорошо. Говорил быстро, чётко и по делу, насколько в принципе мог.

– Что ж, в таком случае наставники церкви должны подойти. В крайнем случае с запрошенной вами, настоятель, группой можно будет встретиться на пол-пути. – Разминуться в данном случае шансов было мало, так как нормальные дороги в средневековом, – пусть и магическом, – мире были вещь немногочисленной. Магов, которые могли бы относительно быстро эти самые дороги прокладывать, было мало, и большая их часть либо не поднималась выше второго круга, либо попадала в цепкие лапки различных орденов. А уж те «гражданским» специальностям своих одарённых не обучали, предпочитая максимизировать число боевых магов.

У человечества была возможность значительно улучшить свою жизнь, но вот желание этим заниматься у сильных мира сего отсутствовала.

И в итоге все имели то, что имели.

– Соглашусь! Братья, у кого-нибудь есть возражения или дополнения?.. – Настоятель оглядел всех собравшихся, быстро поумерив энтузиазм. По лицам этих служителей церкви было видно, сколь мало в них желание в принципе участвовать в собрании, всеобщими стараниями превратившемся в фарс. – Тогда я считаю, что на этом собрание можно считать законченным?..

Настоятель Мерред ещё даже не закончил, а его «коллеги» уже начали вставать из-за стола и обмениваться едкими комментариями. Парочка индивидуумов даже посчитала возможным прокомментировать жуткость святого, «который как зыркнет, так в штаны наложить хочется». Виктор это слышал, но ничего предпринимать не стал. Только посмеялся про себя, да покачал головой: людей формирует окружение, а церковные служители, родившиеся и всю жизнь прожившие в селениях на пару тысяч человек в лучшем случае, без возможности общаться с кем-то извне, полностью соответствовали образу «типичного простолюдина». Для них самих такое поведение было абсолютно нормальным, и обижаться на это проклятый считал занятием крайне глупым.

Потому в скором времени все церковники беспрепятственно покинули поместье, унеся с собой заранее подготовленные дары – всякую всячину, которую изначально планировалось вручить. Никто ведь не знал, что собрание окажется абсолютно бессмысленным, и из полезного принесёт только кипу разной степени достоверности слухов, а за услуги, даже обязательные, было принято платить. Вот и стали церковники немного богаче и довольнее жизнью, ничего по сути не сделав.

Но Виктор этому, пожалуй, был даже рад, ведь таким образом «час икс» съехал на полтора-два месяца вперёд. Есть время выдохнуть и обмозговать происходящее, понять, что вообще происходит и чего ожидать. Суматоха и спешка проклятого только бесили, в отличии от размеренного, основательного подхода к решению каких-либо вопросов.

И нередкие спонтанные озарения с экспериментами это только подтверждали, будучи теми самыми исключениями из правил.

– Где разместили гостей? – Обратился Виктор к подвернувшейся под руку служанке, решив этим же днём переговорить с Линнет. Та с самого момента своего прибытия обреталась в поместье, но до поры занималась своими делами: то ли ей так отец приказал, то ли она сама, окинув взглядом распорядок дня третьего сына графа, решила ему пока не мешать.

Второе было маловероятно, но в обретение людьми благоразумия Виктору хотелось верить так же, как маленькому ребёнку хочется верить во всеобщее благо.

– В южном крыле, третий этаж, молодой господин. Вас проводить?

– Я сам. Уж в родном доме-то не потеряюсь. – И усмехнулся, заставив девчужку чуть вздрогнуть. К слову о девчужках – сегодня в его покои должна была навеститься Лиса, так что задерживаться с делами точно не стоило. Поднапрячься и решить все вопросы раньше расчётных сроков было задачей сложной, но возможной. И даже время на дополнительную медитацию, – Виктор не собирался оставлять попытки найти ману изнанки, – останется, если постараться.

Подобравшись, проклятый мазнул взглядом по отполированной яшме, украшающей коридор, и быстрыми, широкими, энергичными шагами двинулся вперёд.

Одно стоило признать точно: с удвоившимся резервом маны он чувствовал себя не то, чтобы всемогущим, но крайне сильным точно.

– С Графом, что ли, клинки скрестить?.. – Тихо пробормотал проклятый, сворачивая к южному крылу, в котором действительно было чуть больше стражи, чем обычно. Уж за столько-то месяцев стоило подметить появление оной – Кларисса учила обращать внимание вообще на всё... Но так как Виктору психологически было далеко не шестнадцать, такие навыки он принимал со скрипом. Двадцать семь там, полтора десятка здесь – и вот уже формально проклятого можно чуть ли не сорокалетним считать. Да, детство отбрасывается, но сколько его там наберётся?..

За такими ничего не значащими мыслями Виктор миновал несколько постов с рыцарями в повседневной лёгкой броне, с запозданием поняв, что южное крыло – оно большое. И даже один лишь третий этаж его вмещает двенадцать дверей с огромными покоем за каждой, и ещё три десятка служебных. Линнет прибыла вместе с отцом и парой девушек их фамилии в качестве сопровождения. Отец, будучи человеком занятым и облечённым властью, давно уехал, и девушек рода с собой тоже захватил. Служанок оставил, это понятно, но вот вероятность угадать, за какой дверью Линнет, если она вообще в своих покоях, а не где-то ещё, была... ну, один к двенадцати и была.

Виктор сделал пару неуверенных шагов, после чего вновь остановился и хлопнул себя по лбу: Линнет была одарённой, магом пика первого круга, так что почувствовать её парень мог с лёгкостью. Да и просто жизнь тоже.

«Даже странно, что я сразу об этом не подумал. Почему?..» – мысли в голове начали ворочаться как-то подозрительно медленно, заставив Виктора заподозрить неладное. И непродолжительные измышления, построенные на голой логике, привели его к неожиданному выводу: совсем недавно ничего сверх, собственно, маны он точно не чувствовал, да и эту самую ману «на вкус» не ощущал. Запомнить и попытаться отыскать похожий объект мог, как это было, например, с провожаемой его «взглядом» Страйей почти полгода назад, но не более. На первый взгляд отличия, может, и не столь велики, но на деле они колоссальны! Стоит учесть хотя бы то, что сколь бы глубоко ни заглядывал Виктор в своих воспоминаниях, «чувство вкуса» было с ним всегда. Вот только он им не пользовался, что прямо указывало на отсутствие этой надстройки к шестому чувству, как проклятый иногда мысленно называл восприятие.

Диссонанс, захлестнувший парня с головой, быстро сменился пониманием: «божественная» мана поработала ещё и над восприятием. Не улучшила его, добавив что-то новое, а «разблокировала» то, что было присуще ему изначально.

Или это постаралась мана с изнанки, сотканного из маны отражения реального мира, в котором способность «чувствовать вкус» может быть необходимой для выживания?..

Виктор чертыхнулся прямо перед дверью, за которой ощущалось четыре искры жизни. Одна из этих искр была, помимо всего прочего, окружена маной, и с предельно высокой вероятностью носила хорошо знакомое проклятому имя.

– Так, нужно поторопиться. А то можно и до вечера здесь застрять... – Прошептал Виктор себе под нос перед тем, как постучаться. Определённо, Линнет его на сувениры разберёт, как только парень лично подтвердит, что он теперь тварь крылатая, якобы благословлённая. Шутка ли – девчонка почти четыре месяца держалась от него на расстоянии, а теперь Виктор сам к ней нагрянул?

То-то и оно...

Глава 5

– Привет. – Виктор сопроводил слова соответствующим жестом. – Не помешаю?

– П-привет! – Казалось, что девушка решила сжаться в точку и коллапсировать, до того явно она пыталась казаться как можно менее заметной. – Нисколько не помешаешь! Проходи?..

Второй раз приглашать проклятого было не надо, и он переступил порог, с первого взгляда поняв, что дочь рода Веноза обосновалась здесь давно и прочно, без намерения куда-либо пропадать. Мебель была передвинута, да и мелкий ремонт тут провели, подгоняя покой под требования новой хозяйки.

– В общем-то, я к тебе ненадолго, Лин. Дел больше, чем хотелось бы. – Проклятый ухмыльнулся. – Но лично сообщить тебе о том, что Тэмпус Многоликий, похоже, и правда меня благословил, я посчитал необходимым.

Парень сверкнул глазами.

– Так это правда! Поздравляю-поздравляю-поздравляю! – Малявка бросилась обниматься, а выглянувшая было из комнаты служанка, узрев эту картину, ойкнула и поспешила бесследно исчезнуть. – Я всегда знала, что ты – особенный!

Проклятому осталось только в очередной раз ухмыльнуться так, как умел только он, да продолжить вести начатую линию.

– Я только что с совещания, кхм-кхм, местных служителей церкви. Там решили отправить меня в столицу вместе с наставниками, которые должны прибыть в течение одной-двух недель, так что я бы посоветовал подготовиться к путешествию. Если, конечно, ты хочешь отправиться со мной...

– Хочу! – В этом Виктор не сомневался и знал, что если он сам не предупредит Линнет, то та банально пойдёт следом неподготовленной, чуть ли не в ночнушке, если понадобится. – Там же Страйя? В столице? Она так быстро уехала в тот раз! А кто ещё поедет?

– Ты да я, да мы с тобой. – Попытался схохмить парень. – У меня есть право отбирать тех, кого я возьму с собой. Пара рыцарей, мои рабы, прислуга... Учитывая наставников от церкви, этого должно хватить для быстрого перехода.

– Большим отрядом до столицы и правда идти придётся куда дальше. – Покивала девочка, не понаслышке знающей о том, что такое дорога от города к городу. Пусть родовые земли Веноза от Тарбиллиана отделяли от силы две недели конного пути, маленьким это расстояние назвать было нельзя.

– Вот и я о том. К слову, как у тебя с верховой ездой? – По сути, Виктор не собирался брать с собой кого-либо, кто не умел держаться на коне. Этот немудрёный навык для средневеково-магического мира был чем-то вроде езды на велосипеде для прошлого, так что опасения вызывала только Линнет – аристократка, которая и сюда-то прибыла в дилижансе.

– Я отлично держусь в седле! – Горделиво заявила Линнет, подперев грудь скрещенными руками. – Но путешествовать верхом мне ещё не доводилось. Папа не разрешал.

– Значит, попробуешь. А перед этим, будь добра, выдели хотя бы один день и скажи мне, какой. Покружим верхом вокруг города хотя бы три-четыре часа подряд. Глядишь, получится понять, чего тебе недостаёт. – Виктор задумал этот краш-тест ещё и как способ без лишних глаз, – Линнет в эту категорию не входила, – провести несколько экспериментов с, прости небо, крыльями. Так сказать, и полезно, и приятно. – Только рассчитывай на ранний вечер...

– Да-да, утром и днём ты тренируешься. – Отмахнулась бесшабашная и лишённая тормозов младшая дочь фамилии Веноза. – Как насчёт завтра?!

– Уверена? – Линнет кивнула. – Значит, завтра. Я распорядюсь подготовить пару скакунов...

– Пару? Ты что, никого больше не позовёшь? – Глаза девчушки стали подозрительно большими, а щёки – не менее подозрительно алеющими. Вот и снискал Виктор подтверждение тому, что эти четыре месяца молчания и отсутствия Линнет в поле зрения были продиктованы не тем, что он ей надоел, а чем-то другим.

«А ведь это было бы неплохо...» – подумал проклятый, понимая, что помимо всего прочего он собирался взять в более, чем месячный переход безответно влюблённую в него мелкую аристократку с магическими способностями, и Лису, служанку, в привычку которой вошло через день согревать его постель. С такими исходными данными можно было практически гарантировать, что Линнет быстро обо всём узнает. А уж до чего она может додуматься в итоге...

С этим тоже нужно было что-то делать, и оба варианта Виктору не нравились. Или оставлять Лису в поместье, что не только некрасиво, но и опасно для неё как для фаворитки, покровитель которой уехал далеко и неизвестно на сколько, или проводить с Линнет разъяснительную беседу, что чревато всё тем же, как если бы она всё узнала своими силами. Ну а в свои дипломатические способности Виктор не очень-то верил, ибо проще убедить толпу бандитов просто так тебя отпустить вместе со всем твоим добром, чем объяснить влюблённой в тебя женщине, – даже маленькой, – что ей мало что светит в ближайшие полтора года как минимум.

– Нет, Линнет, не позову. Если честно, я планировал попутно провести несколько опытов со своими новыми способностями. В поместье сейчас слишком много чужих глаз. – А в городе ажиотаж стоит такой, что вот там могут буквально порвать на сувениры, случись Виктору подставиться. В случае с Линнет такой судьбы удалось избежать за счёт эффекта неожиданности и того спокойствия, которое, казалось, возобладало над шепутным характером беловласки. К слову, о волосах: когда-то давно Виктор находил упоминание о том, что такой цвет волос проявлялся у одарённых только в том случае, если они обладали даром волшебника. Но практика показала, что это не совсем так. Или белые волосы указывают на высокий шанс раскрытия такого дара, или связи нет в принципе, а некий мудрец прошлого попался на удочку случайностей и перехитрил сам себя.

– А я, значит, не «чужой глаз»? – Было бы можно – дочь рода Веноза сейчас бы подпрыгивала на месте. – И можно вопрос?

– Смотря какой. – Виктор прищурился.

– А у тебя правда крылья есть?! – Кивок. – А покажешь?!

– Тут всё водой зальёт, так что – увы. Завтра, всё завтра. – Проклятый криво ухмыльнулся, когда перед его глазами пронеслись все те десятки раз вынужденной демонстрации дара. Но так он, по крайней мере, понял, что ограничений по количеству проявлений опахал из воды нет. А так как суммарно с крыльями Виктор проходил сегодня немногим меньше двух часов, то и нелогично маленьких ограничений по времени нет тоже.

Собственно, проклятый-и-благословлённый склонялся к тому, что крылья будут ему доступны до тех пор, пока в теле достаточно маны для замыкания, так сказать, «контура», и пока он находится в сознании. Бессознательно они, возможно, тоже что-то да могут, ведь не все действия требовали от Виктора концентрации – иногда крылья делали что-то самостоятельно. Например, подхватывали что-то, двигались или делали «шаги» без прямого управления ими.

– Тогда увидимся завтра, да? – Линнет чуть наклонила голову, едва проклятый бросил взгляд на дверь.

– «Мысли читает, что ли?». – Подумалось парню, только-только подумавшему о том, что сейчас ему придётся выбирать. Или выложить всё и даже чуть больше, или пытаться держать дочь рода Веноза в неведении, что само по себе задача почти невыполнимая. – Знаешь, есть ещё один вопрос, который я бы хотел с тобой обсудить. Важный вопрос.

«Докуда же я докатился? И откуда это ощущение, будто я хочу какую-то гадость сделать?..»

– Я могу установить барьер, если хочешь. – Линнет пожала плечами, частично витая в облаках, что было видно по её взгляду. – Но своим служанкам я доверяю, как себе.

– Да, барьер будет нелишним. И на твоём месте я бы не слишком доверял слугам: всякое может случиться, так что... – Виктор хмыкнул, так как под конец его слов юная магесса уже принялась возводить барьер. В восьми точках на полу и на потолке вспыхнули символы-якоря, а уже после этого развернулась сама граница, отрезавшая пространство внутри периметра от окружающего мира. Линнет была не столь сильна и искусна, чтобы одним жестом, без привязки и моментально устанавливая такие барьеры. Между магом первого и магом шестого кругов – пропасть, кто бы что ни говорил. – Спасибо...

Виктор набрал было воздуха, но лишь шумно выдохнул, малодушно отведя взгляд.

– Так о чём ты?..

И договорить подруге детства не дал.

– О твоих чувствах, Линнет. Это заметно, не отпирайся – я не такой уж и слепой дурак, каким пытался казаться. – А иначе «своё» поведение проклятый описать не мог. Как не мог и расписаться в том, что «открылись глаза» у него только сейчас. – Я так же понимаю, что буду выглядеть в твоих глазах тем ещё уродом, но иначе поступить не могу...

Линнет нахмурилась. Нет, не так: она НАХМУРИЛАСЬ. Явление, которое становилось доступно взору крайне редко, и то чаще всего в шутку. Сейчас же девочка выглядела так, словно ещё немного – и она начнёт гневаться.

– Начну я с того, что тебя, Лин, я воспринимаю как друга. Хорошего, бесценного друга... но ничего сверх того. Бесспорно, со временем ситуация может измениться, но пока всё обстоит именно так. Обижать тебя я не хочу, но и врать правильным не считаю. – Отчаянная попытка подсластить пилюлю желаемого эффекта не принесла. В уголках глаз Линнет заблестели слёзы. Оттого продолжать Виктору было вдвое неприятнее. – И... у меня есть любовница.

– Рабыня?.. – Первый всхлип.

– Я не настолько плох. – Проклятый выдавил из себя кривенькую улыбку. Получилось плохо. – Служанка, Лиса. Этот разговор... он нужен для того, чтобы для тебя это не стало... слишком неожиданным и слишком плохим сюрпризом там, где ты будешь вынуждена постоянно видеть моё лицо.

Ни разу за обе свои жизни Виктор не видел, чтобы кто-то так рыдал. Практически беззвучно, с едва слышимыми всхлипами и такой нескрываемой болью во взгляде и слезами, стекающими по щекам и разбивающимися о поверхность алого с золотым ковра. Даже мана Линнет начала вести себя совсем не так, как должно. Проклятый чувствовал это так же ясно, как и происходящее в собственном теле.

Совсем не к месту промелькнула мысль о том, что после обучения он станет превосходным антимогом, способным считывать действия мага-противника. А если он ещё и расширит свои теоретические знания о боевой магии...

– Э-этого н-никогда не буд... будет. – Заикаясь и сбиваясь пробормотала Линнет ар Веноза. – Я этого не приму, так и знай!

Виктор тяжело вздохнул.

– Я догадывался, что ты это скажешь. Но так, возможно, всё будет... проще?

– Проще? – На секунду девочка опустила веки, а подняв их – посмотрела на проклятого с осуждением. – Для кого, Вик? Для меня? Или для тебя? Уходи!

– Прости.

Коротко кивнув, Виктор развернулся, повернул дверную ручку и выскользнул в коридор, проклиная про себя мягкость собственного характера. Или это из-за влияния памяти реципиента ощущения оказались настолько гадкими и паршивыми? Так сразу и не скажешь.

Молча, сунув руки в карманы и уставившись в пол, Виктор двинулся в свои покои. Его там ждали книги, купленные ещё в ту ярмарку, а позже, ближе к ночи, придёт и Лиса.

Правда, желания у проклятого не было никакого...

Минутой ранее.

В захлопнувшуюся дверь ударила слабенькая, как раз в пору магу первого круга волна неоформленной маны. С тумбы в прихожей слетела ваза, вслед за которой отправилась и кипа писем, не удостоенных чести оказаться в покоях дочери небольшого, но влиятельного в узких кругах рода Веноза. Временной хозяйке этих покоев писали многие, и немаленькая часть этих писем несли романтический характер: кто не хотел породниться с верными союзниками Бельвиосов?

Но Линнет это нисколько не обеспокоило. Если бы на то была её воля, то ни одно из этих посланий и вовсе не попало бы в её руки. Но так было нельзя: как девушка из благородной семьи, она была обязана читать всю эту корреспонденцию. Ответы на любовные письма писала её доверенная служанка по заранее подготовленным шаблонам, но это был максимум в вопросе делегирования полномочий такого рода.

Сморгнув слёзы, Линнет вновь выплеснула ярость, новой волной маны разметав письма ещё сильнее, а чудом уцелевшую вазу – разбив об стену. В этот самый момент в прихожую высунулась одна из вернейших служанок своей госпожи, но Линнет каким-то образом это заметила и, обернувшись, крикнула:

– Прочь!.. – Благо, на этот раз обошлось без магических всплесков. Худо-бедно, но дочь фамилии Веноза себя всё ещё контролировала.

Служанка исчезла так же быстро, как и появилась, а Линнет устало опустилась прямо на ковёр, подперев спиной стену. В синих глазах до сих пор стояла влага и блестели с каждой секундой проявляющиеся всё сильнее искры злобы. Злобы на себя за то, что родилась так поздно. Злобы на мир, разделивший её и Виктора так несвоевременно. Злобы на какую-то там служанку, испортившую всё, что только было можно!..

Линнет всем сердцем хотела избавиться от этой лисицы и вернуть себе Виктора, но понимала, что провернуть такое собственноручно и не стать парией в глазах возлюбленного ей не удастся. Как не удастся и найти подходящих людей в Тарбиллиане – негласно прозванном самым законопослушным городом королевства. Дома вопрос бы решился менее, чем за сутки – как дочь благородного дома, Линнер ар Веноза была в полной мере осведомлена обо всём, что могло ей когда-либо потребоваться.

В столице же...

Вскочив на ноги, Линнет широкими, – насколько ей позволял рост, – шагами направилась в свою спальню. Служанки, собравшиеся в гостиной, проводили хозяйку испуганными взглядами, но ничего не сказали: чувствовали, что так можно и под горячую руку попасть. Линнет это их поведение нисколько не обеспокоило, и спустя десяток секунд она уже склонилась над бумагой с заправленным пером, зажатым меж пальцев. Текст ложился на плотный лист быстро и изящно – точно так, как и должно быть у аристократки. Сначала четверть, половина, а после и всё свободное пространство оказалось исписано. Линнет критически оглядела результаты своего труда, посчитала их приемлемыми и отточенным до совершенства бытовым заклинанием заставила чернила запечься так, словно они лежали и сохли не меньше суток. Девочке осталось только запечатать конверт и отправить её своей тёте.

Единственному человеку, общению с которым препятствовал отец. Но страждущий да обрывает, и Линнет уже давно вела переписку с опальной аристократкой.

И сама не замечала, как становилась куда ближе к ней, чем к родной матери...

Глава 6

– Грат, мне нужно кое-что проверить. Подсобишь? – Сказал только что устроивший натуральное святотатство Виктор. Он закончил тренировку, но вместо посещения бань или хотя бы использования близлежащих бочек с дождевой водой банально «окатил» себя проявившимися на пять секунд крыльями. – Понадобится боевой меч.

Последние слова проклятого сопровождались кивком в направлении самого далёкого уголка тренировочной площадки. Обычно он был скрыт за кронами деревьев так, что происходящего там в принципе заметить было невозможно, однако сейчас в силу сезона листвы не было. Из-за этого уголок как укрытие был выбором довольно посредственным.

Но откладывать не хотелось, да и задуманное проклятым отняло бы максимум пару минут, так что Виктор решил слегка «посветить опахалами».

– Сделаю, что нужно. – Кивнул платиноволосый мечник, в руках которого в принципе чаще всего был именно боевой клинок. Тренировочный он брал только для спаррингов с Виктором, ибо в последнее время всё чаще рыцарь ловил себя на недостаточном уровне контроля над их схватками. А недостаток контроля – прямой путь к травмам. В каких-то орденах боль только поощряли, но Грат, во-первых, не имел никакого отношения к последователям столь жестоких школ боя, а во-вторых по статусу не имел права избивать третьего сына графа, своего сюзерена, между прочим. Даже если Виктор ван Бельвиос сам потребует иного, последствия для Грата могут оказаться катастрофическими.

Виктор же тем временем на ходу снял с себя лохмотья, оставшиеся от излюбленной льняной рубахи, добрался до закутка – и выпустил все четыре крыла.

– Твоя задача, Грат – проверить, насколько всё плохо с защитными свойствами крыльев. Теоретически защищать они должны превосходно, будучи проявленной в материальном мире маной, но вот на практике... – Виктор отвёл три крыла в сторону, а одно вытянул перед собой так, чтобы рыцарю было сподручнее рубить. – Начинай без маны и постепенно наращивай мощь ударов.

Грат коротко кивнул и встал в позицию, без лишних промедлений обрушив меч на крыло, представляющее собой поток чуть-чуть светящейся воды. Удар, способный разрубить человека от плеча до задницы, крылу нисколько не навредил, увязнув в текучей поверхности. Интересу ради Виктор повёл дополнительную конечность назад, стремясь как бы вырвать меч из рук рыцаря, но тот не просто так обещал уже в ближайшие месяцы ступить на следующий ранг. Точно и стремительно Грат сместился так, что его оружие освободилось само, просто выскользнув из плена движущегося крыла.

Возможность свободно тренироваться на службе у Виктора явно крайне положительно сказалась на его прогрессе, что не могло не радовать. Едва ли рыцарь, вкусив плод относительной свободы, откажется от дальнейшей службы.

Скорее уж сам на неё попросится...

– Бью с усилением, молодой господин. – Сказал мечник перед тем, как хищно прищуриться и нанести прямой удар сверху вниз. Виктор чуял движение маны в теле Грата, так что мог с уверенностью сказать, что он сам, приложив все усилия, мог усилиться лишь немногим больше.

А тем временем меч, поверхность которого зарябила от начавшей поступать в него маны, столкнулся с крылом... и опять увяз, прорубив себе путь лишь немногим глубже, чем в прошлый раз. И теперь Грат, сразу же вырвав клинок и попытавшись ударить в то же место, не смог скрыть своего искреннего удивления. Ведь удар, которым он так гордился и который заставлял напрячься любого вирфорта вплоть до третьего ранга, оказался практически бесполезен против крыла святого.

А в том, что Виктор – это именно что святой, скептически настроенный по отношению к церкви Грат теперь не сомневался.

Всю последующую минуту рыцарь отчаянно рубил, рассекая воздух и постепенно наращивая силы, но всё оказалось бестолку: потоки маны, обратившейся водой, оказались практически неуязвимыми. Даже последний, самый сильный удар вирфорта третьего ранга, использовавшего всё возможное, не отрубил крыло, хоть и погрузился на добрый десяток сантиметров вглубь него. При этом разрубленная «плоть» заросла, заключив меч в плен, из которого Грат вырвать своё оружие уже не смог.

– Попробуй дальнобойную атаку. – Скомандовал проклятый, на секунду развеяв крылья, вернув рыцарю его оружие и материализовав опахала взад. Грат выдохнул, мазнул сосредоточенным взглядом по крылу и начал наращивать скорость движения и плотность потоков в своём теле. Параллельно с тем он встал в необычную стойку, больше подходящую копейщику, а не мечнику.

Всё для того, чтобы последующий укол оказался как можно более разрушительным.

Виктор, наблюдая за рыцарем и запоминая в мельчайших подробностях, что и как тот делает, едва не пропустил момент, когда Грат выбросил меч вперёд. Сам клинок не дошёл до цели и остановился, но того же нельзя было сказать о мане, влитой в сталь за мгновение до выпада. Сотканная из маны структура меча разорвала все связи со своим материальным вместилищем, продолжив движение и начав дестабилизироваться. Собственно, дестабилизация привела как раз к тому, что концентрированный поток маны оказался значительно больше самого меча, потеряв в убойности и скорости.

Но это не помешало потоку просто рассечь крыло и уйти дальше, вгрызться в почву и затихнуть на глубине в полтора-два метра. Виктор поморщился: ощущение прерывания потока, формирующего крылья, оказалось не из приятных. Благо, оно быстро утихло. Крыло отросло, а потери в мане составили немногим больше одной десятой от всего объёма возросшего резерва. Чувствительно, хоть и не так плохо, как могло бы быть.

Прислушавшись к своим ощущениям и не обнаружив никаких негативных последствий сверх уже обнаруженных, Виктор избавился от крыльев, принявшись споро натягивать уцелевшую верхнюю одежду.

Погодка не то, чтобы вдохновляла на прогулки с голым и мокрым от воды торсом.

– Что скажешь, Грат?

– Вы и правда благословлены, молодой господин. Если научитесь управляться с крыльями в бою, то противник того же ранга ничего не сможет вам сделать. Мой последний выпад, будем честны, подготавливался слишком долго, и от него можно было не раз уклониться. – Рыцарь развернул свой клинок и пристально его осмотрел, словно пытаясь высмотреть дефекты, из-за которых его атаки не могли навредить проявленной элементальной мана-структуре. – Мне очень интересно, на что вы способны в атаке...

– Это мы будем проверять не раньше, чем из поместья схлынут многочисленные гости. Или, если выдастся возможность, сегодня вечером я что-то, да смогу понять. – Грат вопросительно вскинул бровь, на что Виктор пояснил: – Конная прогулка с подружкой детства. За городом, так что лишних глаз там, возможно, не будет.

– Почему вы так беспокоитесь о сохранении своих способностей в тайне, молодой господин? Это ведь практически бессмысленно. Не сегодня, так через несколько месяцев заинтересованные лица обо всём разузнают...

– Чем позже – тем лучше, Грат. Не знаю, кому и зачем я могу понадобиться, но нападать на того, чьи способности по большей части неизвестны не станет никто. – В этом мире разведка всегда играла основополагающую роль. – Можешь считать меня параноиком, но почему-то мне кажется, что святой, официально болтающийся где-то рядом со вторым рангом – это лакомый кусочек для тех, кто не отказался бы святого препарировать...

– На такое пойдут только отъявленные еретики! А их в Тарбиллиане и его окрестностях нет. – Веско подметил Грат, голос которого под конец дрогнул. Видно, он и сам засомневался в своих словах.

– Кто знает, Грат, кто знает? Тьма успешно избегает полного уничтожения на протяжении последних двух веков, а её корни могут обнаружиться где угодно. – Особенно в регионе, в котором представители церкви – форменные идиоты, куклы, усаженные на свои места просто для создания видимости присутствия в графстве крупнейшей силы континента. – Лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Возможно, что и так, молодой господин. – Не стал спорить склонивший голову рыцарь. – А сейчас вы?..

– Пойду готовиться к поездке. Ты можешь заняться своими делами, Грат. На сегодня мы закончили.

С этими словами Виктор направился к своим покоям, намереваясь немного времени уделить артефакту, проверить коней и найти Линнет. Возможно, та и откажется от их поездки, но рассчитывать лучше на иной исход.

В конце концов, найти себе занятие Виктор мог где и когда угодно – было бы время.

Вместо Линнет проклятого встретила одна из её служанок, сообщившая о том, что выезд за город её госпожа не отменяла, и он состоится. Так что большую часть оставшегося до отмененного часа времени Виктор провёл за книгами, одним глазом посматривая на артефакт, необходимые изменения в конструкции которого витали где-то на периферии сознания, но никак не давались основному потоку сознания. Умом проклятый понимал, что решение лежит на поверхности, и оно ему, по сути, уже известно, но пока ничего не выходило.

Благо, Виктор со «стреломётом» никуда не торопился, а «дозреть» неведомая мысль могла и в дороге.

Потому к северному выходу с территории поместья Виктор прибыл с относительно лёгкой, – проблема с Линнет самоликвидироваться не могла в принципе, – душой и определённым планом действий на сегодня. За основные задачи он принял проверку того, как подруга детства держится в седле, и, по возможности, начало лесозаготовки при помощи крыльев. Резать они резали – проверить это было несложно, но вот насколько эффективно это происходит? Людей в качестве мишеней не предвиделось, манекены для отработки ударов было жалко, да и стояли они на виду, а противодействием крыльев магии Виктор планировал заняться несколько позже, после того, как у него в голове сформируется примерное представление о возможностях этого то ли дара, то ли проклятия в физическом плане.

– Вы можете идти. – С ухмылкой бросил Виктор слугам, которые уже стояли подле ворот и присматривали за парой иссиня-чёрных коней с белыми полосами, тянущимися от макушек до оснований хвостов.

Похлопав ближайшего скакуна по крупу, проклятый подпер спиной ту же изгородь, к которой были привязаны животные. Погода казалась очень даже располагающей к хорошей прогулке: чистое небо, пусть и клонящееся к горизонту, но щедро заливающее город своими лучами солнце, прохладный весенний ветерок. Всё это вкупе заставляло улыбаться, – и пугать прохожих за забором, – пассивно поднимая настроение.

А спустя несколько минут скучающий взгляд Виктора наткнулся и на маленькую фигурку, показавшуюся из-за лысых зарослей окружающего поместья Бельвиосов парка. Линнет шла одна, держа подмышкой какую-то накидку для седла. Одетая она была в лучших традициях восточных провинций графства: женский верховой костюм с декоративными шпорами и такими же бессмысленными ремешками, тянущимися от пояса до плеч. Чем-то всё это походило на охотничью одежду, но отличалось не самой высокой практичностью: как-никак, у аристократов были свои представления о прогулках верхом.

– А если бы я не решил прийти чуть пораньше? – Хмыкнул Виктор, отвязав первого скакуна и подведя его девочке навстречу. Лицо Линнет сначала вздрогнуло, а после она не без труда вернула на него своё обычное жизнерадостно-довольное выражение. И эта метаморфоза впечатлила проклятого больше, чем могли бы любые ругательства или проклятия. – Лин?

– Ты же помнишь, что я от своего отказываться не собираюсь?

– А я, значит, твой? – Парень вскинул бровь. – Пойми, в тебе я вижу только друга. Ты младше, да и воспринимаешься скорее как младшая сестра...

– Возраст как проблема проходит со временем! – Серdito заявила Линнет, оттеснив парня от коня и начав устраивать поверх седла принесённую с собой приспособу. Благо, это оказалось не «боковое седло», столь популярное у не выезжающих за стены родного города дородных знатных дам. – И взгляды тоже меняются! И люди!

Виктор тяжело вздохнул.

– Как скажешь, Лин, как скажешь. Предпочтёшь поездку у реки, или тебе больше по нраву холмисто-лесистая местность? – Формально леса здесь были повсюду, но река протекала по, можно сказать, равнинам, а вот с другой стороны от города были сплошные, заросшие холмы.

– Река будет лучше. – Бросила всё ещё надувшаяся девочка, весьма ловко запрыгнувшая в седло. Ей даже помогать не пришлось, хоть Виктор и собирался это сделать.

– Что ж, река так река. – Покивал проклятый, отвязав и оседлав своего скакуна. Пара секунд – и животное успокоилось, продемонстрировав готовность к преодолению любых испытаний.

А если говорить проще, то конь забил копытом, едва ли не искры из камня высекая.

Проехав через распахнутые привратниками ворота, Виктор и Линнет быстро влились в уличный поток. Благо, простой люд и сейчас не торопился чинить препятствий знатным особам. Правда, была пара эксцессов с узнавшими «святого» Виктора горожанами, но там хватило приветственно вскинутой руки и снисходительной, но пугающей до дрожи в коленках улыбки.

В остальном же они быстро выехали за стены, миновав стражу безо всяких проверок, и взяли курс на реку, оставив позади основной торговый тракт. Дорожки и тропинки, которыми пользовались горожане и селяне из близлежащих сёл, лучше всего подходили для их главной цели – прогулке там, где лишних глаз или будет крайне мало, или не будет совсем.

– Ну, как минимум в седле ты держишься вполне уверенно. – Спустя четверть часа напряжённой тишины подвёл промежуточный итог проклятый, прищпоривший коня и вырвавшийся на несколько метров вперёд. – Хочешь сказать, что верхом практически не передвигалась?

– Редкие воскресные прогулки со Страйей и другими подругами. Иногда выезды на охоту... – Тут девочка осеклась, но отсутствие негативной реакции со стороны Виктора вернуло ей чуть было не утёкшую уверенность. – Не сказать, чтобы у меня были с этим какие-то сложности, но и профессиональной путешественницей меня не назвать.

Виктор рассмеялся. Только сейчас он понял, что, возможно, Линнет специально уменьшила свои умения, чтобы спровоцировать его на такую поездку. Или он это надумал на нервной почве, что тоже вполне возможно. Кто знает, где тут истина?

– Предлагаю слегка ускориться. Рысью. – Сказал парень, моментально вырвавшись вперёд. Совсем уж разгоняться на таких тропках он не собирался, но пока видимость была приемлемой, так что почему бы и нет?

Тем более, что вид по правую руку открывался превосходный: широкая река, краем цепляющая Тарбиллиан, здесь была особенно хороша. Зеркальная гладь воды, густая растительность на берегах, живность, снующая в глубине и иногда оставляющая на поверхности расходящиеся циклические круги – всё это раздолье радовало глаз.

– Думаешь, я от тебя отстану?! – Прокричала Линнет, держась чуть позади. Ширина тропки была такова, что двум всадникам здесь никак не развернуться.

– Если бы! Ни в одном из смыслов. Но как ты сама говорила, время меняет людей!.. – Виктор расхохотался и, прильнув к могучей шее своего скакуна, похлопал того ладонью. Мощь породы и звериных мышц впечатляла не меньше демонстрирующего своё искусство вирфорта, а ощущение свободы, пусть и лишь на прямой этой тропинки, пьянило. Виктор оглянулся через плечо – и понял, что Линнет, похоже, испытывает те же ощущения. На её лице не осталось ни следа от прежнего расстройства и тяжких дум, а вот азарта и интереса было хоть отбавляй.

«Ну, хоть что-то лучше полного ничего» – подумалось проклятому, когда он вместе с конём красиво вписался в очередной резкий поворот...

Глава 7

Почти три часа подростки провели верхом, объездив весь левый берег Тарбиллианской реки и поверхностно рассмотрев здесь всё, что только было можно. Но как-то так вышло, что лишь на обратном пути, когда солнце уже заходило, им на глаза попался пляж. Самый обычный, естественный каменистый пляж, позволяющий спуститься к воде не продираясь через натуральные заросли.

И что Виктору, что Линнет пришла в голову одна и та же глупая идея: проверить, можно ли в этой воде купаться. Несмотря на то, что вполне очевидным было обратное, они всё-таки свернули с тропинки, привязали коней чуть поодаль и спустились к воде, подтвердив то, что и так было понятно: вода даже до температуры воздуха не дотягивала, да и лёд с неё сошёл совсем недавно.

Так или иначе, но «возвращаться с пустыми руками» они посчитали кощунством, и потому наскоро соорудили костёр. Виктор, не будь дурак, проверил окрестности восприятием и убедился в отсутствии других людей, после чего скинул верхнюю одежду вместе с рубахой, высвободил крылья и начал как рубить дрова, так и проверять, что хотел под аккомпанемент задорных восклицаний наслаждающейся зрелищем Линнет. А уже огонь добыла девочка, воспользовавшись банальным воспламеняющим заклинанием, которое одинаково хорошо жгло и людей, и свежие брёвна.

– Кому расскажу, что целый святой Виктор рубил своими крыльями дрова для костра – никто не поверит. – Прыснула в кулачок Лин. – Как ты вообще до этого додумался?

– Я изначально планировал попробовать. Манекены и людей жалко, а деревья – самое то. Их и вирфорт мечом не всегда способен перерубить, так что какое-то понимание эксперимент мне дал. – Крылья рубили если не отменно, то вполне себе хорошо. Дерево диаметром в сорок сантиметров рассекалось играючи, но уже с пятидесятисантиметровым всё было не так гладко. Но проклятого устраивало и это, ибо человек – он, понимаете ли, куда менее прочен, чем могучая растительность.

Даже если на нём надеты доспехи или имеется простенький защитный артефакт.

– Всё-то ты пытаешься обернуть вот так... – Девочка обняла собственные колени, водрузив голову сверху. В её синих глазах плясали отражения пламени костра, а волосы покачивались в такт накатывающим порывам промозглого весеннего ветра. Погода портилась, а дорога обратно должна была занять не меньше часа.

– Всё, да не всё. В первую очередь я хотел удостовериться в том, что поездка не станет для тебя слишком уж серьёзным испытанием. Ничего не натёрла?

– Дурак! – В Виктора полетел сгусток тёплого воздуха. Один из многих, которыми девочка предусмотрительно себя согревала. Парень рассмеялся, начав подниматься на ноги.

– Нужно собираться и ехать назад... – Что-то на периферии сознания покорило проклятого, и он на секунду застыл, обратив внимание на своё восприятие. И точно: со стороны тропы, идущей параллельно «их», находилась группа из семи человек. Они выстроились клином, и как будто наблюдали. – А то так ещё дождь пойдёт, и мы тут застрянем.

– Плохо, что ли? – Спросила девочка, чуть наклонив голову. В её глазах задорно плясали бесята.

– Хорошо. Но в поместье нас хватятся и поднимут на ноги всех, кого смогут. А за такое никого по головке не погладят. – Покачал головой проклятый, стараясь ничем не показывать своей обеспокоенности. Смотреть куда-то в ночную тьму смысла не было – глаза не воспримут, без подготовки и артефактов дальше полусотни метров в таких зарослях ничего не увидят.

А вот насторожить наблюдателей так было вполне возможно.

Хорошо будет, если они тут не по их души, но почему-то Виктору казалось, что всё обстоит с точностью до наоборот. И ведь Линнет из-под удара не вывести: даже если он отправит её вперёд, а сам останется, чтобы задержать врага, что помешает им разделиться? А если отряд не один, а два или три, идущие смыкающимися кольцами как раз на случай прорыва? Он сам бы так и сделал, вдобавок и на другой берег кого-то отрядив...

Чертыхнувшись в собственных мыслях, Виктор помог Линнет встать, попросил её потушить костёр, – чтобы не светить крыльями и не тратить время, – после чего форсировал «погрузку» на коней. Параллельно он рассуждал о портящейся погоде, тыкал пальцем в хмурю тучу на горизонте и в целом делал вид крайне обеспокоенный. Что от Линнет, хорошо знавшей реципиента, который нашёл место и в Викторе-нынешнем, не укрылось. Она поняла, что что-то не так, но лишних вопросов не задавала и в принципе стала самым послушанием. Никакой паники – только рутинные действия и неловкие, – не по смыслу, а из-за обстановки, – разговоры.

Но когда все семь сигнатур незнакомцев двинулись за ними следом, а на самой границе восприятия впереди появилась ещё одна группа неясной пока численности, Виктор начал продумывать план действий.

Таинственный неприятель вполне очевидно использовал тактику с окружением: одна группа караулила здесь, у пляжа, а другая находилась на пути к Тарбиллиану. И строился весь их план на том, что нагулявшиеся детишки выдвинутся к городу, позволив себя окружить.

Учитывали ли они «святость» Виктора? Обязательно. Знали ли они о том, на что он способен? Скорее только предполагали, ибо даже сам проклятый до сих пор не знал, на что способен. Во время «тренировки» с Гартом наблюдателей, вроде как, не было, да и перед лесозаготовкой уже здесь парень проверил округу. Вот только не подготовиться к неожиданностям они не могли, и уж точно знали, что крылья «святого» Виктора состоят из воды. Следовательно на том берегу, скорее всего, есть группа перехвата. Вполне вероятно, что всего одна, ибо пеших детишек поймать много ума не надо. Это верхом они могли каким-то чудом вырваться, для чего и потребовалось их окружать. А на своих двоих четырнадцатилетняя магесса первого круга и вирфорт «что-то около второго ранга» много не пройдут, да и ничего толком не навоюют.

Так, скорее всего, размышлял противник, которого проклятый был обязан переиграть. Даже не ради себя, а ради Линнет, которую он невольно подставил под удар. Предполагал же, что что-то такое может произойти, но всё равно пошёл за город без охраны. Пошёл как последний болван, которому на самом деле шестнадцать, а не двадцать семь плюс опыт реципиента.

Но что можно было сделать? Прорываться в противоположном от Тарбиллиана направлении – бесперспективно, своих там нет, и беглецов легко догонят. Вперёд – на это и должен быть расчёт врага, который наверняка укрепил позиции. По реке... вряд ли такая возможность не была учтена неизвестными, но и усилиять другой берег больше, чем этот они бы не стали. Ходить на крыльях Виктор уже умел, так что перебраться через реку они в любом случае смогли бы. Холодно будет, конечно, но труп – он вообще температуры окружающей среды.

Ещё раз взвесив все «за» и «против», в частности весь отряд числом в двенадцать рыл далеко впереди, проклятый придержал коня и увёл того с тропы, поравнявшись с идущей позади Линнет.

– Лин, слушай меня внимательно. Барьеры ставить умеешь? Знаю, что умеешь. Повтори в уме и готовься их разворачивать. Сначала атаковать будут в спину. Главное – не паникуй, не кричи и готовься ко всему. – Они как раз проезжали самое узкое место реки, так что Виктор не хотел терять времени на более подробные разъяснения. До засадной группы впереди оставалось двенадцать километров, а до тех, что пристроились сзади – всего четыре. И для сильных одарённых, что магов, что вирфортгов, это совсем не расстояние. – И держись за меня как можно крепче. Готова?

– К чему?! – Прошипела Линнет, испуганно заозиравшись.

– Ко всему... – Виктор произнёс это уже спрыгнув с коня и разорвав одежду выпущенными наружу крыльями. Сходу подхватив Линнет на руки, парень на максимальной для себя скорости ломанулся к реке, умоляя реальность подбросить ему рояль-другой.

Деревья, за которые цеплялся проклятый, трещали, трескались и падали, а некоторые кусты, которым не повезло попасться под крылья, выкорчёвывались или даже перемалывались в мелкую труху. Мана в теле Виктора не пошла вразнос, но была недалеко от этого, откликаясь на состояние хозяина и ускоряясь до предела. Вместе с этим росли и скорости потоков в контуре крыльев, так что даже простое прикосновение ими к чему-либо сеяло форменные разрушения.

Прямо как потоки маны в церкви, разворотившие основательное здание менее, чем за минуту.

Меньше тридцати секунд потребовалось проклятому для того, чтобы преодолеть почти три сотни метров, отделяющих их от реки. И как же он обрадовался, когда коснувшиеся водной глади крылья не стали проваливаться, а вместо этого всего лишь увеличили затраты маны, которая стремилась излиться в воду!..

Параллельно с управлением крыльями проклятый был вынужден напрягать восприятие до предела, отслеживая передвижения врагов и готовясь реагировать на появление новых. Но пока ощущались только «старички», сорвавшиеся со своих мест с незначительной задержкой в десятку секунд. Передвигались они очень быстро, и судя по напуганному шёпоту Линнет – некоторые ещё и по воздуху.

– Четверо магов! Они летят, Вик, они летят!..

Сведения крайне хреновые, так как даже на кратковременный полёт были способны лишь маги от третьего круга и выше. А такие, будь Виктор хоть трижды святым, спеленают его чисто за счёт командной работы и подавляющей мощи. Даже вымотать их не представлялось возможным, ведь проклятый – один, в то время как врагов там целая толпа.

До Тарбиллиана же оставалось девять километров по прямой. С одной стороны – чертовски много, но с другой, судя по отсутствию врагов на этом берегу и набранной при помощи крыльев скорости, расстояние преодолимое.

Только коняшек жалко...

Враг дал проклятому целых пять минут, прежде чем маги-«гончие» сократили дистанцию настолько, чтобы видеть беглецов своими глазами. И тогда же, практически одновременно с окриком Линнет, «святому» пришлось уклоняться от хлестнувшего по земле электрического разряда. Несмертельного: очевидно, этим уродам Виктор был нужен живым, но в способности своего тела продолжить нормально шевелиться и думать после такого удара парень был совсем не уверен.

Ещё трижды один из летящих высоко в небесах магов пытался задеть свою цель электричеством, пока не разочаровался в этом неблагодарном занятии. Только и только тогда он подключил к делу коллег, арсеналы которых требовали от них подобраться к цели поближе.

И они подобрались, разразившись целым каскадом заклинаний.

Проклятый изогнулся невероятным образом, пронося себя и свою бесценную ношу через огненный вал целой и невредимой. Страшный треск полыхающего леса стал таким же его спутником, как и опаляющий кожу жар. А на выходе из пекла Виктору пришлось разбивать ряд вырывающихся из земли каменных штырей и подставлять крыло под град слабеньких, но способных оставить серьёзные ожоги огненных стрел. Его щадили, пытаясь взять живым, и оттого Виктору было ещё противнее. Он не любил слабость, ведь та вела к потерям. А терять...

Терять проклятый не любил.

Виктор и сам не понимал, как он прорывался через поднимающиеся колонны земли, не натываясь на электрические разряды и локальные врата в геенну огненную, порождённые

огненной стихией. Каждую секунду ему что-то, да грозило, но он умудрялся на это реагировать и разумом, и телом, и крыльями. Да, пару раз приходилось жертвовать одной из этих конечностей, но на фоне иного, куда как более мрачного исхода такая мелочь затерялась, словно её никогда не существовало.

В какой-то момент Виктор даже поверил в то, что им удастся добраться то Тарбиллиана, где в дело вступит городская стража. И не будет никакого боя с магами и порядком от них отставшими сигнатурами, которым, при текущем темпе, до нынешней позиции беглецов добраться чуть ли не десять минут.

Но всё поменялось в тот самый миг, когда в бой вмешался четвёртый маг, прежде лишь наблюдавший за своими «коллегами».

Лопнул барьер, который Линнет, среагировав на новую опасность, успела своевременно развернуть. Но мог ли маг первого круга что-то противопоставить магу четвёртого? Едва ли: хрупкая прозрачная стена рассыпалась, не остановив и даже не задержав кандалы из тёмного тумана, в одно мгновение сковавшие и стянувшие крылья Виктора у самого основания.

– Выкуси, ...ть! – Выругался проклятый, развеивая и вновь материализуя крылья. Кандалы остались позади, бессильно упав на землю и удивив магов, которые уже сбавили скорость и приготовились окружать беспомощную цель. Оно и логично: крылья «святого» – это вам не заклинание, которое нужно заново формировать на протяжении бесконечно долгих секунд. Да и сам Виктор ни разу не маг, а вирфорт, отбившийся от посягательств целого верховного божка!

Линнет же, поняв, что её боевая магия здесь бессильна, прикусила губу и вскинула руки за спиной несущего её проклятого, начав создавать самые яркие светляки, на какие только была способна. Они какое-то время держались у её ладоней, после чего отрывались и поднимались на несколько метров вверх, располагаясь точно между беглецами и магами, парящими в небе. Сил это известное даже ребёнку, – одарённому, естественно, – заклинание требовало крохи, существовало не дольше минуты, но в условиях наступившего вечера работало превосходно. Здесь и сейчас преследователи ориентировались в большей мере на своё зрение, а не на восприятие, так как оно, во-первых, по всем параметрам, в десятки раз уступало таковому у проклятого, а во-вторых значительно теряло в эффективности там, где буйствовала мана.

А проводимый ими обстрел вызывал именно что буйство этой энергии.

Виктор не видел, что именно сделала Линнет, но сам факт формирования неких заклинаний почувствовал. Как почувствовал и то, что враги зачастили с промахами, а порой и вовсе били куда-то в сторону: то девочка, уверившись в эффективности задумки, поднапряглась и начала разводить светящиеся сферы в стороны.

Тем временем Виктор уже мог окинуть восприятием как бы не всю северную стену Тарбиллиана, которую не было видно глазами только и исключительно из-за леса. Меньше четырёх километров оставалось до места, которое просматривалось усиленной магами рода Бельвиос стражей.

«Нормальные люди подходы к крепостным стенам зачищают, знаете ли!» – в сердцах и про себя выругался парень, когда очередная магическая вспышка прошла в опасной близости от его спины. Преследователи адаптировались, а новых идей касательно способов от них оторваться не было совсем...

– Лин, сможешь пустить в небо сигнал? Красный с золотом? – Виктор сильно жалел о том, что он ничего не знал о тревожных сигналах рода, каковых не могло не быть. Но симпривизировать, чтобы просто привлечь внимание это им точно не мешало.

– Дай мне минуточку!..

Проклятый почувствовал, что маги врага пошли на снижение, да и в целом заметно ускорились, перестав экономить силы. Поняли, видимо, что если не в последующие пять минут, то уже никогда им не нагнать добычу и не захватить молодого, слабенького «святого». Но хотя бы

остальные сигнатуры по большей части отстали, и на расстоянии в восемь-девять километров остались только спешащие на помощь товарищам маги. Никто другой летать не умел, так что вариантов тут и не было.

Ещё минуту продолжалась погоня, прежде чем Линнет вскинула руку к небу и выпустила вверх целую вереницу искрящихся алых, с золотыми переливами огней. И точно в этот момент перед беглецами вздыбилась не земля, нет: сами тени поднялись сплошной стеной. Виктор попытался разорвать барьер крылом, но то смогло едва-едва пробиться через него. О том, чтобы пролезть самому не шло и речи, но Линнет...

Сжав зубы и разогнав ману в каналах сверх максимума, Виктор перехватил свою ношу за подмышки и всеми крыльями врезался в барьер, проделав в том небольшую дыру. Дыру, в которую была выброшена Линнет за секунду до того, как неизвестный маг врага отреагировал на попытку прорыва и укрепил тeneвую стену, обрубив крылья проклятого и заставив его формировать их заново.

– Что ж, балласт сбросили. Осталось продержаться... – Пробормотал Виктор себе под нос, разворачиваясь лицом к врагу и тут же уходя от уже привычных ветвистых недомолний, которым до оригинального природного явления было очень-очень далеко.

Оно и к лучшему, впрочем.

Первые двадцать секунд Виктор только и делал, что уклонялся, пытаясь найти закономерность в действиях врага. И как только ему показалось, что она нашлась, проклятый попытался вырваться из клетки через отсутствующую «крышу» – но от неба его отрезал град холодящих воздух льдин, следом за которыми хлынули и отчётливо ощущающиеся воздушные лезвия. Виктор только чудом не потерял крылья, которые такими темпами просто не выйдет заново отращивать. Он терял их полностью или частями так, что к нынешнему моменту от резерва осталась едва ли половина. И это было очень плохо, так как вся четвёрка магов поторопилась спуститься ещё ниже.

А после барьер был доведён до своей финальной формы, и потоки теней закрыли небо. На отрезанное ото всего остального мира пространство опустилась абсолютная тьма...

Но Виктор, поведя носом и опустив веки, лишь оскалился.

– Думаете, это меня заперли с вами? – Попытка подбодрить самого себя оказалась очень даже к месту. – Нет! Это вас заперли со мной!..

Там, где зрение было бесполезно.

Там, где бал правили опыт и восприятие.

Там, где враг рассчитывал получить абсолютное, подавляющее преимущество...

Охотники и добыча поменялись местами!

Глава 8

Линнет продиралась через лес, не обращая внимания на появляющиеся на нежной коже ссадины и царапины. С её вскинутой вверх правой руки в небо то и дело устремлялись всё новые и новые искры, а из глаз по щекам лились серебрищиеся в темноте слёзы. Виктор, этот дурак, просто выбросил её из ловушки, оставшись в одиночестве против четырёх магов, заклинания которых её, не самой бездарной магессы, барьеры не задержали ни на секунду! Помогла только рассказанная тётушкой хитрость со светом в ночи, да только и этого хватило лишь на несколько минут...

Но несмотря на бурю эмоций, разрывающих душу, Линнет ар Веноза не собиралась бросать всё на самотёк. Она обязана была добраться до города и сообщить Бельвиосам о произошедшем. Поднять на ноги стражу и всех, кого только удастся. Ведь иначе Виктора или убьют, или схватят. И произойдёт это по её вине, ведь если бы не она, то новоиспечённый святой просто не вышел бы из города без сопровождения.

«Наивная, мелкая, возомнившая о себе невесть что дура!» – единственная мысль, набатом бьющая по вискам с самого момента осознания опасности. А ведь сначала она подумала, что бегут они от разбойников, и посчитала ситуацию романтической...

Не меньше пяти минут потребовалось девочке для того, чтобы вырваться на пустырь перед крепостными стенами. Высокие стены из серого камня, казалось, подпирали собой смурное небо, а нередкие огни в бойницах и на башнях манили продрогшую Линнет своим теплом. Но манили бестолку, потому что холод несколько не волновал её.

В отличии от небольшого отряда из двух магов и десятка стражников, отправленных за стены для того, чтобы проверить причину, по которой в небо то и дело взлетали магические искры.

– На Виктора ван Бельвиоса напали! – Тут же выдала Линнет, шаря взглядом по лицам собравшихся здесь людей. Сначала они выглядели вполне себе спокойно, но стоило только им осознать услышанное, как оба мага по-настоящему ужаснулись, синхронно активировав какое-то сложное заклинание. Стражники же хоть и растерялись, но подобрались, изготовились к бою и начали рассредотачиваться вокруг магов и девочки, беря тех в оборонительное кольцо.

– Северная стена, лес, нападение на третьего сына! – Оттарабанил старший маг двойки одновременно с тем, как его напарник развеял своё заклинание за ненадобностью. – Нужна поддержка! Мы выдвигаемся вперёд!

Ответ Линнет не расслышала, да и не интересно ей это было. Проследив взглядом за сорвавшимися с места магами, которым не понадобилось и десяти секунд для наложения себя усиливающих тело чар, она втянула носом холодный воздух – и с упорством носорога ринулась к воротам, растолкав стражников и проигнорировав их предупреждающие выкрики.

Этого отряда было мало. В караул никогда не ставили сильнейших, а значит пара магов если и сможет помочь Виктору, то совсем немного.

Дочь рода Веноза точно как и минутой ранее собиралась поднять на ноги всех, кого только можно...

Сколько Виктор себя помнил, всю свою жизнь он был человеком, предпочитающим слепому действию планирование. Этот подход не подводил его в том мире, а реципиента – в этом. Две разных личности вели себя как одна, за счёт чего не произошло конфликта их мировоззрений в процессе поглощения одним памяти другого. Лишь изредка они доверялись чутью и интуиции, делая что-то по наитию, игнорируя рациональный подход.

Делали – и добивались успеха.

Здесь и сейчас всё было иначе. Не было времени на планирование – враг находился на расстоянии в полсотни метров, бил метко и точно, загоня проклятого в заранее расставленные силки. Некогда было остановиться и подумать. Негде было укрыться и перевести дух. Не у кого спросить совета. Внутри куба-барьера хоть как-то себя показывал лишь инстинкт, который Виктор худо-бедно направлял, куда ему было нужно.

«Дикого зверя» уже поймали бы, а вот «оборотень» сопротивлялся до сих пор. Двигался, маневрировал – и поминал Клариссу добрым словом. Лишь за счёт гибкости и работы ног, – пусть и с помощью крыльев, – избегал ловушек, коих четвёртый, «теневого» маг расставил крайне много. И точил когти, готовясь поразить врага так, чтобы спутать им планы и выиграть немного времени.

Они совершили ошибку. Отпустили Линнет. И та, вероятнее всего, уже была на полпути к Тарбиллиану. Пройдёт несколько минут – и подоспеет помощь. Проклятый не ощущал ничего снаружи барьера, ведь тот надёжно отрезал кого угодно от внешнего мира... и наоборот. А это значит, что враг будет торопиться. И ошибаться.

А ошибка одного – это всегда возможность для другого.

Сотканные из тьмы цепи материализовались там, где Виктор на долю мгновения коснулся крылом сырой почвы. Очередной ловушке не хватило самой малости для того, чтобы спеленать «святого», который стремительно смещался поближе к магам. Врагов было четверо, но активное участие в бою принимали лишь двое. Ещё один, тот самый «теневого» маг, завис под самым потолком барьера, максимально уменьшил своё присутствие и занимался расстановкой капканов, которые не позволяли Виктору развернуться во всю ширь. А ещё один, вполне вероятно – эксперт в манипуляциях с молнией, и вовсе занимался подпиткой барьера.

Враг разумно опасался того, что проклятый предпримет попытку вырваться из барьера. И небезосновательно: будь у него хотя бы пара-тройка секунд, и бегство показалось бы парню не самой плохой затеей. Но этих секунд не было по крайней мере до тех пор, пока все враги сохраняли боеспособность.

Своей целью Виктор выбрал «мага тени», так как тот всецело положился на свою незаметность, полагая, что у их добычи нет и быть не может достойного восприятия. И будь проклятый вирфортом, этот расчёт всецело бы оправдался. Воздух внутри барьера можно было ладонями черпать из-за разлитой тут маны, а ориентироваться в такой обстановке был способен не всякий маг.

Вот только на беду «теневика», проклятый представлял собой страшную химеру, собранную из трёх существ. Маг, вирфорт и «святой» получили одно тело на троих, попилили, как получилось, да и оформились в личинку будущего страха и ужаса всех магов континента.

Активировав ни много, ни мало, а три ловушки сразу, Виктор избежал спутавшихся цепей, пропустил мимо обрушившийся на землю ледяной град, перепахавший почву и заметно снизивший температуру окружающей среды – и всеми крыльями оттолкнулся от только что зачищенной площадки.

Один из атакующих его магов бил льдом считанные мгновения тому назад, и в ближайšie две секунды новых заклинаний от него можно было не ждать. Ему нужно было не только подготовить заклинание, но и ощутить Виктора, прицелившись так, чтобы не задеть ни своих, ни ловушки. Второй маг был куда опаснее, так как заклинание уже плясало на его пальцах и было готово ринуться вперёд. Но проклятый видел его структуру, держал крылья наготове и понимал: уж воздушную клетку он перехватит, пусть и не без потерь.

А «маг тени» тем временем оказался совсем близко, и только тогда начал шевелиться, поняв, что его позицию раскрыли. Но вместо того, чтобы закрываться барьерами, как того хотел Виктор, неглупый противник начал банально отлетать в сторону. Одновременно с тем от укрепления, – или даже поддержания, – барьера отвлёкся четвёртый маг, и воздух наполнил

свист выброшенных веером воздушных лезвий. От одного из таких проклятый уклоняться не стал, получив ещё одну средней паршивости рану, рассёкшую плечо до кости.

Лишь одним крылом проклятый дотянулся до своего врага, но смазанный удар увяз в барьерах, не нанеся магу никакого урона.

Ситуация выглядела безвыходной: цель поспешно уходила в сторону, а все три мага взяли парня на мушку и были готовы обрушить на него всю свою магическую мощь. Помочь могли бы манёвры в воздухе, но уверенности в том, что это возможно, у Виктора не было. Его «техника устойчивости» даже с полом не работала как надо, куда там воздуху, который даже маной напитывать было на порядок сложнее?..

Сердце ударило раз, второй. В восприятии Виктор почувствовал, как двое магов из трёх отстрелялись, воспользовавшись подвешенным состоянием своей цели. «Теневик» уплывал, а четвёртый враг готовился спеленать раненую добычу, едва та низверзнется на землю. И дальше медлить было нельзя, и проклятый решил на отчаянный шаг. Отчаянный – но единственный.

Взяв под прямой контроль все четыре крыла, он свёл их за спиной в единый канат – и нарушил целостность контура «на кончиках перьев», одновременно с тем дестабилизируя собственные потоки.

На какую-то долю секунды Виктору показалось, что на поле боя прокрался пятый враг, вирфорт, вооружённый боевым молотом. Ибо удар, обрушившийся на его спину, был сравним только с чем-то подобным. Отнюдь не тщедушного «святого» смело, точно как спичку во время урагана, и бросило вперёд, прямо к «магу тени». Придя в себя ещё в полёте, Виктор развеял и вновь сформировал крылья за секунду до столкновения с врагом. Тело, лишившись «ускорителя», замедлилось, но проклятому и не нужно было большего. Ведь даже руками он мог бы дотянуться до вражеского мага, если бы не в спешке возведённые им барьеры..

Напитанные маной крылья воссияли во тьме, словно были действительно сотканы из света. Виктор не оставил врагу ни шанса на отступление, зацепившись за барьеры и перетащив себя так, чтобы оказаться над магом. И пока два его крыла вгрызались в магические щиты и держали «святого» рядом с подставившимся ловчим, оставшиеся молотили врага, разбивая защиту и постепенно подбираясь всё ближе к податливой плоти. И ни один товарищ атакованного мага не мог ему помочь, ведь готовили они совсем другие заклятья, и ударить так, чтобы не навредить из-за получившегося клинча не могли. Что-то придумать, определённо, было возможно, да только свою роль сыграл... страх.

Со стороны открывшаяся картина выглядела откровенно пугающей: люди, независимо от чувств, испытываемых по отношению к церкви, боялись богов. А прямо сейчас, во тьме, где единственным источником света оказались объятые священным пламенем мечи невидимых воителей пантеона, обрушивших свою мощь на «мага тени», развернулся не бой, нет.

Это была казнь, свидетелям которой представился шанс развернуться и сбежать.

Шанс, которым они не воспользовались.

В один миг произошло сразу несколько событий.

Последний из барьеров осыпался сизым пеплом, и крылья выпотрошили отчаянно барахтающегося мага. Руки, которыми тот пытался закрыться, полетели к земле, а потроха разлетелись по сторонам: проклятый бил со всей силы, так, словно тело его врага было отлито по меньшей мере из оружейной стали.

Двое товарищей мертвеца наплевали на приказы и разразились самыми убойными заклинаниями из тех, что не требовали времени на формирование. К Виктору и его растерзанной добыче устремилось постоянно меняющееся облако странного пламени с одной стороны, и поразительной остроты шипы, по поверхности которых безостановочно бегали золотистые разряды – с другой.

Последний маг, растерявшийся и не сразу осознавший, что их коллега погиб, развернулся и хлопнул обеими ладонями по поверхности теневого барьера. Лишённый подпитки от почив-

шего создателя, тот откликнулся на команду поддерживающего его мага и открыл «охотникам» дорогу к отступлению, начав истончаться и рассыпаться...

И всё завертелось.

Виктор перехватил изуродованный труп правой рукой, и уже падая метнул его навстречу шипам, рассчитывая сбить хотя бы пару из целого десятка. Так и вышло: мертвеца нанизало на два шипа, раскрывшихся и окончательно разметавших прожаренные останки по округе. В стене смертоносных снарядов появилась дыра, в которую проклятый, повторив операцию с дестабилизацией крыльев, ринулся со вполне определённой целью: достать второго врага, пока на это есть силы. Но наглядный пример с погибшим товарищем что-то, да донёс до магов, так что «цель» оставаться на месте не пожелала и стремительно скользнула в сторону, разрывшись плотным встречным огнём. Виктор кое-как закрылся крыльями от пульсирующих шаров из магического пламени, но инициативу потерял и вынужденно вернулся на затянутую чужой маной землю: ловушки «теневого мага» рассыпались прахом сразу после его смерти, но энергия никуда не исчезла. Мешало ли это чем-то врагам? Нисколько. Мешало ли Виктору? В каком-то смысле, ведь чужая мана отвлекала, мешала. А в таких её объёмах это было сродни нахождению посреди болота.

Но и врагов осталось всего двое, так как третий скрылся в ночи раньше, чем Виктор коснулся ногами твёрдой земли.

– Вы уже провалились. Есть ли смысл сражаться дальше? Да и ваш товарищ сбежал, бросив вас на произвол судьбы... – Забросил пробный камень проклятый, окинув взглядом противостоящих ему магов. Один стоял на земле, дрожал от ужаса, но поддерживать наготове структуры сразу трёх заклинаний ему это не мешало. Второй всё ещё висел в воздухе, окружённый то и дело проявляющимся пламенным барьером, зелёное пламя которого обещало доставить Виктору, вздумай тот приблизиться, несколько крайне неприятных секунд – вплоть до момента превращения в головешку. Что этого мага, не брезгующего «демоническим огнём», что его коллегу, увлекающегося живыми тенями, можно было считать полноценными тёмными. Не слетевшими с катушек, но прикоснувшимися к запретному и уверенно двигающимися к обретению безумия.

«Поправочка: мага тени можно не считать, ибо он подох. Получается, как святой я уже начал выполнять свою работу, ха-ха...» – моральное напряжение требовало выхода, найдя его в попытках пошутить. Про себя, ибо враги прикола бы не оценили, а союзников здесь не было.

К слову о союзниках: Виктор отчётливо ощутил, как от Тарбиллиана в его направлении выдвинулась пара сигнатур. А сгусток маны, опознанный как Линнет, пополз к воротам.

Пополз потому, что на фоне тех двух сигнатур скорость Линнет казалась просто-напросто смешной.

– Тебе нас не одолеть, ублюдок! – Прорычал летающий маг, взмахнув обеими руками и моментально напитава маной подготовленный массивный конструкт. Зелёное пламя обрушилось на землю перед ним – и пошло вперёд, оставляя после себя один лишь безжизненный пепел.

Второй маг чертыхнулся, но поддержал товарища, использовав три одинаковых заклинания подряд. Это были всё те же шипы, но идущие куда шире, с явным расчётом на то, что сбить на подлёте все три слоя снарядов не получится даже у сильного мага. Ну и трупов у проклятого под рукой не было. Единственный он «потратил» минутой ранее.

– Моё дело предложить. – Виктор пожал плечами и припал к земле, раскинув крылья на манер паучьих лап. Рывок – и вот уже он ринулся вперёд, рассчитывая пропустить все шипы над собой. Стена зелёного пламени сокрыла его от чужих взглядов, а буйство маны не позволило бы врагу хоть сколь-нибудь точно отследить его реальное положение в пространстве. Но к чести вражеского мага, он заподозрил что-то неладное и хлопнул ладонями по земле перед собой.

По почве в ту же секунду пошли волны, а мгновением позже она вздыбилась, попытавшись поднять Виктора до уровня идущих прямо на него шипов.

К вящему сожалению «охотников», проклятому это не помешало, и он банально проскочил опасный участок до того, как ловушка захлопнулась. Заплатил за это очередной дестабилизацией, оставшись с менее, чем одной пятой резерва, но проскочил. Теперь перед ним оказалось новое препятствие – пламя, обогнуть которое Виктор решил не поверху, чего маги врага скорее всего ждут, а со стороны. Время сейчас работало на него, так как сигнатуры союзников должны были вот-вот вырваться на образовавшуюся опушку, а тратить силы на защиту от встречных залпов было бы весьма глупо.

С полным резервом – вполне разумное решение, как показала практика. Но точно не сейчас, когда дважды лишившись крыльев в защите Виктор останется ни с чем.

К чести прибывших на место магов рода Бельвиос, те не растерялись даже от вида движущейся на них стены демонического огня. Они тут же встали спиной к спине, и пока один поднимал их вверх, вырастая огромную земляную колонну, второй готовился обрушить на врага всё, что только успеет подготовить. Виктора они заметили немногим ранее, и потому не опасались ему навредить.

На секунду отвлёкшийся на союзников, Виктор мотнул головой и не сбавляя шага продолжил движение к своей цели: краю зелёного пламени, до которого осталось немногим больше полусотни метров. Позади дважды громыхнуло: то маги рода обрушили свою мощь на не ожидавших такого сюрприза врагов, но и от ответа не укрылись, ведь тёмные готовились встречать передумавшего сбегать проклятого. Вот только этот их ход лишил их заранее подготовленного плацдарма: «летающий» маг был вынужден приземлиться в поисках укрытия от многочисленных рассекающих всё и вся дисков, заполонивших воздушное пространство, а любитель шипастого заклинания и вовсе оказался в ловушке. Первоначальный обстрел заставил его покинуть облюбованную позицию с автономными щитами, а после его крепко прижал самый молодой маг из двойки Бельвиосов. Свежий, не растративший ману на погоню и попытки захватить добычу, обладающий превосходящим недруга боевым опытом, двадцатипятилетний маг буквально подавлял, наплевав на разницу в целый круг.

Не так хорошо всё обстояло у его более сильного и опытного товарища, на помощь к которому Виктор и решил, в конечном счёте, прийти. Покончить с магами требовалось как можно быстрее, ведь сигнатуры оказавшихся слишком немобильными засадных групп вновь показались на горизонте.

– Назад! – Коротко стриженный сорокалетний маг едва не зарычал на пролетевшего мимо Виктора, который, укрывшись крыльями, отвлек на себя внимание тёмного мага. – Мелкий идиот!..

Две сильные вспышки зелёного пламени испарили по одному крылу, но проклятый навязал врагу ближний бой, уклонился от выброшенного вперёд лезвия из демонического огня и, крутанувшись вокруг своей оси, стеганул врага всеми крыльями, включая уже отросшие. Зелёное пламя барьера выдержало удар, но потускнело и вреда самим крыльям не нанесло: очевидно, тёмный заметно поиздержался, и в бою с другим магом не стал поддерживать контратакующий потенциал своих щитов.

Пока Виктор уклонялся от уже двух парящих рядом с тёмным магом мечей демонического огня и изворачивался для нового удара, его недовольный союзник успел подготовиться – и обрушить на врага довольно простой набор из двух дополняющих друг друга заклинаний.

Любитель зелёных огней сначала едва не упал, когда под его ногами просела земля, а после попытался сбежать из захлопывающейся, – буквально, – клетки. Превращающаяся в камень порода накрыла мага угловатыми зубьями, а Виктор со своими крыльями не позволил ему выбраться через закрывшуюся в самую последнюю очередь дыру сверху. А мгновением позже из-под земли вовне клетки вырвалось не слишком толстое, с человеческую руку

сверло, нанизавшее проигравшего мага на себя точно бабочку на иголку. Тёмный ещё попытался подёргаться, но тот же принцип, что и у шипов его напарника не оставил ему шансов: сверло взорвалось, нафаршировав ливер живого мертвеца осколками.

Ничего поделывать маг уже не смог, испустив дух в следующую же секунду.

– С севера и с северо-востока к нам движутся две группы врага. Двенадцать человек полным отрядом, и ещё трое из тех, кто был с этими. – Виктор кивнул... да, на половинку головы «мага тени», обнаружившуюся между ним и трупом только что убитого тёмного.

– Вы были вдвоём с той девочкой? – Проклятый кивнул. Над руками мага заплясали готовые к напитке маной структуры атакующих заклинаний. – Тогда добываем последнего и отступаем.

– Хорошо. – Говорить про сбежавшего мага Виктор не стал, так как тот намылил лыжи уже довольно давно, удалился на добрых шесть километров и возвращаться явно не собирался. Дёргать же магов-«спасателей» перед угрозой столкновения с новыми, свежими группами противника – идея не самая лучшая.

А сохранить в секрете хоть что-то, скорее всего, не получится. От кого, если наниматель этих товарищей прекрасно всё поймёт?

Тем временем старший маг двойки присоединился к своему младшему товарищу, и вдвоём они размазали последнего врага на полянке быстрее, чем Виктор смог к тому приблизиться без использования дестабилизации крыльев, на которую маны уже не хватало. После троика обменялась многозначительными взглядами – и почти синхронно дёрнулась в сторону Тарбиллиана. Разве что самый старший в их свежееобразованной группке не забыл отвесить по контрольной стрелке в голову каждому из относительно целых трупов, во избежание неприятных случайностей.

Для Виктора ночное приключение подошло к концу, в то время как для подоспевшей на зов оперативной группы всё только начиналось: им предстояло встретить и перемолоть наёмников, обделённых инстинктом самосохранения и движущихся напрямик к Тарбиллиану.

Глава 9

Дюран ван Бельвиос был в бешенстве, и лишь вести о провале неизвестных недругов удерживали его от того, чтобы перевернуть кверху дном весь город. Как и информация о том, что Виктор собственноручно прикончил одного мага, обратил в бегство другого и достойно держался против оставшихся – и всё это при его уровне сил! А ещё мальчишка поступил, как настоящий мужчина их рода, в первую очередь выведя из-под удара младшую дочь их вассала.

Дюран ухмыльнулся, в своих мыслях прикинув выгоды и потери от, возможно, не самого плохого брака из всех возможных. Конечно, с титулом святого можно рассчитывать и на большее, но граф беззвучно поклялся самому себе в том, что он не будет препятствовать сыну, если тот вдруг решит выбрать себе невесту самостоятельно. Не просто так сам Основатель придерживался такого правила, и убедительно просил уже своих детей действовать иначе лишь в случае крайней необходимости, когда от союза будет зависеть судьба всего рода.

Впрочем, все эти мысли пропали так же быстро, как и появились. Перед Дюраном припал на одно колено посыльный, доложивший о случившемся боестолкновении. Враг не отступал, – не считая одного мага, за которым уже выслали ловчих, – что, бесспорно, указывало или на чрезмерную глупость оною, или... да всё на ту же глупость. Поставленную цель они не выполнили, а бессмысленная смерть демонстрировала лишь некомпетентность их лидеров.

В том, что нападавшие – не наёмники, граф был уверен целиком и полностью. Во-первых, среди них были тёмные маги, о которых необходимо доложить в столицу. Во-вторых, они не отвернули, не побежали, как сделали бы любые наёмники в такой ситуации. Вопреки разного рода слухов среди этой братии нет и никогда не было идиотов. Любой сколь-нибудь опытный наёмник проходит через мелкое сито, отсеивающее подобных.

Конечно, самоубийство могло быть отвлекающим манёвром, но тут возникал вполне логичный вопрос: от чего они пытались отвлечь род Бельвиосов? Никаких активных операций в окрестностях своей столицы потомственные маги не вели, а сил на уничтожение нападавших выделили совсем мало. Да и те тридцать минут, за которые его люди должны справиться со всеми нападавшими, – кроме беглеца, – сейчас нигде не сыграли бы роли.

Дюран ван Бельвиос смотрел, но не видел сути. Его выкованный в вечном пламени интриг разум пасовал перед этим ходом неизвестной организации. Можно было, конечно, просто принять за данность то, что в игру вступили непуганные идиоты-фанатики, но тогда останется немаленький шанс проморгать врага прямо у себя под носом.

Оставалось надеяться на то, что оперативным группам удастся захватить живым хоть кого-то, и этот несчастный поделится информацией, так или иначе.

Граф опустил веки и покачал головой. Будет больше информации – будут и выводы. А пока бдительность, бдительность и ещё раз бдительность, ведь нападение действительно могло быть лишь частью более масштабного плана...

Виктор не помнил, как он добрался до лекаря. Сразу после завершения битвы, во время которой он безо всяких внутренних терзаний буквально выпотрошил человека, из него словно вытащили стержень, откачали топливо и заглушили. Или перевели в спящий режим, ибо инициативы и желаний в теле и разуме не осталось совсем.

Проклятый знал, что такое физическая усталость. Прекрасно знал, спасибо проклятию, избавиться от которого в ближайшей перспективе просто невозможно. Знал он и о том, что из себя представляет усталость умственная. Не мог не знать, будучи по сути своей жадным до знаний... не исследователем, а скорее библиотекарем-эгоистом, тащащим в свою каморку всё сколь-нибудь интересное. Но вот моральная усталость была известна ему лишь с одной стороны, ибо жизнь испытывала его на протяжении длительного отрезка времени, без сиюми-

нутных потрясений и давления, сжатого в промежуток половины часа. Сегодня же Виктора словно булавой огрели, и было это столь неожиданно, что в моменте парень просто потерялся.

Потерялся, несмотря на жизненный опыт двух коротеньких жизней.

Он всё ещё раздумывал, как и обычно. Двигался не хуже, чем после любой из самых выматывающих тренировок с Клариссой. Но вот сказать, что он всецело присутствовал здесь и сейчас было нельзя. Виктор взирал на происходящее со стороны, с чем ему сильно помогало восприятие. Россыпь по большей части равномерно распределённой маны – это пол, стены, потолок, мебель и всё неживое. Чуть более плотные завихрения, преимущественно вне поместья – растительность, в начале весны оживающая, но всё равно подвешенная в двояком состоянии. Плотные сгустки маны, формой напоминающие людей – это люди и есть. Те, в которых маны больше – одарённые или маги. Те, в ком эта мана непрерывно циркулирует – вирфорты.

А тусклый, поблекший и ослабший силуэт, вокруг которого суетятся лекари...

Это он сам.

Взирать на себя со стороны было странно и необычно, но при том необычайно легко. Недовольно «ворчащее» проклятие, тяжесть в мышцах и боль от ран практически не ощущались, хоть разум и подсказывал, что всё должно быть с точностью до наоборот. Зато мана вовне виделась вымотанному разуму так, словно он мог прямо сейчас зачерпнуть её рукой, направив на какие-то свои нужды. Глупость, но глупость смешавшаяся с реальностью. Будь у Виктора такой опыт, и он сказал бы, что эти ощущения чем-то походили на галлюцинации отходящего после операции пациента, видящего то, чего нет, и принимающего это за чистую монету. Но проклятого не оперировали ни в том мире, ни в этом, так что сравнивать ему было не с чем.

Но это не значило, что он не мог хотя бы на мгновение предположить, что невозможное возможно... и попытаться это сделать, потянувшись к ближайшему артефакту, в котором мана была сконцентрирована сильнее всего. Это в лес он вышел голым, как сокол – благо хоть подпоясаться не забыл. А здесь, в поместье, на «умирающего» повешали всяких побрякушек столько, что они, активировавшись, имели бы все шансы взорваться вместе с третьим сыном графа.

Если бы не вышли из-под руки мастеров рода Бельвиос, конечно же.

Виктор и сам не заметил, когда окружающий мир в его восприятии поплыл, а перед сознанием появилось чуждое материальному измерение. Внешне практически такое же, повторяющее обычное вплоть до малейших деталей, но – бесконечно чужое. Человек, мысля иными категориями, совершенно не мог его воспринимать. Ни маг, ни вирфорт, ни пустышка.

Но проклятый почему-то выбился из этого правила, и потому сейчас заинтересованно «озирался», не видя в происходящем ничего, что можно было назвать странным. Тем более он уже бывал на изнанке, пока «летел» до своего нового тела. Сейчас же он просто продрал глаза и стал зрячим, почувствовал запах чужого воздуха, воспринял тепло искажённого солнца и ощутил дуновение неправильного ветра.

Виктор ван Бельвиос, потеряв сознание, не погрузился в блаженное ничто и не ступил во владения Лункоса, как полагается каждому засыпающему смертному. Вместо этого он вывернулся наизнанку, и оказался... да на изнанке он и оказался.

В мире, материей которому служила мана.

В мире, населённом «демонами».

Первым делом внимание проклятого привлёк он сам, заметно отличающийся от себя-привычного. Его тело внешне оставалось тем же, но тут на передний план выходила не физическая оболочка, а мана. То, что магам и вирфортам давалось ценой больших усилий, – проявление мана-структуры, – здесь было естественным положением вещей. Всё вокруг состояло из маны, а то и было ею. Материя же... она проявлялась, но довольно тускло и равномерно во всём: в стенах, в людях, в воздухе. На место встала ещё один кусочек мозаики, и Виктор получил новую картину, довольно просто описывающую изнанку и материальный мир.

За основу бралась раскраска с двумя одинаковыми, но в то же время отличающимися наполнением изображениями. На первом листе – едва заметные серые контуры и краска. Много краски. На втором – чёрно-белый рисунок, на котором местами пробивались поблекшие цвета, размывающие чёрно-белые линии.

Первый лист был изнанкой, в которой материя была равномерно проявлена повсюду, но бал правила «краска» – мана. Второй же представлял собой реальный мир, материальный и чёрно-белый донельзя, но при том впускающий в себя краску – ману, которая, при должной концентрации, могла выйти на передний план и перекрыть бесцветье. Пока Виктор не знал ни о чём, что могло бы порушить эту простую схему, так что она была моментально утверждена в качестве основной.

В конце концов, простота понимания чего бы то ни было почти всегда являлась решающей.

Вырвавшись из вязкого болотца собственных мыслей, проклятый вновь обратил «взор» на своё тело, отражение, – или оригинал? – которого лежало здесь, на изнанке, и прямо-таки напрашивалось на всестороннее изучение. Впрочем, от этого самого изучения Виктора удерживало странное ощущение. Словно его что-то тянуло назад, в «родное» измерение. И с каждым мгновением тянуло всё сильнее, что малость подразогнало завесу, мешающую парню нормально мыслить.

Первым делом Виктор обратил внимание на голову своего тела, ведь именно там концентрация маны была максимальной вопреки тому, что эта «роль» обычно отводилась Сердцу. Явление в полной мере странное и не поддающееся объяснению. Ведь если здесь, на изнанке, в голове столько маны, то её должно быть много и в материальном мире.

Или её стало много после боя, или даже после потери проклятым сознания?..

Черета самых разных теорий пронеслась в мыслях Виктора, пока тот не остановился на наиболее реальной и не наносящей фатальных ударов по выстроенной людьми теории маны: переход на изнанку в качестве триггера или побочного эффекта концентрировал ману в голове. Само по себе это проклятому ничего не давало, но пища для размышлений выходила вполне себе недурственная. Тут и сама изнанка, и мана в голове, и то, как всё на самом деле выглядит...

От осознания открывшихся перспектив, – особенно если научиться выходить на изнанку осознанно, – у Виктора перехватило бы дыхание, если бы он дышал.

Дышал?!

Осыпая себя и всё вокруг самыми грязными проклятиями, проклятый инстинктивно ухватился за ощущение скорого конца, потянув его на себя точно пробку в ванной. В ту же секунду «точка восприятия» начала смещаться к его телу, пока, наконец, не угнездилась в том окончательно. И в ту же секунду Виктор распахнул глаза во вполне материальном, простом и понятном мире, встретившим его болью в груди и пятнами перед глазами. Благо, эти неприятные ощущения порядком ослабились, стоило проклятому только набрать полную грудь столь необходимого всему живому воздуха...

– Есть! Стабилизационные сюда!

В распахнутый рот проклятого залили не одну и даже не две крошечных склянки с концентрированными снадобьями. При этом пошевелиться Виктор не мог, видимо, из-за введённых ранее препаратов.

– Состояние?

– Полностью стабильно... как и минуту назад. – Пожилой лекарь с длинными седыми космами, закрывающими большую часть лица, недовольно фыркнул. – Молодой господин, вы нас слышите? Понимаете?

Парню пришлось моргнуть дважды, так как даже его шея им неконтролировалась.

– Вы знаете, что с вами случилось? Догадываетесь? – «Отсигналив» лекарю нет и да соответственно, Виктор с благодарностью уцепился губами за протянутую ему пипётку с, по всей

видимости, противоядием. И – да, яд тоже мог быть лекарством. Как парализующий человека, но не убивающий его, например. – Через минуту вы сможете говорить. Нам нужно знать, что произошло и не может ли это повториться снова.

И Виктор стал ждать, разминая язык и возвращая себе чувствительность.

– Итак? – Старший из лекарей наклонился над своим пациентом, вопросительно вздёрнув бровь.

– Часть дара Тэмпеста Многоликого. Которым я неправильно воспользовался. – Говорить всё ещё было не слишком приятно, так что Виктор поначалу обрезал предложения. – Позволил взглянуть на мир со стороны. Заметил, что не дышу. Вернулся.

– Впервые о таком слышу. – Старик нахмурился. – Придётся вам, молодой господин, следующие сутки, а то и двое провести в этих стенах.

Виктор покачал головой.

– Мне нельзя прерывать тренировки ни на один день. Хотя бы минимум, но я должен выполнить.

– А если подобный приступ повторится снова, но уже там, где не будет способных оказать помощь людей? Это исключено, молодой господин. – Старший лекарь уступать не собирался, и каждое его слово было подобно вколачиваемому в крышку гроба гвоздю.

Но у Виктора имелся гвоздодёр, титулом и самодурством именуемый.

– И всё-таки я настаиваю. Мои ранения сами по себе не столь страшны... – При том со стороны Виктор определённо походил на мумию. – А приступ, как вы это называете, я контролирую. И даже в худшем случае смогу его прервать, как это сделал недавно на ваших глазах.

Старик прищурился, поймав взгляд непокорного пациента и, по всей видимости, намереваясь раздавить того морально. Но вот в чём соль: проклятый мог играть в гляделки сколь угодно долго хоть с самим Дьяволом.

– В течение следующих двух-трёх дней на каждой тренировке вас будет сопровождать мой помощник. И это не обсуждается, молодой господин.

– Пусть так. – Виктор довольно кивнул. Что ему до наблюдателя, если тот носит ту же фамилию – Бельвиос? – Я могу перебраться в свои покои?

– Этой ночью – нет. Вам необходим присмотр, молодой господин. И ещё один момент: к вам уже давно пытается пробиться гостья...

Проклятый хмыкнул. Он хорошо себе представлял, что там за гостья, что она будет говорить и к чему это может привести.

– Думаю, развеять опасение Линнет у меня сил хватит. – В ответ на эти слова старший лекарь лишь хмыкнул не менее многозначительно, чем сам Виктор пятью секундами ранее. И параллельно с этим направился к выходу из помещения, к двери, за которой парень, сосредоточившись, ощутил знакомую ману своей подруги.

– Покойников в седьмой зал, вскрытие и изучение оставим на завтра!.. – Донёсся до Виктора голос старшего лекаря одновременно с тем, как Линнет ворвалась в комнату, едва ли не расталкивая всех лекарей на своём пути.

«И почему перспектива очередного непростого разговора пугает меня больше, чем битва?..».

Глава 10

– И ты хочешь мне сказать, что я, выведя тебя из-под удара, поступил неправильно? – Виктор вздел бровь, всё ещё обмозговывая выдвинутые маленькой вздорной девчонкой обвинения. Порой он действительно забывал о том, что за обличковкой мага первого круга и аристократки скрывается суть подросток, для которого логика чаще всего ассоциируется с пустым звуком.

– Да! Будь мы вместе, и ты не получил бы таких ран, разве нет? Я бы прикрыла тебя, помогла в бою! Меня обучали!

Эти слова стали последней каплей, переполнившей отнюдь не бездонную бочку терпения Виктора ван Бельвиоса.

– Наивная, мелкая, возомнившая о себе невесть что... магесса! Ты хоть представляешь себе, насколько маг третьего круга тебя превосходит?! Да даже обучай тебя кто-то как боевика всерьёз, ты бы всё равно ничего не смогла сделать! – Девочка открыла было рот, чтобы возразить, но Виктор не дал ей и слова вставить. – А таких магов там оказалось четверо! Можешь себе представить цифру? Четыре мага минимум третьего круга! Да такого отряда хватит, чтобы половину рода Веноза перебить вместе с вашим городом! У меня самого там шансов не было, понимаешь?!

В сражении с этим врагом Виктору несказанно повезло несколько раз кряду, и в первую очередь с тем, что этим ублюдкам он был нужен живым. Не меньшую роль сыграли и крылья, учесть которые враг, очевидно, не смог. В части скорости передвижения во время погони проклятый приблизился к галопу скакуна, и это не по ровной дороге, а по чёртовой лесной чаще! А восприятие? А оказавшиеся столь к месту тренировки Клариссы?..

Исключить из этого списка хотя бы один фактор – и проклятого взяли бы в окружение всеми силами, а не гнались так долго силами магов, полёт которых был прожорлив до маны и сильно выматывал.

А последующий бой? Тут и приказ брать третьего сына графа живём, и усталость от полёта с обстрелом, и нервишки, вызванные уже боевыми возможностями крыльев «святого». От приказа они, конечно, отказались, но слишком поздно. Да и координация в итоге вышла паршивая, с их огненной стеной, не позволившей своевременно заметить подкрепления из Тарбиллиана и манёвр самого Виктора.

Но даже так всё прошло по грани. Виктор буквально станцевал босым на лезвии ножа, жонглируя факелами и уклоняясь от обильно смазанных горючей восточной смолой секир...

И на этом фоне заявление Линнет о готовности противостоять вражеским магам выглядела просто смешно.

– Лин, просто пойми, что как боец ты сейчас напугаешь разве что крестьянина или ополченца какого. А я выжил там не иначе, как чудом. – Парень недвусмысленно повёл замотанной в бинты рукой. Раны на его теле были по большей части поверхностными, но вот их количество поражало. Царапины и дырки от каменной шрапнели, ожоги от огня и эха электрических зарядов, даже последствия столкновений с деревьями, камнями и землёй здесь отметились. «Да на вас живого места нет!» – так сказал первый же лекарь, которому Виктор попался на глаза. А окажись там девочка, и её бы просто не стало.

В лучшем случае потом для безутешных родителей откопали бы неаппетитную, запечённую в собственном соку котлету.

– Думаешь, я правда считал, что смогу точно оттуда выбраться? Нет, Лин. Потому я и попытался спасти хотя бы тебя, и получить шанс дожить до прибытия помощи. Которая, к слову, твоими усилиями прибыла как раз вовремя: я уже не мог и дальше продолжать бой, любое попадание стало бы для меня предпоследним, окончательно разорвав крылья.

Благо, хотя бы мана у вирфортов восстанавливалась бешеными темпами, а у Виктора за счёт, видимо, «божественной компоненты» это происходило ещё быстрее. Уже сейчас он «наполнился» процентов на пятнадцать-двадцать, при том что с завершения боя не прошло и часа. И это было как бы не заявкой на звание самого выносливого среди вирфортов и магов: что тем, что другим времени нужно было раза в два больше.

А то и три, если дело дошло до полного истощения, смертельно опасного, между прочим.

– Это неправильно. И... я не слабая! – Глаза на мокром месте, жалостливый вид, взгляд исподлобья – всё это Виктор уже видел не раз. Видел, и потому реакция его оказалась далека от ожидаемого девочкой. Она уже привыкла, что даже неправоту можно скрыть за образом обиженного, раскаивающегося ребёнка...

Но не от человека, который формально знал её с пяти лет, а новая главенствующая личность, унаследовавшая и переварившая память старой, разобрала все эпизоды их дружбы по кирпичикам.

– Как человек ты не слаба, Линнет. Но как маг – да. И что б ты понимала, Страйя слаба тоже. И я был слаб... – Виктор набрал в грудь воздуха, поймав бесценные мгновения и потратив их на то, чтобы сбавить накал давящих на язык эмоций. – Да что уж там? Я и сейчас слаб. Практически беспомощен. Но спустя годы я собираюсь стать сильным. И надеюсь, что и ты, Лин, и Страйя не остановитесь в самом начале этого непростого пути.

– Ты? Беспомощен? – Линнет фыркнула. – Ты сражался с четырьмя магами третьего круга!

– Везение и крылья, которые нельзя так просто назвать частью моей силы, Лин. – Виктор был хмур и невесел, но прерывать разговор не собирался. Всё шло так, как было должно. – Моя сила сейчас – это сомнительные боевые навыки и способности вирфорта в районе второго ранга. Со своими нюансами, но костяк не впечатляет, как ни крути.

– Я никогда тебя не пойму, Вик. Но радости от того, что ты жив и даже почти цел это не отменяет! Поправляйся! – Резко развернувшись, девочка покинула комнату столь же стремительно, как и вошла в неё.

Останавливать её проклятый не стал: не любил он такие разговоры, как пить дать не любил! Просто потому, что не умел их вести. Социопатом не был, но и особо общительной личностью тоже. Откуда общительности взяться, с его-то историей?..

Вместе с уходом Линнет на палату, – Виктор решил называть её именно так, – опустилась долгожданная тишина. Здесь никого больше не было: только он, кровать и свободное время.

Время, которое нельзя было потратить на что-то помимо сна. Ведь вымотался проклятый знатно, отключившись в тот же момент, как его голова коснулась подушки. И на этот раз никакой изнанки не было: лишь чистое забытие, которого Виктор ван Бельвиос так жаждал...

Он распахнул глаза среди ночи, всем своим естеством почувствовав близкую опасность. Глаза проклятого вспыхнули синими огнями, он сам присел, а за его спиной выросли крылья, смазанным, стремительным движением рассёкшие воздух вокруг койки.

Рядом никого не было.

Чертыхаясь про себя, Виктор аккуратно опустил ноги на пол и двинулся к двери, стараясь до поры не издавать лишнего шума. На его груди всё ещё болтался «аварийный» набор артефактов, который парень тут же и перевёл в дежурный режим. Там, в общем коридоре, медленно передвигались три сигнатуры с отвратительной и гадкой маной, вопреки всем законам магии казавшейся абсолютно идентичной у всей толпы. Толпы потому, что ещё одиннадцать сигнатур каким-то образом оказались в одном из десятка ощущавшихся пустыми помещений, где не было ни лекарей, ни пациентов.

Впрочем, с опознаванием «грязных» сигнатур у Виктора проблем не было.

«И почему какая-то дичь происходит второй день подряд? Меня что, поверх усердия ещё чем-то прокляли, что ли?!» – подумал про себя «святой», подобравшись к двери и застыв перед ней каменным изваянием. Лишь его крылья выгнулись вперёд и натянулись, точно тетива взведённого арбалета.

На фоне неудавшегося покушения у Виктора практически не было сомнений в том, что и эти уроды прибыли по его душу. А значит битвы не избежать: в этой комнатухе даже окон не было, лишь вереница крошечных форточек под потолком. Ну а ломать стену, только чтобы спастись...

Такой шаг проклятый посчитал весьма для себя позорным просто потому, что в этом крыле поместья было очень много Бельвиосов, обделённых даром, но трудящихся на благо рода. Те же лекари по большей части были обычными людьми, а их пациенты, как правило, отпор дать не могли ввиду своего состояния. При том сам Виктор особо не пострадал, и к нынешнему моменту полностью восстановился. Более, чем достаточно для того, чтобы попытаться устранить угрозу и поднять шум, связав врага боем.

Связать, уповав на крылья, но были ли у него другие приемлемые варианты?

Но сказать, что Виктор просто ждал, пока первая сигнатура приблизится к его двери, было нельзя. Параллельно с тем проклятый внимательно осматривал остальное поместье, ища следы вторжения или чего-то, что сопровождало бы проникновение в лекарское крыло. Отлично защищаемое, между прочим, так что дилетантами оказавшиеся здесь вторженцы не были. Но всё было тихо, и Виктор не смог отыскать ничего подозрительного сверх уже обнаруженного.

Но как кто-то смог сюда пробраться? Телепортация – вещь сугубо невозможная, а всё на неё похожее является скорее сверхбыстрым перемещением. О тайных лазах третий сын графа в этой части поместья третий сын графа так же ничего не знал. Очень-очень тайный лаз? Здесь?

Бред.

Незнание Виктору категорически не нравилось, ведь оттого казалось, будто враг играл на своём поле и отлично контролировал ситуацию. Ощущение до того противное, что поравнявшуюся с дверью «грязную» сигнатуру Виктор встретил чуть ли не как самого дорогого гостя: бросился обниматься.

В один миг доски двери лопнули под ударом крыльев, а сам Виктор выпрыгнул в коридор, окинув своего врага взглядом. Он не бил сразу, опасаясь, что это свои... но теперь ничто не помешало ему крыльями вскрыть твари грудину.

Но даже этого проклятому показалось мало, и для верности он лишил живого мертвеца всех конечностей и головы заодно.

И – да, коридор перед ним полнился не людьми, а нежитью. Самой настоящей, напитанной тёмной, – вот теперь ничерта это было не красное словцо, – маной, и успевшей перестроиться под её пагубным воздействием. Первая условно убитая тварь до сих пор дёргала своими запчастями, но конструктор взад не собирался, что радовало. Вот только остальные чудовища были в полной боевой готовности, и прямо на глазах наращивали когти и покрывали свои уродливые, гноящиеся туши костяной бронёй.

Виктор сорвался с места в тот же момент, когда его взгляд вычленил среди трупов убитых налётчиков, – неведомо, как здесь оказавшихся, – мёртвого лекаря, которого только-только затронули метаморфозы. Казалось, что на лице безвольно болтающейся головы застыло крайнее удивление: молодой парень даже не понял, что его убило.

Осознание очередной смерти, произошедшей, косвенно, по его вине, стало камнем, окончательно склонившим чашу весов.

Первым же взмахом Виктор смахнул ближайшему мертвецу левую руку, увенчанную массивным костяным клинком. Но дальше крылья не прошли, наткнувшись на когти сразу трёх врагов, которые не постеснялись продемонстрировать всё, на что они только были способны.

Смрадная тёмная мана расплзлась по коридору, разъедая даже гобелены на стенах, и больше всего её было именно в когтях.

Поразительная способность к «вирфортскому» контролю, которой от живых мертвецов точно не ждётся.

– Так даже маги третьего круга не могли. Вы в курсе? – Скороговоркой отпустив ехидный комментарий, Виктор пригнулся, пропуская над собой прилетевший откуда-то издалека шип, опять же, выращенный из кости. Одновременно с тем он подхватил с земли руку-лезвие – и пропустил ту через крыло, испарив кожу, мышцы и мёртвую плоть. Получившееся нечто походило на меч, которого Виктору так не доставало в предыдущей битве. Конечно, полностью очистить его не вышло, но проклятому сейчас было не до брезгливости.

Крылья перехватили когти ринувшихся в атаку тварей, а новое оружие «святого», задымившись из-за влитой в него маны, располовинило одного из мертвецов. Сразу за опадающей тушей меч встретился с когтями, оставившими на кости глубокие выщербины. Между тем половинки упавшей на пол твари зашевелились – и двинулись к своему обидчику с твёрдым намерением того похоронить. И хоть агрессивно подпрыгивающие, отделённые от тела ноги и выглядели комично, недооценивать их Виктор не собирался.

Рывком отступив на пять метров, Виктор что есть силы ударил по несущей стене. С потолка посыпалась штукатурка, а по побелке пошли трещины. Громыкнуло заметно, так, что не заметить этого было невозможно.

Таким образом парень подал сигнал, после чего вновь ринулся в бой.

Сияющие синим светом, сотканые из воды крылья рубили, рассекали и дробили, обрушиваясь на нежить подобно орудиям самих небес. Мертвецы же повели себя точно так, как и требовалось Виктору: все как один они попёрли на него неживой волной, не став вскрывать прочие двери и обращать в себе подобных беззащитных людей.

Самую главную задачу в противостоянии немёртвым проклятый выполнил: в каком-то смысле ограничил заразу.

Бой продлился ещё две минуты, и стоил нежити троих чудовищ, а Виктору – пятнадцати сданных метров, прежде чем прибыла стража. Ввиду нападения накануне они стояли на ушах, так что на шум явились большим числом, нежели можно было ожидать: семеро солдат с одним магом, тут же обрушившим на подступающих мертвецов стену магического пламени. К вящему сожалению всех присутствующих, огонь этот лишь задержал и отогнал врага, но не покончил с ним. Слишком сильными оказались порождения неизвестного тёмного мага, из-за чего маг второго круга, юноша восемнадцати лет, не смог воплотить желаемое в реальности.

Отпихнув назад самого инициативного из стражников, Виктор врубил в первого немёртвого свой импровизированный меч, раздробив тот в щепки вместе с костяным каркасом на торсе врага. Сразу после этого проклятый обернулся и гаркнул что было мочи:

– Давай меч и беги за магами! Сообщи о том, что в крыле буйствует нежить, но выжившие ещё есть! – Стражник замешкался, так что оружие из одеревеневших рук Виктору пришлось вырывать силой. И сделал он это не потому, что очень хотел себе меч, вовсе нет. Просто даже лучшая сталь могла не выдержать напора немёртвых, и проклятый обязан был это проверить. Ведь если мечи подведут бросившихся в бой стражников, закончится это новыми смертями и пополнением в рядах нежити.

Тем временем «посыльный» умчался собирать подмогу, а Виктор под прикрытием мага и пары арбалетчиков вновь столкнулся с опомнившимся врагом. К сожалению, арбалетные болты особо живым мертвецам не вредили, но останавливающего воздействия хватало, чтобы нет-нет, да отбрасывать одиночных чудовищ назад. Совсем иначе дела обстояли с магическим огнём – по сути тем единственным, что молодой боевой маг мог противопоставить неживому врагу. Пламя опаляло нежить, сковывало их движения и отнимало пространство для манёвра,

позволяя Виктору биться куда агрессивнее, и значительно чаще выводить противников из строя.

В едином порыве вся волна живых мертвецов отпрянула от правой стены, по которой прокатился магический огонь. В то же мгновение три крыла из четырёх врубилась в толпу, прорубаясь через костяные доспехи и разрывая податливую гнилую плоть. Четвёртым проклятый закрылся от особо ретивого противника, который попытался дотянуться до «святого» обеими руками-клинками и, что уж совсем неожиданно, многосуставчатым «хвостом», выросшим из хребта. Последний удар был неожиданным, так что Виктор вынужденно закрылся мечом – и отступил на полшага, чтобы напитать оставшийся в его руках обломок маной. Хорошая оружейная сталь сама по себе оказалась бессильна перед лицом творений чертовски опытного и сильного некроманта, так что обычные стражники здесь были совсем не к месту.

Это Виктор и попытался донести до толпы за своей спиной, сдав ещё метр-полтора свободного пространства.

– Всем неударённым отступить! – Сияющий от напитывающей его маны обломок меча красноречиво дополнил его слова. – Рыцарей и магов сюда!..

Благо, просить дважды не пришлось, и немало повидавшие в своей жизни воины бросились назад. За спиной проклятого остались только арбалетчики, маг и один из десятников стражи, прихвативший с собой щит и решивший любой ценой защитить бойцов, способных принести хотя бы капельку пользы.

В конце концов, для мужчин, служащих роду Бельвиос, было крайне болезненно ощущать себя бесполезными.

Кивнув десятнику через плечо, Виктор вновь погрузился в безумную пляску хаотичной и жестокой битвы, где одна из сторон не ведала ни страха, ни боли. Нежить – худший враг людей, совладать с которым в полной мере могла лишь церковь. Даже Виктор, обладая наполовину «божественной» маной, не мог походя лишить живых мертвецов жизни. Расчленил так, чтобы они не регенерировали – мог, но не более.

Ему чертовски не доставало навыков и знаний, которым его только планировали обучить направленные из столицы наставники.

«Паладинов бы, да в этот коридор... Насколько проще всё было бы?»

Проклятый ещё не знал о том, что эта схватка – всего лишь начало, одна нить в целой паутине интриги, целью которой было уничтожение рода Бельвиос...

Глава 11

Крылья прогнулись под чередой мощных ударов, но не пропустили ни одного костяного клинка. Одна за другой твари бросались на удерживающего их «святого», не оставляя тому ни минуты на отдых, ни шанса на контратаку. Это поначалу он ещё как-то вырезал то одного мертвеца, то другого.

К нынешнему моменту эти его успехи подошли к концу.

Нежить, – или направляющий её марионеточник, – училась, быстро выработав некое подобие тактики, позволяющее толпе если не свести потери на нет, то минимизировать их. И это работало, ведь если на первых тридцати метрах лежали расчленённые и бессильно дрожащие неживые, то на последних двадцати – только отдельные конечности, не более. Твари прикрывали друг друга, жертвуя тем, что могли отрастить или что по минимуму снижало их боеспособность. А ведь здесь Виктор сражался не в одиночку, а с поддержкой: маг чётко выполнял свою работу, сдерживая нежить магическим огнём, в то время как арбалетчики принаровились сшибать самых резвых чудовищ, пытающихся карабкаться по стенам и потолку.

Чего, к слову, всего пять минут тому назад нежить делать не умела совершенно.

Враг развивался с каждой минутой, а гнилая мана выбывающих из строя «бойцов», как и отпадающих конечностей, почти полностью усваивалась толпой, направляющей излишки энергии на своё развитие. Гибкий и смертоносный хвост у ныне разваленного на части мертвеца был всего лишь началом подлинного ужаса, и сейчас на стремительно выдыхающихся защитников коридора пёрли самые разные твари. Одна тащила перед собой башенный костяной щит, усеянный острыми шипами и хищно клацающими челюстями, отнюдь не такими недвижимыми, какими они хотели казаться. Другая отрастила лишние руки, и теперь орудовала четырьмя серпами, изящно избегая возмездия «божественных» крыльев: в скорости этот жнец превосходил всех собратьев. Третье существо окончательно видоизменилось, и теперь плевалось костями из-за спин основной группы, редко, но метко пресекая попытки проклятого добиться хоть каких-то успехов.

А ведь ни силы, ни резервы, ни даже снаряды защитников бесконечными не были. У арбалетчиков осталось по десятку болтов на брата, молодой маг в восприятии казался тлеющей свечкой, а не факелом, как поначалу, а сам Виктор уже начал замечать за собой досадные ошибки. Слишком глубокий шаг тут, неверно выставленная нога там, лишний десяток сантиметров, отданный врагу – физически парень не устал, но вот морально длительная схватка на него серьёзно давила. Не было у проклятого той концентрации и стальной воли, какую обычно можно найти у настоящих воинов.

Ему просто некогда было достичь такого уровня, ибо тренировался парень меньше полутора лет в сумме, а испытания сыпались на него как из рога изобилия.

А до выходящей в центральные коридоры двустворчатой двери тем временем оставалось меньше десяти метров. Максимум пара минут – и живые мертвецы вырвутся туда, где сдержать их силами столь малой группы уже не выйдет. И тогда...

Эта перспектива Виктора по-настоящему пугала. Если не повезёт, то немёртвые наткнутся на слуг и персонал, переработав тех в себе подобных и кратко раздув имеющуюся уже проблему. При всём при этом маги рода, коих в поместье было почти четыре десятка, почему-то к лечебнице выдвигаться не торопились. Они объединялись в группы и отправлялись вовне поместья, как будто там, снаружи, творилось что-то стократ более опасное в перспективе.

Тоже нежить? В городе?

«Тогда да, приоритет стоит отдать именно Тарбиллиану. Тут-то даже в худшем случае обратят полтысячи живых, а в городе...»

В городе – полторы сотни тысяч. Даже если некромант паршивенький, во что проклятому не очень-то верилось, нежить будет подобна чуме только поначалу – выдохнется. Но если он действительно силён, то Тарбиллиан может превратиться в некрополь. Город мёртвых, население которого выдвинется куда угодно, дабы нести смерть и разрушения по приказу своего хозяина.

С этой стороны тоже выходило, что тёмная магия слишком опасна. Чрезвычайно опасна. Почти как ядерный заряд, но привязанный к одному конкретному человеку и используемый им же.

Но значило ли это, что методы церкви по борьбе с тьмой были оправданы?..

Лобовое столкновение с вырвавшимся вперёд немёртвым в этот раз окончилось для задушавшегося парня весьма плачевно: он хоть и лишил парочку тварей конечностей, но и сам приложился о стену всем телом и правым плечом в особенности. И для спасения пришлось отдать врагу последние метры, застыв чуть ли не напротив ведущей вовне лечебницы двери. Виктор мог поклясться, что шеей он ощущал не только дыхание стражников и мага, но и их страх. Впрочем, страх подконтрольный, ведь к их чести все эти люди до сих пор не дрогнули.

Вот только их храбрость лишь немного отодвинула наступление момента, когда Виктору стало категорически не хватать конечностей даже с учётом крыльев.

– Отступаем! Ты... Крис! Подготовь что-то, что затруднит им продвижение! Лёд, огонь – что угодно! – Виктор с удивлением для самого себя обнаружил, что имя молодого мага ему откуда-то известно, но вспоминать откуда именно было некогда.

Внимания Виктора потребовали гости поместья в лице орды неживых.

Воспользовавшись заминкой, вызванной столпотворением из отступающих за дверь людей, мертвецы попытались навалиться на проклятого, придерживаясь конкретной, понятной человеческому разуму тактике. Впереди шли самые крупные твари, обросшие костяной бронёй так, что крылья им практически не вредили. На стены и потолок напрыгнули начавшие заметно походить друг на друга хвостато-серпастые «убийцы», а позади них, покачиваясь на своих длинных и уязвимых ногах, готовился стрелять раскручивающий в своей утробе шипы «скворечник».

«Три секунды. Нужно выгадать ещё три секунды. Но лучше – больше» – подвёл краткий итог Виктор, невысоко подпрыгивая и пропуская под собой костяной хвост, на излёте срубленный одним из крыльев. Тут же вскинув обломок меча перед собой, проклятый довольно грубо перехватил нацеленный ему в шею серп, извернулся и отмахнул конечность мертвеца. И этот манёвр фактически спас ему жизнь: мимо пролетел шип, должный пронзить грудь вирфорта, к нынешнему моменту вынужденно припавшего к полу.

Вот только там, где не оказалось изначальной цели, сразу же нашлась новая. Один из арбалетчиков вскрикнул и кулем упал на живот, роня своё оружие и пытаясь дотянуться руками до спины, из которой торчал солидных размеров шип. Его напарник развернулся было, чтобы помочь, но вовремя заметивший неладное десятник оттолкнул подчинённого себе за спину и вскинул щит.

Под сводами коридора разнёсся сухой треск: шип разорвало изнутри, и вырвавшиеся наружу осколки изрешетили всё вокруг. И если маг, десятник и один из арбалетчиков избежали урона за счёт расстояния и правильно выставленного щита пополам с барьером, – Крис не даром ел свой хлеб, и кое-что в магии понимал, – то бедолаге с шипом в спине повезло куда как меньше.

Взрыв вонзившейся на добрый десяток сантиметров половинки шипа превратил его внутренние органы в кашу, и он умер мгновенно.

– Известные, сука, методы. – Проклятый оскалился, ощущая сильное жжение в спине. Он не ожидал подляны, не прикрыл тылы – и теперь за это расплачивался. – Вы сами, ...ть, напросились!

Мана циркулировала куда быстрее того максимума, который Виктор установил сам для себя, и потому отчаянная попытка не просто излить ману наружу, но и сделать это хоть сколь-нибудь концентрированно увенчалась успехом. Сразу треть резерва исторнулась из пары крыльев, нацелившихся на нежить подобно лезвиям изменчивых, чудовищно смертоносных копий. Яркая вспышка быстро сменилась оглушительным шумом хлынувшей вперёд воды, природа которой позволяла резать, терзать и иссекать тела немертвых, проникая через щели в их костяной броне.

В считанные секунды под удар попали все твари до единой, и в особенности пострадали «щитоносцы», от которых к нынешнему моменту остались лишь скорлупки, внутри которых плавал перемешанный с водой фарш крупной нарезки.

Виктору, окинувшему дело рук своих ошарашенным взглядом, оставалось только воспользоваться моментом и ринуться вперёд.

Обрубок меча взметнулся снизу вверх, с хрустом проломив вылезшие наружу рёбра одного из серпоносцев. Рывок – и лезвие вырывается на свободу, отделяя от туши одну из уродливых многосуставчатых лап. Ещё один – и в сторону летит голова, следом за которой проклятый методично отправил и все остальные запчасти лишившейся своей поворотливости твари. Определённо, в такой концентрации мана Виктора представляла для нежити серьёзную проблему, подавляя и ослабляя её.

И именно по этой причине проклятый смог менее, чем за минуту вполнину сократить популяцию немертвых, прежде чем те собрались и сформировали некое подобие строя. Тогда же Виктор смог выгадать секунду для того, чтобы окинуть коридор взглядом, прислушаться к восприятию и понять, что он, по сути, практически одолел страшного врага, появившегося в самом сердце поместья. Всего пятёрка немертвых стояла напротив него, впитывая в себя «гнилую» ману обезвреженных собратьев. Союзники, правда, возвращаться не спешили, но оно и понятно – идти против приказа они не станут, а скомандовать иное Виктор мог, только отступив и бросив больных и лекарей на растерзание нежити. Что было недопустимо, конечно же.

Кончиком крыла подхватив с земли тут же обработанный и лишившийся всего лишнего серп, проклятый встал в импровизированную стойку и приготовился атаковать: давать врагу время на восстановление или даже усиление было бы слишком недалёковидно.

А Виктор, как ни крути, считал своим главным преимуществом именно разум.

Крылья послушно изогнулись и бросили хозяина вперёд, отталкиваясь от стен, пола и потолка для управления направлением движения. Единственная здоровая тварь, покачиваясь, двинулась вперёд с поднятыми руками, тем самым перекрывая центр коридора своей уродливой тушей, раздувшейся до неадекватно больших размеров. Слева и справа её прикрывала двойка серпоносцев, один из которых успел отрастить третью пару рук и «сменить оружие» на простые клинки, а позади этой группы на своих ногах болталась дальнобойная тварь, подобно матёрому охотнику выжидающая хороший момент для выстрела.

Куда интереснее дела обстояли с последним из серпоносцев. Он улёгся на трупы павших собратьев и очень, очень активно впитывал в себя ману, обещая вскоре показать защитнику поместья, что из себя представляет высшая нежить. Проклятый об этом, естественно, не знал, так как информацию о некромантии церковь скрывала со всем тщанием, но его интуиция прямо-таки вопила о необходимости прервать процесс. Ну а не доверять самому себе у проклятого причин не было, так что уже в следующую секунду он сорвался с места, намереваясь прорваться врагу в тылы.

С треском и скрежетом обломок меча чиркнул по каменной кладке, прежде чем столкнуться с одним из метнувшихся наперерез проклятому костяным лезвием. Крылья, изгибаясь под неведомыми углами и теряя свою форму, предотвратили все прочие попытки показать окружающим богатый человеческий внутренний мир, а выброшенный вперёд серп, полыхнув

маной, впился в предплечье ближайшей твари. Увы, но на этом успехи проклятого и закончились: парным оружием он не владел, и потому серпа лишился практически сразу, едва попытался отступить. Да, один немертвый теперь щеголял отрубленной головой, но толку от того было чуть.

Кто бы ни управлял выжившей нежитью, делал он это мастерски и больше не пытался сохранить побольше своих марионеток «на потом».

А Виктор тем временем поудобнее перехватил меч и взял ману под прямой контроль, решив повторить то же самое, что и минутой ранее, но в меньших масштабах и с большей степенью контроля. Использовать он решил одно крыло, так как «с двух рук» удар мог оказаться слишком слабым, а тратить слишком много сил было рискованно. Мало ли, чем в итоге всё обернётся? Если не труп, накачивающий себя гнилой маной, то враг вовне, отвлекший на себя магов рода и, похоже, даже рыцарей, может потребовать напряжения всех имеющихся сил.

Во второй уже раз предприняв ложную попытку прорыва, Виктор оттянул бронированный труп к правой стене коридора – и рванул налево, выгадав для себя лишние доли секунды. К сожалению, самые мобильные серпоносцы, один из которых серпоносцем, так-то, не являлся, всё равно успели встать на его пути, но вот гигант «подоспел» лишь частично.

На пару секунд все крылья Виктора кроме активного просто исчезли во избежание лишних трат маны, а с оставшегося в направлении занятого обедом немертвого устремилась роко-чащая струя воды, сейчас напоминающая лезвие, а не дубину. Легковесные, быстрые и смертоносные живые мертвецы развалились на половинки, ни на мгновение не задержав поток. Руку вместе с частью торса неживого щита удар преодолел с некоторыми затруднениями, но прорвался, пусть и потерял львиную долю убойной мощи. Всё шло к тому, что козырная карта чёртова некроманта канет в лету...

Но «стрелок», направляемый злой волей тёмного, бесстрашно бросился наперерез волне, напоследок исторгнув сразу несколько шипов. Какие-то разбились о стены, обдав всё вокруг импровизированной шрапнелью, а от каких-то Виктору пришлось уклоняться, пропуская их себе за спину и пытаясь защититься от осколков крыльями. Получалось, откровенно говоря, плохо: к прежним ранам прибавилось новых.

Отскочив в сторону от попытавшегося его поймать гиганта, проклятый грязно выругался: себя он чувствовал так, словно его насильно превратили в ёжика. Глаз на затылке у парня не было, но восприятие рисовало даже слишком подробную картину наличествующих повреждений. Из спины Виктора только довольно крупных осколков торчало немногим меньше десятка, а порезы и мелкие раны даже считать было бессмысленно. Бинты и повязки превратились в лохмотья, и к нынешнему моменту третий сын графа выглядел немногим лучше любого из расположившихся в коридоре «трупов» немертвых. Разве что цельным был, а не разделанным, но это их отличие грозило исчезнуть уже в ближайшие минуты.

Ведь бронированная тварь, в последний раз обдав Виктора слабым потоком маны, заменяющим нежити глаза, самоликвидировалась, отдав всю гниль начавшему подниматься чудовищу.

И если раньше проклятый мысленно именовал так всю нежить, то теперь он понял, насколько сильно ошибался.

До этого ему противостояли зверьки, маленькие шавки, даже под прямым управлением не представляющие большой опасности. А теперь против него вышла тварь, объёмы маны которой могли поспорить с таковыми у сильного мага четвёртого, а то и пятого круга. На голых инстинктах Виктор, перебирая крыльями словно осьминог – щупальцами, рванул назад. Спротивляться такой твари было попросту глупо. Даже если та не умеет пользоваться такой мощью, в чём проклятый сомневался, простой принцип «палкой, да по лбу» в случае с вирфортом-недоучкой сработает на отлично. Техничностью совладать с врагом Виктор не мог,

помочь выжившим в лечебнице – тоже. Бегство оставалось единственным вариантом, к которому он в конечном счёте прибегнул.

Скрипя зубы, но поджал хвост и сбежал.

Ведь смерть не входила в его планы – несмотря ни на что...

Глава 12

Стены и перекрытия коридора в один момент сложились за спиной Виктора, и сила, разрушившая их, сама по себе не издала ни звука. Это после округа наполнилась грохотом рушащихся конструкций, которые, между прочим, были созданы чрезвычайно крепкими и магически защищёнными. Но сначала всё равно была пугающая, мёртвая тишина, олицетворяющая тварь, рождённую в самом сердце земель Бельвиосов.

В месте сосредоточения силы этой фамилии, в месте, за которое каждый истинный член рода был готов отдать жизнь.

События тех недалёких секунд проклятый, порядком удалившийся от лечебницы, ощущал так, словно они до сих пор преследовали его по пятам. Страшный холод, нахлынувший на него со спины в момент, когда чудовище сделало первый шаг. Ледяная корка, нарастающая на стенах, коврах, мебели и даже лезвии меча, из которого проклятый по дурости откачал свою ману. Всё поддавалось тёмной силе, шаг за шагом осваивающей окружающий мир. И это была не метафора, не красивое словцо: Виктор буквально чувствовал, как некромантское детище поднимается на ноги, раскрываясь подобно бутону уродливого немёртвого цветка. Гнилостная мана распространялась вокруг и пропитывала само пространство, поднимая из мёртвых даже дохлых мух, которые устремлялись к своему новому хозяину. О том, что вокруг поместья столько трупов всяких грызунов и птиц проклятый даже не догадывался.

А самым пугающим было то, что происходило это само собой, просто по факту существования неведомой твари, создающей или перенаправляющей сюда такие объёмы тёмной маны.

– Это даже не пятый круг. Шестой? Седьмой?.. – Бормотание не сбilo дыхание парня, ведь перебирал он не ногами, а крыльями. Бежал по улице к единственному достаточно сильному магу, способному побороть пробудившееся зло.

К отцу, занявшему своё место в до предела защищённом кабинете на вершине центральной библиотечной башни. И пусть вероятность того, что маг его силы, находясь в центре управления всеми защитными системами города, пропустит появление врага совсем рядом с собой была крайне мала, просто сидеть сложа руки или бежать проклятому не позволяло... да многое не позволяло, если честно. Честь. Совесть. Лица людей, которые жили в поместье, к которым парень привык и которых не был готов потерять.

Виктор ван Бельвиос мог считать, – да и считал, – себя эгоистичным человеком, но по факту он таковым не был.

Мимо группы рыцарей, строем выдвинувшихся в город, Виктор пролетел не сбавляя темпа. Его цель была уже очень близка, и немногим дальше оставалась некролическая тварь, название которой ему было неизвестно. Впервые в жизни проклятый по-настоящему пожалел о своём решении не лезть во тьму слишком рано, и не касаться знаний, которые могут его погубить. Сейчас он не отказался бы даже от самой малости, от крох того, что могло помочь его роду.

О близких, о Лисе, о Линнет, о Грате и о своих рабах проклятый отчаянно пытался не думать. Лишь надеялся на то, что они будут в порядке, и не падут жертвами неизвестного тёмного мага.

А уж он приложит для этого все возможные и невозможные усилия.

Но так, чтобы не сдохнуть безо всякого смысла.

В очередной раз оттолкнувшись от земли, Виктор перепрыгнул забор, и на мгновение, оказавшись в одной-единственной позволяющей подобное точке на территории поместья, увидел кусочек проглядывающегося среди крон города. Тарбиллиан... нет, не пылал, как можно было подумать. Он тихо тонул во тьме, и даже самые яркие ночные огни не пробивались сквозь неё, зыбко подрагивая за едва видимой, но такой густой завесой. Мимолётного взгляда Вик-

тору хватило для того, чтобы понять – в город пришла беда, нависнув над людьми с зажатой в руках косой.

Но долго любоваться пейзажами проклятому было не суждено, так как уже в следующую секунду он оказался перед входом в башню. Стража у входа пропустила третьего сына графа без лишних вопросов, лишь взглянув на его лицо: таким они Виктора ван Бельвиоса никогда ещё не видели. Внутренние переплетения коридоров, лестниц и залов проклятый миновал менее, чем за минуту, сбавив темп лишь у самых дверей важнейшей комнаты на территории поместья рода.

Хотя, как сказать – дверей? Массивная плита из редчайших сплавов, проводящих и сохраняющих в себе ману, сияла подобно пробившейся на свет чешуйке драконьего яйца. Те тоже выглядели, словно камни или до момента вылупления дракончика, или до тех пор, пока люди не стёсывали верхний маскировочный слой, чтобы подтвердить свои догадки. Суть у двери была той же самой, ведь она являлась частью чего-то большего. Можно сказать, целого бункера, который продолжит висеть в воздухе, – вершина башни, как-никак, – даже если от города останется один лишь кратер.

Воспоминания о методах открытия двери всплыли в голове, а следом за ними подтянулось и знание о том, что пока глава рода внутри – «пароль» бесполезен. Оставалось лишь подать сигнал, коснувшись ряда рун в определённой последовательности, и ждать. Что и было Виктором проделано лишь затем, чтобы в момент активации последней руны дверь перед ним распахнулась, открывая доступ в святая святых поместья.

– Виктор. Хорошо, что ты прибыл именно сейчас. – Дюран ван Бельвиос покивал и скупой улыбнулся, после чего развернулся столь стремительно, что плащ за его спиной издал осязаемый хлопок. Глава рода был облачён в боевую форму, которая не подразумевала мантий из-за отсутствия доступа к разгрузке с артефактами и зельями. Самым подходящим вариантом из всех был принят «золотой стандарт» фехтования – свободные штаны, рубаха и жилет с креплениями для алхимических снадобий и магических предметов. Ничего лишнего, но одновременно с тем всё зачаровано до предела. – У рода есть для тебя задание.

– Я готов. – По правде говоря, таким уж готовым проклятый себя не считал: на руках половина резерва от силы, всё тело в ранах, да и выглядит он как попрошайка с подворотни, а не аристократ и святой. Одежду-то он с собой из палаты не прихватил, и всё это время щеголял штанами и бинтами. При том что последние как-то плавно отвалились, оставив Виктора полуголым.

– Ты заменишь меня на этом посту. Не спорь: твоё сверхъестественное восприятие здесь очень пригодится, а резервные способы управления лишь немногим хуже традиционных. – Как маг-инвалид, Виктор не мог управлять системами защиты при помощи нитей маны. Но «бункер» конструировался так, чтобы даже истощённый или травмированный маг пусть не очень эффективно, но мог управлять защитными системами. Если надо – то даже просто руками. – Главная задача – вывести с территории поместья как можно больше членов рода до того, как нам придётся поднимать купол. Моя боевая группа потянет время, но против такого врага, сын, не стоит рассчитывать на многое.

Граф не в пример выразительно хмыкнул, чего за ним обычно не водилось.

– А теперь последнее, Виктор. Если я погибну, род возглавит Деймос... – Глаза проклятого распахнулись от удивления, и он воззрился на отца. – Он мой родной брат. Об этом знают многие, но не ваше поколение. Просто учитывай это, и объяви мою волю, если придётся.

– Но как?..

– Травма и желание служить роду так, как он служил много лет. А теперь – к алтарю, Виктор! Людям нужна помощь, ведь всё это время я сдерживал только сильнейшего нашего врага! – И Дюран стремительной тёмной тенью пронёсся мимо сына, оказавшись по ту сторону начавшей закрываться двери. – Не подведи Бельвиосов! Не подведи себя...

Проклятый застыл на несколько секунд, пока в какой-то момент на морально-волевых не сбросил с себя оцепенение и не устремился к алтарю, не имеющему ничего общего со своим разрушенным тёзкой в церкви. Этот алтарь являлся скорее терминалом, к которому стекались управляющие контуры всех автономных артефактов на территории поместья. Все вместе они образовывали грандиозную систему, позволяющую оператору на вершине центральной башни наблюдать за всем происходящим и управлять артефактами, своевременно реагируя на любую угрозу.

Правда, «наблюдающие» комплексы вроде «Ока Дарота» или «Сенсорной Паутины» были Виктору без надобности по причине наличия у него чудовищно эффективного, аномального восприятия, о котором граф, не получая информацию напрямую, всё равно узнал. Оговорка здесь, неосторожное словцо там – и вот уже Дюран ван Бельвиос, будучи человеком очень неглупым, сделал соответствующие выводы.

И неизвестный враг обвёл вокруг пальца даже его, отчего стал в глазах Виктора ещё большим чудовищем.

Первым делом Виктор перенастроил защиту самой башни, открыв пару лазеек, без которых восприятие попросту не могло распространиться вовне «бункера». Дальше он, проверяя работоспособность артефактов, начал высматривать выживших, попутно выискивая знакомые скопления маны. И к его глубочайшему удовлетворению, на текущий момент все дорогие его сердцу люди были живы.

Осталось только добиться того, чтобы они успешно покинули город...

Грат с утробным рыком подскочил к рвущей его товарищу горло твари, одним слитным ударом ту располовинив. Но нежить так просто не дохла, так что рыцарю пришлось обрушиться на недруга град ударов, разрубив его на десяток неровных кусков.

Кусков, которые вопреки всему продолжали двигаться, и даже тянулись друг к другу растущими на глазах жгутами из плоти.

Рыцарь в бессильной злобе сжал рукоять своего чёрного от гнилой крови меча. Если бы проклятия и ругань могли бы ему помочь – он бы проклинал и ругался. Но здесь и сейчас всё это было бессмысленно. Он мог только расчленив труп ушедшего в чертоги богов соратника, чтобы тот как можно позже встал в строй вражеской армии, и продолжить двигаться на юг, к выходу из поместья вместе с группой беззащитных людей, которых рыцари, ведомые долгом, взяли под охрану.

Всего десять минут тому назад клинков, присягнувших роду Бельвиос, было двенадцать.

Теперь их осталось лишь трое.

– Продолжаем движение!.. – Зычный, грубый и злой голос совсем не подходил платиноволосому мечнику, но иначе говорить он сейчас не мог. Горло пересохло, а слёзы испарились, так и не явив себя миру. Грат, возглавив отряд, не имел права демонстрировать слабость. – Калан, Диризон, построение – треугольником, вы замыкаете и прикрываете фланги группы!

– Мы не дойдём! – Калан, восемнадцатилетний сопляк, только начавший постыгать путь вирфорта, повернул искажённое страхом лицо к Грату. – Если будем защищать этих, то не...

Удар свалил парня на землю быстрее, чем тот успел закончить. Толпа и без того дрожащих слуг зарплата, а Диризон, взявший на себя заботы по воспитанию едва ли достойного титула рыцаря человека, сплюнул на землю. Его слюна окрасилась в розовый: как и всем здесь присутствующим, ветерану неслабо досталось.

– Ты, кусок роккского дерьма! Бери меч в зубы и выполняй приказы, как клялся!

– Грат – не командир! Все старшие мертвы!

– Ну, сука... – Казалось, что оскалилась даже борода Диризона, но ударить ещё раз ему не позволил сам Грат. – Чего?!

– У нас нет времени. – Свистнул рассечённый смертоносной сталью воздух. Клинок остановился у горла распластавшегося на земле новобранца. – Ты с нами, или?..

– С... С вами!

– Увижу малейший намёк на непослушание – отсеку голову. Это последнее предупреждение. Поднимайся, Калан, и вспомни, что такое честь и присяга.

Отступив в сторону, Грат огляделся и в стремлении хоть чем-то занять руки припал на одно колено, ухватив какую-то тряпку и протерев чёрный от трупной крови, едва видимый в ночи клинок. И увиденное его не обрадовало: руны, при помощи которых Бельвиосы улучшали структуру оружия своих рыцарей, поблекли и как будто уменьшились. Грат не знал, пропадёт ли эффект вместе с чернением на лезвии, но пообещал себе это учесть, чтобы ненароком не подставиться.

На мгновение его мысли коснулись недавнего прошлого, вызывающего у рыцаря только злобу и негодование. Застанные врасплох посреди ночи, Бельвиосы, тем не менее, быстро сориентировались и отправили усиленные отряды для упокоения нежити, обнаружившейся в городе. Неизвестный тёмный маг поднял сразу два городских кладбища – одно малое, для знатных горожан в черте города, и одно снаружи, в километре от стен. И словно этого было мало, он так же провёз в город чуть ли не десяток телег, полных свежих трупов. Как он миновал все проверки, почему не привлёк внимания – вопрос, ответов на который не было ни у кого. Зато последствия все себе представляли достаточно ярко, и потому практически все доступные силы были подняты и отправлены на подавление угрозы.

Уже потом, спустя десяток минут зло пробудилось и в самом поместье, распространившись подобно чуме. Крыла врачей и целителей, оцепленного ради ограничения распространения немертвых, больше не было, ибо именно там вошло в силу нечто, присутствие которого бросало в дрожь даже на расстоянии в пару километров. Это было и страшно, и иронично просто потому, что в гнезде легендарной фамилии магов остались только те, кого не рискнули тянуть в серьёзный бой, да крошечная группка ветеранов для присмотра за «мальками».

О, как же Грат злился, когда его оставили здесь! И как же радовался, услышав о близости врага.

Оглядываясь назад – в пору было не довольнo скалиться, а плакать и точить меч.

Совсем недолго в поместье сохранялось хоть какое-то подобие цельности, разрушившееся в тот же миг, как из кухонь хлынула волна немертвого зверья. Живых трупов было мало и они были слабы, но этого хватило, чтобы заразить десяток человек. А уже те продолжили выполнять приказ тёмного мага, стремительно захватывая поместье. В том первом бою сложила голову большая часть рыцарей, стражников и слабеньких магов, вызвавшихся помочь в борьбе с нежитью. Приказ на эвакуацию прозвучал слишком поздно, и всё ухнуло в бездну хаоса.

Видят боги, Грат молил их о помощи. Молил, чтобы небожители позволили хотя бы сохранить жизни доверившихся ему людей. Но отряд шёл вперёд – и редел, редел так быстро, что в итоге из города, скорее всего, не выберется никто. Что такое три вирфорта против полчищ нежити? Даже с нечастой помощью магии поместья они едва отбивались, а помощь эта как пропала недавно, так больше и не появлялась.

– Говорит Виктор ван Бельвиос. Выдвигайтесь к гостевым домам для объединения с другой группой выживших. Я прикрою вас, как смогу. – Раздавшийся из-под земли голос заставил Грата вздрогнуть, но то, что говорил молодой господин его даже обрадовало. Он-то думал, что третий сын графа погиб, оказавшись рядом с неведомой, но до одури мощной тварью. – Если поспешите, то столкнётесь только с одной группой тварей.

Грат развернулся, окинув взглядом своих товарищей и толпу рядом с ними.

– Слышали?! Земля горит у нас под пятками, шевелитесь!

Взмах рукой с зажатым в ней мечом послужил сигналом к действию, и люди взяли курс на восток, к гостевым домам. Благо, все они отлично знали, где те располагаются. Как знали они и Виктора ван Бельвиоса, с недавних пор святого, первым столкнувшегося с «силами зла» несколько часов назад. Не столько его голос, сколько участие вдохнуло в людей надежду и веру в лучшее.

Воодушевлённые, люди ускорились. А где-то там, на вершине центральной башни, слабо улыбнулся третий сын графа, напрягающий сейчас все свои силы для сохранения максимума жизней.

Страх, вонь палёной и гнилой плоти, крики ужаса и бесчисленные смерти – этот ужасный коктейль витал в воздухе, не позволяя Линнет нормально вдохнуть. Она почти исчерпала не до конца восстановившийся резерв в первые минуты боя, и теперь с трудом переставляла ноги, надеясь спастись от неминуемой угрозы – нежити, которой вокруг было слишком много для разрозненных отрядов спасающихся бегством людей. Их группу и вовсе бы уже сожрали, не пробудись артефакты поместья, испарившие наседающую на людей нежить.

Вернее будет сказать, что бой шёл до сих пор: Линнет ар Веноза то и дело слышала треск электрических разрядов и вой потоков пламени, оставляющих от живых мертвецов лишь пепел да иссушённые, неопасные кости.

Поместье наконец начало оправдывать своё звание первого после дворца короля защищённого места.

– Говорит Виктор ван Бельвиос. – Сердце девочки вздрогнуло. – Следуйте к гостевым домам, промежуточная точка – бараки стражи на юге. Я сделаю всё для того, чтобы вы не столкнулись с превосходящими силами врага.

– Да сохранит вас Тэмпест Многоликий!.. – Какая-то немолодая уже повариха грохнулась на колени, распластавшись ниц перед местом, из которого, как всем казалось, распространялся голос. – Вас послало нам само небо, молодой господин!..

– Не небо, но мой отец. Впрочем, божья помощь здесь сейчас не помешает. – Все услышали отчётливый хмык. – Выдвигайтесь. Времени мало, а мои возможности не бесконечны...

Где-то вдалеке раздался не то крик, не вой, а в небо над башнями библиотек Бельвиосов взмыла огромная крылатая тварь.

– Бегом!.. – Удивительно, но это крикнула женщина, секунду назад ещё стоявшая на коленях. И она же побежала вперёд стражников и рыцарей, задав всем очень хороший темп. Линнет же задержалась на пару секунд, будучи не в силах отвести взгляд от огненных всполохов, устремившихся в небо и хлыстами обрушившихся на монстра, совсем немного не дотягивающего до старшей виверны.

И только крик боли падающей твари привёл её в чувство, подтолкнув вперёд. Ничего ещё не закончилось, а безопасность – не наступила.

Совсем наоборот: всё только начиналось...

Глава 13

Столкновение с обещанной молодым господином группой тварей случилось спустя несколько минут, когда Грат уже мог разглядеть среди колышавшейся зелени, – в ночи зелёной весьма условно, – первый из гостевых домов. Нежити было много: почти два десятка «людей» и с полсотни костяков поменьше, относительно тех, первых мёртвых зверёнышей нарастивших массу. Они будто создавали кости из ничего, до того необычно выглядели эти существа.

Впрочем, погибшие от их костяных когтей слуги и стражники тоже напоминали людей весьма отдалённо. Големы из костей – вот, на что они были похожи.

– Собраться! – Выстоять против такой толпы их силами было едва ли возможно, но молодой господин не просто так недавно связался с ними и чётко указал, где необходимо принять бой. Он собирался помочь, и сделал это так, что на лице Грата невольно выступила улыбка.

Алое магическое пламя появилось из ниоткуда, слизав всю нежить так, словно она в принципе не представляла никакой опасности. Вырвавшихся из ловушки тварей рыцари перехватили на подходе к своей группе, жестоко расчленив некогда безобидных свиней, куриц и одного бычка. Благо, в плане боеспособности они были намного слабее монстров, получавшихся из людей.

А их Виктор ван Бельвиос сжёг в первую очередь, не пожалев сил и отправив артефакты поблизости на долгую перезарядку. Его восприятие позволяло так поступать, ибо ситуацию проклятый контролировал практически на сто процентов.

– Продолжаем движение! – Скомандовал Грат, похлопав по плечу подрагивающего, но явно приободрившегося Калана. Он полагал, что они все уже мертвы, но «появление» молодого господина вернуло в его сердце надежду.

Собравшись, нестройная толпа быстро добралась до первого, а за ним и до второго гостевого дома. И уже там они чуть ли не нос к носу столкнулись с ещё одной группой, во главе которой стоял хорошо знакомый рыцарю персонаж.

Как-никак, именно этот дикарь в рядах рыцарей попроще характером сошёл за своего.

– Торан, белобрысый ты живчик, рад тебя видеть! – Впервые за весь вечер Грат искренне улыбнулся. И вдвойне искренней эта улыбка стала, когда за широкой спиной вирфорта он увидел девушку, которую уже счёл мёртвой. Ту самую, с которой он коротал ночи в последние месяцы. – Как у вас обстановка?

– Лучше, чем там. – Варвар кивнул на виднеющиеся башни поместья. – Вождь объявил это место точкой сбора. Ждём ещё одну группу, и потом выдвигаемся.

– Кому-то нужна помощь? – Из-за спины Торана выступили служанки с Линнет во главе. Где-то они раздобыли перевязочный материал и спирт, ожидая того, что их скромные навыки могут потребоваться раненым. Но Грат не оправдал их надежд, со скорбным видом покачав головой:

– Увы. Нежить не оставляет за собой недобитков, а наши царапины не стоят того, чтобы их обрабатывать. – Рыцарь качнул пошевелил левой рукой, наруч на которой был буквально рассечён. Но свою роль он выполнил, и под бронёй оказалась лишь незначительная царапина. – Здесь много людей, способных держать оружие?

– Девятеро, если считать меня. Трое воинов и шестеро стражников.

– У нас трое рыцарей... воинов. – Поправился Грат во избежание недопонимания. Мало...

– Для боя – мало, но вывести людей мы сумеем. – Выдал неожиданно миролюбивую для себя мысль Торан. – Да и врагов на каждого будет больше, что есть хорошо!

Грат хмыкнул, отбросив последнюю мысль. Миролюбием тут и не пахло.

– Я не понял, а меня вы принципиально не считаете?! – Из толпы, ругаясь и чертыхаясь, выбрался полутарбит, которого Грат видел лишь издали. Несмотря на свой скромный рост, выглядел он грозно: со шлемом на голове, в кое-как подогнанных доспехах и с чёрной палкой в руках. Кипа похожих торчала из мешка у него за спиной. – Думаете, я бесполезен?!

– Да брось ты, Дроф. – Торан отмахнулся с ухмылкой. – Ты много не навоеешь...

– Я артефактор, недалёкий ты дикарь! И у меня есть, чем сражаться! – Последнюю фразу Дрофэр произнёс, потрясая палкой.

– Это доработанный артефакт молодого господина?.. – Грат первым понял, что к чему, но ошибся, о чём полукровка его тут же и уведомил.

– Этот боевой жезл создавался по его приказу, но схема – моя собственная разработка. Правда, заклинание мы встроили не самое эффективное. – Дровэр поморщился. – Толчок. Сильный, но против тех тварей не слишком полезный.

– Лучше, чем ничего. Можно выдать лишние тем, кто способен хоть как-то сражаться. – Грат кивнул на запасы полутарбита, за которые тот схватился свободной рукой будто утопающий – за соломинку. – Куда тебе столько?

– Жезлы на десять зарядов, мощность не регулируется, делался-то для простых людей. На сколько его хватит? А их у меня всего десять штук! – И Грат, и Торан синхронно присвистнули, уже совсем иначе посмотрев на мешок за спиной артефактора. И правда: часть жезлов была сложена не вдоль, а поперёк, и потому не торчала наружу.

– Хотя бы половину, но выдать необходимо. Есть тут те, кто уверен в себе и не победит?! – Платиноволосый рыцарь обратился ни к кому конкретному и одновременно ко всем, высматривая в толпе подходящих людей. Торан в это же время продолжил насаживать на Дрофэра, в конечном счёте завладев половиной запасных жезлов.

А там и Грат отобрал более-менее достойных кандидатов. Как ни странно, но вызвались не только мужчины: один жезл себе затребовала та самая кухарка, прежде чуть ли не молившаяся голосу Виктора. И она же первой поняла, как пользоваться магической прибудой, не требующей от владельца вообще никаких талантов к, собственно, магии. Механизм был до одури прост: на первой трети длины жезла часть корпуса шириной в ладонь проворачивалась, и тем самым замыкала цепи рун. Жезл активировался, и побочным действием этого было возвращение механизма в изначальное положение.

Просто, но очень эффективно.

Боеспособных, – хотя бы относительно, – людей в отряде прибыло, что несказанно порадовало Грата. Правда, радость эта омрачилась эхом довольно близких взрывов и рокота пламени с той стороны, откуда должна была подоспеть третья группа.

– К бою! Построиться полукругом, Дрофэр и Диризон – за вами тылы! – Озвученные господа не стали медлить и пререкаться, заняв отведённую им позицию. Остальные же кое-как построились в пресловутый полукруг, закрыв собой безоружных. В тот же момент за их спинами неожиданно стало гораздо светлее: то Дрофэр достал ещё один свой артефакт, запустивший вперёд светящийся шарик. Тот далеко не пролетел, уткнувшись в дерево и зафиксировавшись на нём.

– Если они умеют стрелять, то мы для них как на ладони... – Недовольно пробурчал Диризон, поднимая перед собой щит. Свет от шарика превосходно освещал поляну, но разглядеть хоть что-то за ним не представлялось возможным.

– Думаешь, они умеют стрелять? Это ж твари, они тупые. – Уверенно заявил полутарбит, бочком сместившись поближе к своему щитоносному товарищу.

В следующую секунду вдалеке раздался мощнейший взрыв, а на передовой всё завертелось. Не до разговоров стало даже тылам: они до рези в глазах всматривались во тьму, чтобы пораньше заметить наступающих врагов, да пытались не обращать внимания на распространявшийся по округе цепкий холод.

Могущественная тварь, прежде не спешившая активно действовать, вступила в бой...

Виктор физически ощущал, как раскалывается его многострадальная голова. И пятнадцати минут не прошло с момента его прибытия на вершину центральной библиотечной башни, а ментальных сил, казалось, осталось совсем немного. Одновременно пользоваться восприятием, управлять защитными системами поместья и координировать группы выживших, делая всё для того, чтобы те выжившими и оставались, оказалось до безумия сложно. Играло свою роль и отсутствие практических навыков работы за таким «терминалом»: лишь в памяти реципиента имелись воспоминания об обучении всем необходимым процессам. Приходилось дополнительно отвлекаться, осознанно выполняя рутинные, в общем-то, действия вроде переключения подконтрольных групп артефактов или их наведения.

«Насколько же проще всё было бы с магией! Может, мне и правда стоило сдать церкву? Или в малефики податься?..» – за полтора года жизни в этом мире Виктор, казалось, уже привык к проклятию и свикся с недоступностью магии. Но в такие моменты вся затаённая боль всплывала наружу, разрывая душу проклятого изнутри.

Проклятый коснулся ряда рун, активировав необходимые сейчас артефакты, после чего спокойным голосом объяснил очередному отряду, куда им стоит двигаться. Дальше он повторил то же самое ещё дважды, и лишь после этого позволил себе обратить внимание на место, некогда бывшее лечебницей поместья, а ныне обратившееся полем боя.

Там творилось нечто невообразимое в самом буквальном смысле этого слова. Десятки заклинаний вспыхивали и гасли ежесекундно, широчайшие потоки маны кружили вокруг магов рода Бельвиос, а материя искажалась и осыпалась прахом от концентрации приходящей с изнанки энергии. Ощутить хоть что-то в этом месиве было для проклятого невозможно, отчего ему пришлось активировать «Око Дарота» в трёх экземплярах. Поддерживающие их артефакты неистово сбоили и работали на грани отказа, само изображение в тягучей дымке над алтарём, – напрямую получать информацию могли только маги, – дрожало и искажалось, но Виктор видел.

Видел – и ужасался, ощущая свою беспомощность перед лицом врага такой силы. А ведь при всём при этом отец Виктора со своей группой сдерживался, дожидаясь окончания эвакуации, поднятия мощнейшего двустороннего барьера над поместьем и отмашки от оставшегося в центральной башне сына.

– Парек, Грат, нужно ускориться. Добивайте тварей и двигайтесь на запад, я обеспечу вам коридор! – В конечном счёте Виктор вновь вернулся к исполнению своих прямых обязанностей. Самые важные именно для проклятого люди наконец объединились в один отряд, но они же были дальше всего от выхода. Остальных проклятый собрать вместе даже не пытался. Причины для этого были разнообразными, но основная – это всё-таки готовность кого-то потерять. Лицемерно? Да. Но Виктор не мог поступить иначе.

Ни миллион, ни десять миллионов незнакомцев в его глазах не стоили жизнью тех, кого он знал. И это, возможно, было самой главной слабостью Виктора ван Бельвиоса, «святого», и...

Выверенным и точным ударом Грат отсек немертвому сначала запястье, а после и всю руку. Скользнув в сторону, он чуть присел – и из такого положения ударил снизу-вверх, лишив тварь второй конечности и опрокинув ту на землю. Но добить не успел, так как на него тут же набросился огромный пёс, сшитый из кусков разноцветной плоти и покрытый ребристым костяным панцирем. Рыцарь успел только развернуться всем корпусом, да изготовить меч к удару... которого не последовало. Гулкий хлопок означивал использование боевого жезла, и несчастное животное, получившее страшную вторую жизнь, отлетело на несколько метров, разбросав ошметки разошедшейся от силы удара плоти.

Грат коротко кивнул Дрофэру – и обрушил клинок на почти поднявшегося немертвого, ловко того располовинив. Но не успели ещё развеяться хлопья повисших в воздухе излишков маны, как рыцарю пришлось хватать дёргающееся тело с земли и закрывать им себя и полутарбита от пары безумно острых костяных шипов. К счастью для людей, снаряды эти были довольно медлительными, так что тренированный вирфорт замечал их на подлёте. В отличии от Дрофэра, который воином никогда не был.

– Что творишь-то, а?! – Заорал полукровка, сидя на земле и свирепо взирая на зад Грата. Желание задавать вопросы у него пропало лишь после того, как ошмётки немертвого в руке рыцаря дёрнулись и разлетелись на части, обдав всё перед ним ворохом распахавшей землю кости. – А... ты это, твори дальше, лады?

– Об этом можно и не просить.

Грат отбросил остатки немертвого в сторону и выпрямился, окинув взглядом поле боя. Нежити было не так много, ведь молодой господин приложил массу усилий для обеспечения их отряду безопасного коридора для эвакуации. Конечно, безопасность эта вышла относительной, и им всё-таки пришлось ещё раз столкнуться с врагом. Но по сравнению с той волной, что шла к отряду изначально, эта кучка в полтора десятка немертвых – сушая мелочь. Особенно с учётом того, что бывших людей среди них было всего шестеро, а с животными справляться было кратно легче. Они были больше физически, но медленнее, слабее и значительно тупее.

А ещё они не отличались той живучестью, что присутствовала у экс-людей. Разрубил тварь на несколько частей – и можешь не беспокоиться о том, что вскоре она поднимется сама собой. Но рядом в момент её кончины лучше не стоять, так как холодная, отвратительная мана не лучшим образом влияла на живых: это Грат проверил на себе, и теперь пальцами левой руки шевелил с некоторым усилием.

– Собраться! Ещё рывок, и мы в городе!

«В котором, чёрт побери, всё может оказаться ещё хуже... но лучше будем надеяться на лучшее» – подумал рыцарь, в последней стычке добывая одинокого немертвого, изрешеченного арбалетными болтами. «Жить» это твари не мешало, но двигаться – очень даже, ведь кое-где металлические штыри входили в суставы или рядом с оными. А основа, фундамент у нежити оставался всё-таки человеческим.

И Грату было искренне жаль тех, кого тёмный маг обратил в своих марионеток.

– Рыц... Грат! Есть предложение. – Как-то плавно и незаметно рядом с мечником нарисовался Парек, старший брат Виктора ван Бельвиоса и человек, отряд которого основная группа ранее дожидалась у гостевых домов. – Мы покинем территорию поместья через западные ворота, верно?

– Истинно так. И, пожалуйста, ближе к сути, господин Парек. – Почему-то называть его молодым господином рыцарю не хотелось, и он пошёл на поводу у этого желания, несколько отступив от общепринятых норм. – Времени мало.

– В полукилометре от западных ворот есть вход в основной ствол канализации, обслуживающей центральную улицу. А у меня есть универсальный ключ, которым можно отпереть любой вход или выход. – Юноша продемонстрировал увесистую бляху с выпирающей частью, действительно походящей на ключ. Очень грубой, но способной исполнять свою роль. – А ещё я отлично ориентируюсь в подземельях. Это, можно сказать, моя специализация как мага.

– Это точно?

– Абсолютно. Мы хорошенько сократим путь до западной стены Тарбиллиана, если воспользуемся этим ходом. А ещё там не бывает людей, так что вероятность столкнуться с нежитью очень мала. И я почувствую её заранее, так что, случись чего, мы успеем развернуться и отступить. – Парек вещал уверенно и красиво, так, что Грат не нашёл причин ему отказывать. Под землёй в любом случае будет безопаснее, чем снаружи, если только маги Бельвиосов не сравняли нежить с землёй. Но глядя на «успехи» в поместье, верилось в это слабо.

– Вы поведёте нас, господин Парек, а мы прикроем.

– Да будет так. – Удовлетворённо улыбнувшись, аристократ кивнул и широкими шагами направился на запад. Попутно он сбросил с кончиков пальцев пару искр, упавших на ближайшего восстанавливающегося немертвого – и распалил пламя, принявшееся жадно пожирать гнилую плоть и почерневшие кости.

«Позёр. Хорошо, что молодой господин не такой...». – Подумал Грат перед тем, как ступить следом за аристократом. Их отряд продолжил своё движение к выходу, до которого оставалось меньше пары сотен метров. – «Если повезёт, то мы выберемся без приключений».

Никогда ещё Грат так не ошибался в своих предположениях.

Глава 14

– К этому приложили руку все поколения магов рода, начиная с основателя... – Пробормотал Виктор, почувствовав пробуждение древних механизмов и артефактов, тут же начавших наращивать над поместьем массивный купол. Способный выдержать многодневный обстрел извне, этот высококлассный барьер мог немногим хуже удерживать что-то, запертое внутри. Небольшая подстраховка легендарного химеролога на случай бунта его «детिशек», оказавшаяся очень кстати сегодня.

По ряду причин Бельвиосы уже давно отказались от химер, но что-то подсказало им не трогать эту часть барьера. И вряд ли это была лень, скорее уж холодный расчёт и оглядка на самые разные вероятности.

Слои купола пузырились, сверкали и наслаивались друг на друга, сплетаясь в цельный, монолитный и непрозрачный серебряный барьер. Меньше минуты потребуется для того, чтобы конструкт полностью завершился, а отец со своими товарищами получил возможность не сдерживаться. Впрочем, он уже мог бить во всю, ведь активация барьера была условным сигналом, указывающим на то, что все те, кого можно было спасти уже спасены, а на территории поместья остались только сильнейшие боевые маги... и Виктор, укрывающийся в своём «бункере».

– Но чёрта с два я буду просто так здесь сидеть! – Фыркнув, проклятый свернул восприятие, перевёл вершину башни в осадный режим и активировал традиционные системы наблюдения. От восприятия в таком буйстве маны всё равно не было толку, ведь находился проклятый отнюдь не в эпицентре, чтобы мочь отсеять помехи. Зато «Око Дарота» работало вполне себе сносно, транслируя изображение, формируемое сразу десятком вспыхнувших над поместьем магических глаз.

И картина, представшая перед Виктором, не радовала. Потерь среди группы боевых магов не было и не предвиделось, но и их успехи в уничтожении врага, мягко говоря, отсутствовали. Тварь собрала вокруг себя необычно много гнилой маны, взяв ту буквально из ниоткуда, и теперь останавливала даже серьёзнейшие атакующие заклинания пятого и шестого кругов. От окружающего сражающихся ландшафта уже не осталось практически ничего – лишь выжженная серая пустошь с неравномерно разбросанными вокруг кратерами и редкими обломками.

И если говорить честно, то напрямую помочь отцу Виктор не мог по двум причинам. Первая – артефакты просто неспособны были выдать такой уровень мощи. Вторая – этих артефактов там, где шло сражение, банально не осталось. Встроенные в стены зданий и укрытые под землёй, развернувшуюся схватку они не пережили. Ну а то, что осталось, располагалось слишком далеко. Атаковать было можно, но заклинание, летящее к цели с десятков секунд – это просто смешно. Защититься элементарно, а вероятность задеть союзника совсем не эфемерна.

Тем не менее, у проклятого был другой план. Материальный мир и изнанка были тесно связаны друг с другом, и концентрация маны в одном измерении соответствовала аналогичной концентрации с поправкой на коэффициент плотности маны в его отражении. Изнанка сама по себе была насыщена маной куда сильнее, так что там, где в материальном мире была, допустим, одна условная единица маны, на изнанке находилось пять единиц, занимающие тот же объём пространства. Для Виктора было очевидно, что марионетка неизвестного тёмного мага сейчас переводила ману с изнанки в материальный мир, чем и обуславливалась её «гнилость». Мана ведь не берётся из ниоткуда, но что живые мертвецы, что эта холодящая душу тварь становились всё сильнее – прецедент, для обычного мага или магического существа невозможный. Притом все они были физически мёртвыми, что отсылало нас к стремлению тёмных магов избавиться от обременяющей их телесной оболочки, видимо, не одной только болью им мешающей.

Так как можно было ослабить такого врага?

В моменте – никак, но на дистанции вариантов было в достатке. Первый шаг инициировал ещё сам граф, приказав поднять барьер сразу после завершения эвакуации людей. До тех пор, пока этот купол стоит, мана сквозь него будет проникать в смешных объёмах, практически незаметных. Почти газопроницаемость, но в отношении маны. Тем не менее, враг всё ещё мог черпать ману из пространства изнанки внутри купола, и именно этому собирался помешать Виктор, сделав второй шаг на этом пути. Как?

Устроив мана-шторм.

Облизав пересохшие губы, проклятый на секунду опустил веки, вдохнул – и резко выдохнул, распахнув глаза и принявшись за работу. Механизм образования шторма маны не был известен реципиенту точно так же, как любому другому адекватному магу. Но при этом ему с самого детства вдалбливали в голову правила, несоблюдение которых может привести к формированию этого скоротечного, но пагубного для подавляющего большинства магов явления. Маги до четвёртого круга включительно просто слепнут в таком шторме, а их заклинания разрушаются. Исключение – гении с безобразно мощным контролем, или те, кто догадывается плести заклинания в своём теле, а наружу выпускать уже готовый к напитке конструкт. Для отца, да и для его «гвардейцев», это проблемой никак не станет, в то время как марионетка тёмного мага просто не сможет столь же свободно черпать ману. А если он ещё и плотно взаимодействует с изнанкой, где мана-шторм тоже отразится, да ещё и многократно более сильный...

Тварь как минимум перестанет так активно наращивать силу, а как максимум – лишиться её части, потеряв возможность работать с изнанкой. Всё-таки люди независимо ни от чего оставались людьми, и проклятый надеялся на то, что даже самый тёмный маг не будет чувствовать себя в другом измерении как дома.

Артефакты на всей территории поместья активировались десятками и сотнями, выпуская заклинания в отчётливо прослеживаемой последовательности. Где-то это походило на выпущенные не к месту фейерверки, а где-то даже не нарушалась повисшая над зданиями мёртвая тишина: там заклинания резонировали и схлопывались, в противовес другой, полыхающей и беснующейся в небесах половине образуя полости, в которых маны практически не было. Виктор совсем недолго занимался этим саботажем высшей категории, прежде чем несколько подконтрольных ему артефактов просто перестали отвечать на команды и выпали из системы. И стоило этому только произойти, как началась цепная реакция: мана-шторм образовался противоположной части поместья от места боя, и грозил вскоре обрушиться на то волной небывалой мощи.

До последнего Виктор наблюдал за этим буйством неестественного происхождения, прежде чем последний из управляемых им глаз не смело, лишив сердце оборонительных систем поместья возможности смотреть вовне.

Теперь всё, что оставалось проклятому – это ждать и надеяться на лучшее...

Дюран ван Бельвиос с самого детства считался талантливейшим боевым магом своего поколения. Уже с двенадцати лет он демонстрировал успехи в спаррингах, обладая всем, что необходимо подлинному боевику. Интуитивное и осознанное видение картины боя, сверхбыстрая реакция, стремительное освоение всё новых и новых заклинаний, контроль и сила – Дюран демонстрировал своё превосходство везде и всюду.

Но даже так обогнать Дэймоса, своего старшего брата, он не мог.

Тот не был гением в боевой магии, но достиг подлинной вершины в сложнейших магических направлениях – артефакторике и алхимии, что в перспективе открывало ему дорогу к химерологии. Не столько магическому искусству, сколько науке, освоить которую на подобающем уровне было крайне, крайне сложно. С момента смерти основателя химерологи появлялись всего четырежды, а к тому моменту в роду не осталось ни одного. И Дэймос, старший

сын главы рода, должен был стать им, дабы после возглавить фамилию и привести её к процветанию.

Дюран завидовал ему. Честолюбивый юноша, считавший себя гением, не мог принять превосходства даже самого близкого человека. Отрицательные эмоции захватили боевого мага, и толкали его вперёд так, как не могло ничто иное. А усугублялось это внешним давлением и борьбой за власть внутри рода, ибо желающих установить на вершине своего человека было достаточно много.

Тогда Дюран ван Бельвиос совершил самую большую ошибку в своей жизни: он закрыл глаза на приготовления своих «сторонников», не восприняв те всерьёз.

Впервые с момента получения Дэймосом ранга мастера артефакторики в его лаборатории прозвучал взрыв, а прибывшие на место маги, – слугам туда вход был заказан, – обнаружили молодого господина в ужаснейшем состоянии: его сердце маны было раздроблено на сотни кусков и фактически уничтожено. Будущий химеролог стал беспомощным инвалидом, в то время как Дюран фактически остался единственным претендентом на место следующего главы рода.

Этот сомнительный успех не принёс юноше ни счастья, ни удовлетворения, а несколькими годами позже Дюран и вовсе понял, что управление фамилией подавляет его потенциал и мешает развитию. Он был бойцом, а не управленцем.

И ярче всего он осознал это, оказавшись в гуще битвы, подобных которой в его долгой жизни ещё не было. Неизвестный, но крайне могущественный враг. Ставка – жизнь и всё, за что Бельвиосы сражались ещё сотню лет назад. И права отступить у него нет, ибо что бегство, что поражение сейчас поставят крест на Бельвиосах. Потерю города магам, может, и простят, но как самостоятельная сила они просто исчезнут.

А допустить подобное Дюран попросту не имел права.

Десятки подготовленных магами заклинаний в один миг расцвели в радиусе трёх сотен метров, напитываясь маной и формируя барьеры причудливой формы, а сорвавшиеся с их рук лучи, проходя через них, искажались, меняли направление и даже плотность потоков. В считанные секунды вокруг клубящейся в центре получившегося построения тьмы выросла полноценная сеть из способных рассеять всё и вся лучей, ограничивших манёвр врага и растерзавших все структуры, которые тот вольно или невольно создал вокруг себя. Над полем боя пронёсся злобный потусторонний вой: тварь, попытавшись шевельнуться, опалила кости о белоснежный луч.

– Сохраняем построение, дублируем контур для точечного удара!

Короткая команда одновременно и затихла, едва сорвавшись с языка главы рода, и была услышана теми, кому она предназначалась. Вновь закипела работа, и маги, мгновение назад выглядевшие так, словно только что закончили голыми руками тягать многотонные гранитные валуны, избавились ото всех признаков усталости. У них была задача и было чёткое понимание того, на что они способны. А возмущения своих тел, любящих сдаваться заранее, они умели очень хорошо и без последствий в моменте игнорировать. Да, после боя им будет худо, но в случае проигрыша или отступления «худо» затмится ужасом потери того, что они стремились защитить с малых лет.

И вновь в воздухе начали появляться геометрически сложные барьеры, выстраивающиеся в одном только магам понятную схему. Некротическая тварь к этому моменту уже уничтожила пару концентраторов первой волны, пусть и ценой некоторых повреждений лишних конечностей. А в том, что они именно лишние у людей к нынешнему моменту сомнений практически не было: нежить без страха жертвовала всем тем, что «наросло» на ней за время выпитывания гнилостной маны. Две пары массивных и многосуставчатых костяных рук, хвост, крылья и массивные части костяной брони – всё это уже лежало на земле, обгорелое, потрескавшееся и, бесспорно, окончательно мёртвое.

Но беспокоили ли эти потери нежить? Ничуть. Это чудовище само, по своему желанию убирало всё, что кардинально отличало её от человека... и с каждой такой потерей движения сухого костяного тела становились всё увереннее, а последующие концентраторы уничтожались лишь быстрее. Дюран осознал, что если не ударить сейчас, то «потом» может и не быть. Моментально маг шестого круга перешёл от подготовки к действию, наспех залатав дыры в контуре и подсобив с этим менее сильным, пусть и зачастую более опытным товарищам.

А сразу после этого он ударил, вложив в тончайший луч столько сил, сколько только мог.

Стремительный и неуловимый, словно отблеск солнца в осколке стекла. Разрушительный, как сотни слившихся воедино вулканов, циклонов и гроз. Сверкающий на зависть всем святым и богам. Апогей мнимой простоты и реальной эффективности, заклинание, освоить которое у Дюрана вышло лишь тремя годами ранее. Все его союзники в этой битве, наполняя «Клеть Тысячи Граней» лучами, пользовались упрощённой его версией не ради экономии сил или практичности в моменте, вовсе нет. Просто они не могли иначе, в отличии от гениального главы рода, боевика, который похоронил свой талант много лет тому назад из-за досаднейшей ошибки...

Гнев пришёл в душу сильнейшего из Бельвиосов, и вместе с тем по белоснежному лучу пробежали алые отблески. В отличии от основного «тела» заклинания, алое свечение ползло неспешно, так что на момент удара оно преодолело лишь половину пути до врага.

Врага, который каким-то неведомым образом смог уклониться и сохранить то, что замесило неживой твари сердце маны. Луч прошёл тремя сантиметрами левее, после чего рванул в сторону и почти отсёк чудовищу руку. Отсёк – и двинулся в обратную сторону, всё так же стремясь поразить средоточие силы врага. Брошенные тем на свою защиту энергии бессильно растеклись перед неостановимым магическим клинком, – чем-то луч походил на оный, – и следующий удар лишил неживого головы вместе с частью плеча.

Но самая главная цель ускользнула вновь, и Дюран, разъярившись, ещё сильнее сконцентрировался на своём противнике. В алый окрасился уже весь луч, выпивающий силы со скоростью, способной за минуту «высушить» любого мага пятого круга. Контроль главы рода над этим оружием ослаб, но его разрушительная мощь только выросла: частичная деструктуризация приводила к отщеплению частиц горящего маной луча, которые ранили врага лишь немногим хуже основы.

Маги рода Бельвиосов, глядя на столь близкую победу, увеличили напор, стремясь лишить врага даже малейшего шанса не бегство. Они всецело положились на своё восприятие, сбоящее из-за активного применения заклинаний и начавшего успокаиваться мана-шторма – и это стало фатальной ошибкой, спусковым крючком для множества событий, наполнивших последующие секунды.

Алый луч впился в «сердце маны» неживого чудовища, мощь которого превзошла все мыслимые и немыслимые пределы, испарил плоть – и разбился на тысячи тончайших нитей, поглощённый огранённым чёрным бриллиантом размером с кулак. Драгоценность мгновенно впитала в себя тело и ману немертвого, потускнела и упала на усыпанную пеплом землю.

Одновременно с тем воздух наполнил звон осыпающегося стекла, неистово засверкали тысячи отражённых солнц, сорвавших покров искусной засады, а появившиеся словно из ниоткуда новые действующие лица накинулись на группу поддержки главы рода Бельвиосов, связав тех боем. Боевые маги инстинктивно и моментально задействовали хорошо им известный репертуар, предназначенный для убийства людей, и воздух закипел от количества пронзающих его заклинаний.

А из грудной клетки Дюрана, больше прочих сосредоточенного на главном противнике, выросло охваченное алым пламенем лезвие. Нападавшие уже готовы были ликовать, да только в следующий же миг иллюзия тела графа распалась непроглядным ворохом обжигающих искр, из-за которых тут же вырвался целый град смертоносных серебрищихся магических снарядов.

Избежавший смерти маг шестого круга обрушил страшный удар на новых врагов – людей в белых одеждах, во главе которых находилась хорошо ему известная женщина. Он видел её не единожды, и что самое главное – рядом с собственным сыном. Оттого и мотивации покончить с ней здесь и сейчас у главы рода было многократно больше: погибни он тут вместе со своими подчинёнными, и на судьбе Бельвиосов можно будет ставить крест. Ведь указать на предательницу будет просто-напросто некому...

Ещё не развеялась мана, извергнутая в ходе контратаки, а парные кинжалы Клариссы уже врубались в возведённые графом барьеры. Сам маг в эту секунду особым образом сложил руки, дополнив структуру заклинания своими собственными линиями жизни – и яростно крикнул. На долю мгновения установилась абсолютная тишина, предвещающая неминуемую бурю, а после по всем врагам до единого прошлась мощнейшая звуковая волна. Самые слабые из нападавших камнями полетели вниз, меньшая часть просто замешкалась, а сильнейшие продолжили наступление, не желая давать магу шестого круга возможность разорвать дистанцию и навязать им невыгодные условия боя.

Кларисса, осознав провал в неожиданной атаке, сложила руки так, словно готовясь натягивать невидимый лук. Затрепал воздух, взметнулись вверх длинные чёрные волосы, затрепетал под порывами мощнейшего ветра белоснежный плащ – и непокорные огненные всполохи сконцентрировались в её руках, превращаясь во внушительных размеров оружие. Стрела тоже возникла из ниоткуда, неистово запульсировала – и сорвалась, подталкиваемая такой же огненной тетивой. Скорость снаряда была такова, что взгляды всех присутствующих увидели лишь алый шлейф, исчезнувший спустя секунду. Но за ним можно было проследить, и увидеть, куда в конечном счёте попала стрела.

Дюран ван Бельвиос стоял на полупрозрачной платформе, широко расставив ноги и удерживая бьющийся в его изменившихся руках сгусток пламени. Серые глаза сверкали пугающим светом, а взгляд мага шестого круга пронзал, словно лезвие самого настоящего меча.

– Не думал, что когда-нибудь на это пойду. – Все слышали слова, но лицо мужчины оставалось холодным, отстранённым и застывшим, словно восковая маска. – Кто стоит за вами?

Нападавшие не ответили. Они, пользуясь возникшим перерывом, безо всяких слов, одними лишь ручными знаками общались друг с другом, прорабатывая следующую стратегию. Или, что будет куда вернее, пытались общаться, ведь раскинувшиеся повсюду сети маны графа были выброшены вовне не просто так: они исказили звуки и свет, лишая вирфортов и магов врага способности к общению друг с другом. Дюран же это заклинание из своего тайного арсенала контролировал, и потому мог решать, кто и что должен был услышать... и даже «говорить» чужими голосами, превращая одни звуки в другие. В руках мага, разум которого мог похвастать невероятными вычислительными способностями, это был сверхэффективный инструмент.

Особенно в горячке боя, избежать которого было невозможно.

Дюран бросил взгляд на сражающихся с попеременным успехом товарищей, и тогда же всё завертелось вновь. Нападавшие не понимали природы произошедших с графом изменений, и потому посчитали, что тот отвлёкся. Посчитали ошибочно, что стоило им двоих вирфортов четвёртого ранга и одного пятого: все они понадеялись на товарищей, «обсудив» с ними план. Дюран сконцентрировался именно на них, позволив остальным считать, будто никакой звуковой ловушки нет вовсе, а с простым искажением они успешно и без проблем справились.

Изуродованные, иссечённые и обожжённые тела полетели вниз, а Дюран, нарушая все мыслимые и немыслимые постулаты магического боя, ринулся вперёд, на ходу окружая себя барьерами и подделками под оные. На один из таких наткнулся первый оказавшийся на его пути вирфорт, попытавшийся пробиться через защиту мага – и лицом к лицу встретившийся с раскрывшимся вихрем воздушных лезвий. Смерть от ран могучему воину не грозила, но и

продолжать бой с исполосованными руками и единственным залитым кровью глазом он едва ли мог.

А Кларисса тем временем вновь натянула тетиву, начав выпускать снаряды один за другим. В голой мощи она не могла соперничать с магом шестого круга, но при поддержке союзников победа была высоковероятна. Правда, вероятность эта падала вместе с каждым новым устремляющимся к земле телом в белоснежных одеждах, но никто и не рассчитывал выйти из этой битвы без потерь.

Очередная стычка с вставшим на пути мага вирфортом закончилась относительной победой последнего: он остановил графа, вынудив того отступить и разразиться градом куда как более понятных заклинаний. Всего на разного рода ловушках и иллюзиях нападавшие лишились семерых человек, и потому для выживших схватка перестала быть просто заданием. Они лишились если не друзей, то товарищей, и теперь жаждали отмщения.

Кровь за кровь даже в том случае, если напали они, а не на них.

Первый обильно усиленный маной выпад Дюран отразил при помощи особым образом извернувшихся барьеров, смазавших атаку и в итоге увёдших её в сторону. Урон от второго по счёту, но не по очередности удара удалось размазать по всем действующим внешним барьерам, но уже третий прорубил в обороне мага брешь, куда незамедлительно попытались ударить дождавшиеся момента противники. Но стоило им только приблизиться, как удерживающий брешь копейщик неистово заорал, отпустил своё оружие и начал хлопать себя ладонями по лицу. Но эти его попытки не несли в себе никакого смысла, так как в физическом смысле несчастный был здоровее быка. До той поры, пока удовлетворённый результатами ментального воздействия граф не оставил в груди вирфорта аккуратную дырку с яблоко размером.

– Ублюдок!..

Слетевший с нарезки мечник бросил всякие попытки продавить барьеры мага в соответствии с планом, начав атаковать хаотично, со всей силы и прикладывая максимум усилий. Вот только с его четвёртым рангом это было не столько бесполезно, сколько опасно. Огромная разница в силах и навыках сыграла с вирфортом злую шутку, и ответом на очередной его удар стал своевременно подставленный барьер-ловушка, схлопнувшийся вместе с правой рукой обидчика своего создателя.

Конечно же, остальные нападавшие времени тоже не теряли, и даже добились определённых успехов: сразу после того, как мечник лишился руки, на предплечье Дюрана расцвёл алый цветок: нанесённый зубренным лезвием удар пропорол плоть и пустил магу кровь, после чего надёжное оружие зажало барьерами и разбило на десяток осколков. Сам же нападавший несмотря на достигнутый успех был вынужден отступить к своим магам, которые даже забывали дышать от напряжения. Слишком часто им приходилось создавать всё новые ступени под ногами вирфортов, неспособных сражаться в воздухе своими силами. Слишком часто эти ступени разбивались силами графа, и маги нападавших вынужденно делали одну и ту же работу дважды, выжимая из себя последние соки и обливаясь кровавыми слезами от чрезмерной нагрузки.

В то же время совсем недалеко, в двух километрах от бывшего крыла лекарей, из башни выбрался Виктор ван Бельвиос, ощутивший исчезновение источника главной угрозы и завершение искусственного мана-шторма...

Глава 15

Непрозрачная сфера с утробным воем пронеслась сквозь кладбищенский склеп, раздробив стены и перемолов укрывшуюся внутри нежить. Но не успело разрушенное здание окончательно осесть, как незримая сила подхватила обломки, рывком подняв на добрый десяток метров – и обрушила на орды немёртвых, разрывая бледную плоть и дробя кости. Боевые маги, которым выпала сомнительная честь по упокоению тварей на основном кладбище Тарбиллиана, поспешили развить успех, уцепившись за остатки своей маны в камнях и вызвав множественную детонацию последних. Благо, с недавних пор нежить явно потеряла в силах, а мана в их телах перестала пребывать с той же скоростью, что и ранее.

Фактически, к нынешнему моменту вся эта орда немёртвых представляла опасность на уровне обитателей какого-нибудь гнезда магических зверей третьего уровня опасности, что для опытных магов рода Бельвиос было на один зуб. Они не особо замедлялись даже с учётом того, что рисковать им банально запретил вынужденно вмешавшийся в происходящее господин Деймос, наконец-то поступивший так, как хотели верные ему люди, а не так, как ему велела честь.

Узнав о том, что Дюран ван Бельвиос был вынужден отрезать поместье от города и вступить в бой против вражеского лидера, некогда лишённый права претендовать на место во главе фамилии Деймос взял его обязанности на себя. Прямо сейчас он контролировал ситуацию в городе, координировал все отряды и изо всех сил пытался минимизировать жертвы как среди родичей, так и среди жителей Тарбиллиана. И мастерски со всем справлялся, пройдясь свежими красками по своему порядком поблекшему за эти годы портрету.

Естественно, это хорошо сказалось на морали Бельвиосов, впервые атакованных подобным образом и с таким размахом.

Естественно, на месте Деймоса должен был находиться лично граф, известный своей способностью воодушевить людей даже в худшей ситуации из возможных.

И столь же естественно, что возвращение инвалида в игру многим не понравилось... но «многих», как бы странно то ни было, в Тарбиллиане оказалось слишком мало. Как-то так сложилось, что вернейшие сторонники Дюрана все как один относились к тому типу людей, которым невмоготу было сидеть на месте, и потому на момент нападения они находились очень далеко от родового гнезда. В то же самое время давние сторонники Дюрана наоборот в основном обитали в городе, и поддерживали своего фаворита, не позволив ни политическим противникам, ни нейтралам протолкнуть своих кандидатов на роль «генерала».

– Новый приказ! – Маг второго круга, назначенный на роль вестового, остановился за спинами боевиков, переводя дыхание и лихорадочно переводя взгляд с человека на человека.. – Приказано приостановить зачистку и направить самых боеспособных людей к поместью. Оставшимися силами удерживать периметр...

– Что? – Суровый мужчина с аккуратной, но густой и объёмной бородой непонимающе воззрился на взволнованного юнца. – Малец, что, чёрт подери, случилось?!

Просто так останавливать успешное и беспроblemное наступление никто не стал бы, а это значило, что произошло что-то воистину страшное или потенциально опасное.

– Да не знаю я! – Огрызнулся вестовой, формируя вокруг своих ног заклинание, позволяющее прыжками быстро преодолевать значительное расстояние. – Вы не первые спрашиваете. Но... ходят слухи, что глава попал в ловушку.

– В поместье? Чёртова чертовщина! – Мужчина махнул рукой, посылая в сторону врага не до конца сформированную волну белого пламени. Очевидно, он причислял себя к сильнейшим, и потому собирался незамедлительно выдвинуться к поместью. – Чёртова ночь и чёртовы тёмные! Как знал, что не стоило вчера пить...

Последнюю фразу вестовой, правда, не услышал, ибо он уже умчался к другой группе, до которой слишком затратно было бы «тянуться» магически. Здесь, на передовой, фон маны не позволял установить хоть сколь-нибудь стабильную связь силами слабых магов, а выделять для этого сильных, отрывая их от поля боя, было нерационально. Потому маги, для которых в силу возраста, опыта или уровня сил реальная схватка была слишком опасной, принимали на себя одну из множества вспомогательных ролей... вроде пресловутых посыльных. Так называемое рациональное использование ресурсов, в котором Бельвиосы всегда был очень хороши.

Окинув обеспокоенным взглядом кладбищенские просторы, маг покачал головой и вместе с товарищами ринулся к поместью, раздумывая над тем, против чего или кого нужно собирать такие силы...

Громовой раскат ударил по поместью спустя мгновение после того, как с рук Дюрана ван Бельвиоса сорвался колоссальных размеров электрический разряд, природа которого оказалась необычайно близка к молнии. Большая часть нападавших от этого искусно защитилась, но были и те, кто не успел или не смог среагировать на площадную атаку.

Как минимум один маг и двое вирфортов серо-белыми подпалёнными пятнами устремились к земле.

Кларисса, наблюдая за происходящим со стойкой смесью недовольства и презрения во взгляде, отпальцевала ряд команд – и ринулась вперёд, поведя за собой большую часть так же бросившихся к магу вирфортов, рывки которых разбивали создаваемые их магами плоскости в труху. Но беспокоило ли это хоть кого-то? Отнюдь: нападающие понимали, что сколь-нибудь долго продержаться, безостановочно создавая опоры для союзников, маги не могли, и потому бой требовалось закончить как можно быстрее.

В то же самое время вирфорты, не задействованные в лобовой атаке распределились в радиусе пары сотен метров от графа – и приготовились резать, колоть и рубить воздух. Со стороны, да ещё и в первые секунды сложно было сказать, было ли это частью плана, или же им просто не повезло попасться в очередную иллюзорную ловушку мага шестого круга. Случайный зритель, волей случая оказавшийся здесь, избрал бы второй вариант, и был бы в каком-то смысле прав. На большой дистанции даже самые дальнобойные атаки вирфортов не представляли для Дюрана большой опасности, что понимали все: и нападавшие, и сам граф.

Вот только ожидания оказались очень далеки от действительности, и план налётчиков заиграл новыми красками в тот самый момент, когда оставшиеся на расстоянии вирфорты «атаковали» пространство перед собой. Каждый их взмах, укол или росчерк провоцировал извержение неадекватно больших объёмов маны, способных нанести серьёзный вред барьерам даже мага шестого круга. И этого, с уровнем сил нападавших, просто не могло быть – но было.

И причину Дюран обнаружил, пусть и слишком поздно для себя.

Глухое рычание вырвалось изо рта мага шестого круга, тысячекратно усиленной волной расходясь вокруг него. Барьеры, прежде спящие и едва заметные в таком буйстве маны, зашевелились и налились силой, проявляясь в реальности и образуя геометрические фигуры самых странных, адаптированных под каждую конкретную атаку форм. В моменте могущество Дюрана ван Бельвиоса устрасало, ибо он по праву звался одним из сильнейших людей на континенте. Но чего стоила сила, к которой враг подобрал ключ? Подобрал не сам, а с помощью тех, кого граф и глава рода Бельвиос клялся защищать даже ценой своей жизни?..

Кристаллы в руках вирфортов осыпались прахом, исчерпав всю вложенную в них ману, нейтральную и особым образом обработанную. Исторгнутая сила вошла в резонанс с барьерами и даже звуком, значительно те ослабив, а бойцы передней линии прорвали их, опасно сблизившись с магом шестого круга. Но даже это не сломило Дюрана, отказавшегося так просто принимать поражение. Вся его натура, вся суть была против того, чтобы умереть всего лишь

из-за предательства – и он дал волю древнейшему из даров их фамилии, артефакту, передававшемуся от отца к сыну, от главы к главе.

Созданный самим основателем, амулет Файшинг даже в абсолютно неспособном к химерологии маге пробуждал частичку способностей своего истинного владельца... и брал определённую цену, как и всякая большая сила. Это было слишком опасно, из-за чего Дюран боялся использовать эти дары сверх необходимого, но даже так артефакт давал ему ряд преимуществ, будь то абсурдное всестороннее зрение или же значительное ускорение всех мыслительных процессов.

В один миг тело мага страшно, с хрустом изогнулось, и первый из попавшихся ему под руку вирфортов оказался не просто сметён потоком структурированной маны, скрывающей в себе сотни магических стрел, но и раздавлен гигатскими руками, сотканными из всё той же проявившейся в материальном мире энергии. При этом Дюран не переставал изменяться, и уже ничем не напоминал себя-предыдущего. Серая пергаментная кожа с чёрными пятнами, сухощавое, очень вытянутое, но всё ещё гуманоидное строение тела, впалые большие глаза и совсем пропавший рот, на месте которого осталась лишь вереница дыр-чёрточек.

Назвать это существо человеком было невозможно – и в сражении оно это лишь подтверждало. Люди не способны на такое, каким бы изменениям их не подвергла магия.

Так или иначе, но нападавшие резко оказались в ситуации, где их относительно понятный враг превратился в сам ужас во плоти. Ведь магия откликнулась на желание одного из самых сильных своих последователей, придав новому телу свойства, которые позволили бы Дюрану перебить врагов.

Но в плату приняла ни много, ни мало, а жизнь мага шестого круга.

Хлёсткий высокочастотный вой оглушил вирфорта четвёртого ранга вместе со всеми людьми подле него, но выросший из насыщенного маной пространства вокруг тела графа кристаллический шип нанизал на себя только одного-единственного неудачника. Тот затрепыхался, словно бабочка на булавке, а спустя мгновение бесконечно тонкая кристаллическая плоскость вытянулась вперёд – и своей гранью обезглавила человека. Труп отбросило прямо на его товарища, так и не успевшего нанести удар, а сам маг продолжил своё последнее сражение. Ведь пусть его тело и возможности неузнаваемо изменились, разум он сохранил, и отдавал себе полный отчёт в том, что он должен был сейчас сделать как глава.

В один миг там, куда Дюран вытянул руку, расцвёл огненный цветок, пожравший ни много, ни мало, а полтора десятка человек. Самому магу тоже досталось – сразу несколько глубоких ран на его руках и спине сочились кровью, но из приблизившихся к нему вирфортов отступить не смогла и половина. От некогда грозного отряда нападающих осталось всего семеро человек, из которых двое были магами на последнем издыхании, едва способными создавать невидимые платформы для своих товарищей.

Впрочем, выжившие вирфорты в этом едва ли нуждались, ведь они были сильнейшими. Самый слабый – на пике пятого ранга, самая сильная, Кларисса – на пике шестого. По-отдельности они ничего не смогли бы противопоставить магу вроде Дюрана ван Бельвиоса, но вместе, да ещё и после изнурительного боя шансы у них были. И не малые, что Кларисса, смазавшись в чёрную с алыми проблесками полосу, тянущуюся к графу, решила доказать сию же секунду.

Охваченные пламенем кинжалы обрушились на графа, точно плети на приговорённого к порке. Оставляющие за собой длинные алые всполохи, они рубили, резали и кололи, и с каждой секундой Кларисса всё ускорялась. Уже не различить было, где в этом огненном вихре сама женщина, а где её цель, когда глава рода Бельвиос, наконец, смог достойно ответить своим врагам. И снова он использовал звук, не только отбросив Клариссу на добрых два десятка метров, но и разметав созданные ею всполохи пламени, которые стремились опутать графа подобно раскалённым кандалам. Вот только этого оказалось недостаточно, и Кларисса исчезла в огненной вспышке, появившись вновь уже за спиной Дюрана. Тут же выросшие на защиту хозяина

кристаллы столкнулись с особенной сталью кинжалов наёмницы – и пошли трещинами, грозя рассыпаться прахом в следующую же секунду. Маг бросил львиную долю сил на их укрепление, и прогадал: Кларисса не стала таранить лбом стену, вместо этого извернувшись и впечатав вспыхнувшую огненной маной ногу в бок противника.

Грянул оставивший после себя облако дыма взрыв, из которого всего мгновением позже пулей вылетел Дюран ван Бельвиос.

Облик графа окончательно стабилизировался и больше не плыл, точно плоть чудовищного студня, став напоминать то самое нечто, над которым некогда работал основатель их рода. Были отчётливо видны черты серой нетопырицы, одной из самых опасных горных тварей: длинные руки, перепонки между ними и торсом, узкая талия и широкая, с выпирающими угловатыми рёбрами грудная клетка. От известнейшего и опаснейшего ночного хищника, горного воя, боевой форме досталась пирамидообразная голова с двумя парами глаз и странным, словно бы зашитым белыми нитями незакрывающимся ртом, позволяющим издавать любые доступные живым существам звуки. И даже так это было лишь подобие того, к чему стремился Галл, оставивший после себя столь опасное, но нужное наследие. Вершина одного из основных направлений химерологии рода Бельвиос – последняя модификация магического тела.

Дюран извернулся в воздухе подобно змее, и чудовищный вой заставил руку подскокшей к нему Клариссы дрогнуть. Вместо того, чтобы войти в грудь графа по самую рукоять, её кинжалы лишь оцарапали его кожу – и после женщина получила огромной силы удар, всей силой впечатавшим её в оказавшуюся столь близко землю. Следом на неё обрушился град геометрически сложных барьеров-ловушек, чем-то походящих на мины, а сам маг обратил свой взор на последних вирфортов.

Маги нападавших достигли предела и больше не могли поддерживать союзников в воздухе, так что теперь вся уцелевшая пятёрка оказалась прикована к земле. И если бы Дюран ван Бельвиос взмыл в воздух, никто из них не прожил бы дольше пяти минут. И так как на поле боя не осталось тех, кто это бы не понимал, следующие мгновения наполнились событиями столь стремительно и плотно, что даже подготовленные для битвы разумы вирфортов едва поспевали за происходящим.

В ладонь Дюрана врубился меч первого из вирфортов, рассёк плоть и остановился совсем рядом с запястьем. Но маг не дрогнул, и в следующую же секунду так и не успевший обрадоваться столь сомнительному успеху вифорт пятого ранга заорал, схватившись за обугленный обрубок своей основной руки. Впрочем, добить его не позволил ввинтившийся в спину графа копейщик, уже успевший где-то потерять левую руку. Для того, чтобы оставить на спине мага глубокую рану ему хватило всего лишь мгновения, но за это он заплатил жизнью: мощнейшая звуковая волна, исторгнутая развернувшейся на сто восемьдесят градусов головой, оглушила его, а кристаллические шипы разорвали на части, продолжив свой полёт вместе с трепыхающимся трупом.

Один из двоих выживших магов скончался, просто попав под эхо предназначенного копейщику звукового удара. И никакие барьеры ему не помогли.

Тем временем совсем рядом грянула череда взрывов, из которых вырвался столп алого, словно кровь, пламени. В дыму и огне мелькнуло что-то стремительное, и в грудь Дюрана погрузился обугленный, докрасна раскалённый кинжал, едва выдерживающий пропитавшую его структуру ману. Кларисса, облик которой лишился бывшего лоска, своевременно отскочила назад и не попала под сомкнувшиеся ледяные челюсти, выросшие рядом с графом.

– Чёртово чудовище...

– Не я напал на ваш дом. – Искажённый, но узнаваемый голос главы рода Бельвиос был наполнен холодом и искренней ненавистью. Целой правой рукой он схватил оплавившуюся рукоять меча, лезвие которого до сих пор торчало в ладони его левой руки – и хладнокровно

вырвал оружие, отбросив его в сторону. Стоило только стали покинуть плоть, как та начала медленно срастаться. – Не я первым пролил кровь.

– Но ты превратился в монстра. – Кларисса оскалилась, не слишком уверенно встав в излюбленную стойку лучника. Столкновение с барьерами-ловушками не прошло для неё бесследно, и на теле женщины появилось множество ран, из которых некоторые были довольно-таки серьёзными. – Заканчиваем с ним!

В атаку бросился даже инвалид, лишившийся правой руки. В левой он сжимал кинжал, подобранный с тела павшего товарища, а в правой концентрировал ману, рассчитывая, по всей видимости, если что пожертвовать обрубок ради спасения своей жизни. Все остальные вирфорты действовали не менее отчаянно, и лишь Кларисса сохраняла хотя бы какое-то подобие уверенности. С сотканным из твёрдого пламени луком в руках, она с полуприкрытыми глазами целилась в мага, рассчитывая прикончить того одним выстрелом.

Если, конечно, у её напарников получится заставить монстра Бельвиосов открыться.

Синхронно засвистела рассекающая воздух сталь, и бой вновь перешёл в активную фазу. Дюран оказался зажат меж четырёх огней, воинов, каждый из которых представлял нешуточную угрозу. И действовали они слаженно вопреки всем попыткам графа внести сумятицу в их координацию: искажения воздуха и звука ему, увы, не помогли, а поредевшие запасы маны не позволяли развернуться на полную. Слишком долго шло сражение, и слишком неожиданным оказалось участие в нём вирфортов такого уровня силы и опыта. Вдобавок граф поначалу пытался помочь своим подчинённым, посчитав, что уж ему-то здесь мало что угрожает. Но предательство и кристаллы их рода, вошедшие в резонанс с магией главы, заставили мужчину воспользоваться крайним средством. Иначе было нельзя, ведь только изменение свойств его собственной маны через смену формы могло избавить его от известной нападавшим уязвимости. Не поступи он так, и его хладный труп уже остывал бы на земле.

А так он мог хотя бы забрать с собой всех врагов, оставив остальное на брата и сыновей.

На каждый удар Дюран отвечал ударом, а на каждую рану – раной. Параллельно с тем он старался не подставиться под выстрел очевидно самой сильной из нападавших, женщины, которую он впервые увидел несколько месяцев назад... но у него не вышло. Тончайшие шипы растерзали однорукого вирфорта, взмах напитанной маной руки отсек ноги другого, барьеры закрыли мага от клинков других нападавших – но стрелу, выпущенную точно тогда, когда было нужно, не остановили. С оглушительным звоном стусток концентрированного чёрного огня пронзил все слои защит, вонзился в сердце мага шестого круга и сдетонировал, обратив в ничто и цель, и всех тех, кто оказался подле неё.

Кларисса, выдохнув, опустила подрагивающие руки и сглотнула кровь, обильно наполнившую рот. Этот бой дался ей тяжелее, чем хотелось бы, а ведь им ещё предстояло сбежать. Господин обозначил весьма чёткие сроки, в которые она едва-едва уложилась. И то, для этого пришлось пожертвовать всей группой. А если Он ещё и не отключит барьер, как планировалось...

– Госпожа, я... – Последний выживший ударного отряда, маг, упал на землю с дырой в голове, а черноволосая женщина, фыркнув и стряхнув остаточное пламя с ладони, запустила в небо сигнальную искру.

Нападавшие все как один устремились прочь от магов, которые не стали их преследовать: большинство «гвардейцев» Дюрана едва держались на ногах. Враг точно знал, с кем ему предстоит столкнуться, в то время как сами Бельвиосы ловушки такого уровня не ожидали. Нападавшим были известны все их слабости до единой, и потому лучшим боевым магам бой дался большой кровью. И при всём при этом они потеряли главу...

В то же время Виктор ван Бельвиос стоял на крыше одного из зданий, сверля ненавидящим взглядом спины нападавших... и одной черноволосой особы в частности, ману которой он легко отделил ото всех прочих сигнатур. Она была на порядок сильнее, чем в их последнюю

встречу, но сам характер её маны не изменился. То же буйное пламя, та же ехидная пляска потоков некогда друга, а теперь – первого за обе жизни заклятого врага.

Врага слишком сильного, чтобы Виктор мог её хотя бы поцарапать.

Проклятый наблюдал за Клариссой вплоть до того самого момента, когда барьер неожиданно схлопнулся, выпуская нападавших на свободу. На периферии восприятия появились, очевидно, союзники, но Виктор не выразил радости. Его ум уже давно подозревал, что что-то в происходящем нечисто, а теперь кусочки мозаики сложились воедино. Сначала ловушка, потом – резонанс маны при помощи кристаллов, которые даже ему, третьему сыну графа, только показывали, но не выдавали. А теперь ещё и так вовремя исчезнувший барьер, через которых не прорваться было даже Клариссе, с её нынешним уровнем силы. Нападение было спланировано кем-то внутри рода, и по итогу этот кто-то достиг успеха. Но кто и зачем?..

«Если я погибну, род возглавит Деймос...» – воспоминание всплыло в голове вместе с таким страшным осознанием. Кто извлечёт максимум выгоды из смерти нынешнего главы рода? Тот, кто унаследует этот титул после. И если Деймоса не устранили, и он действительно встанет во главе Бельвиосов...

Тогда у Виктора появится второй по очерёдности, но не по значимости враг.

Тот, кого он обязан будет убить...

Глава 16

На величественной центральной площади Тарбиллиана полыхали погребальные костры, чадающие чёрным дымом. Толпы людей стояли вокруг них, рыдая, тихо ропча и отдавая последнюю дань уважения тем, кому не повезло закончить свой жизненный путь самой тёмной ночью для всех Бельвиосов и тех, кого они защищали. Погибшие исчислялись многими сотнями, ибо нежить не знала пощады и не выбирала, на кого наброситься. Стражники и рыцари, ремесленники и торговцы, маги и путники – костяные лезвия одинаково хорошо разили их всех.

По предварительным подсчётам число погибших превысило две тысячи человек, что с учётом всего населения города и того, что ему угрожало было значением крайне, крайне малым. Некромант такой силы мог воспользоваться одной-единственной ошибкой защищающихся, и превратить в некрополь весь Тарбиллиан. Но благодаря доблести Бельвиосов и жертве их главы зло удалось своевременно остановить. По крайней мере, именно эту версию преподнесли людям, которым вполне хватило истории о геройстве.

Геройстве, которое действительно имело место быть, но со множеством упущенных деталей.

Виктор ван Бельвиос стоял подле одного из самых больших костров, и не отрываясь смотрел на размеренно колышущееся пламя. Чёрный траурный плащ подрагивал под порывами вечернего ветра, а алые глаза, казалось, сияли изнутри. Третий сын графа скорбел, как умел, хоть и не совсем понимал, почему смерть Дюрана и предательство Деймоса так по нему ударило. К ним обоим он был привязан куда меньше, чем к той же Страйе, и всегда считал, что даже уничтожение всего, – за исключением нескольких человек, – рода ударит в первую очередь не по нему, а по его условиям жизни.

Практичный и прагматичный подход подлинного эгоиста... в этот раз почему-то дал сбой.

Чем больше Виктор наблюдал за происходящим вокруг, тем сильнее трескалось его видение самого себя. Слишком близко к сердцу он воспринимал произошедшее. Как будто память и опыт реципиента были не просто им поглощены, но и стали его частью наравне с основной личностью. Душа при этом, естественно, не изменилась, вот только что есть та душа? Всего лишь ядро индивидуума, к которому липнет всё самое-самое важное. Не как воспоминания, а как мимолётные образы на грани с ощущениями. Душа может относительно недолго тянуть за собой воспоминания, например, старого тела, но без новой оболочки они быстро отвалятся и исчезнут в бесконечно-вечном нигде.

Из этого же следует, что личность, как ни крути, это память. А память двух людей в одном конкретном человеке – это химера, новая личность, имеющая что-то общее со своими обеими составляющими.

Никогда ещё Виктор не задумывался над тем, что он, трясаясь над сохранением «себя» больше, чем над чем-либо другим, собственными руками этого «себя» убьёт. Но сожалел ли он об этом здесь и сейчас? Конечно же нет. Фактически, это «убийство» каждый человек совершает по отношению к себе ежедневно, развиваясь и изменяясь. А то и ежесекундно...

На нос проклятого бесшумно упала первая капля, предвещающая скорый дождь, а следом за предвестницей на землю обрушились и другие капли влаги. Ещё громче зарычали костры, которым не по вкусу пришлось небесная вода, а люд мало-помалу начал расходиться. Все те, кого ночные потери обошли стороной, не видели большого смысла в том, чтобы стоять и мокнуть подле погребальных костров. Но всё ещё оставались люди, одним днём лишившиеся отцов, сыновей, матерей и дочерей. Что им всем какой-то слабенький дождик, если в душе бушует полноценный тропический шторм?..

– Виктор.

– Дядя. – Проклятый повернул голову и натянуто улыбнулся, наткнувшись взглядом на профиль так хорошо ему знакомого, и одновременно с тем такого непонятного человека. Деймос. Брат его отца, свершивший переворот и мастерски, без дополнительных конфликтов, пока ещё неофициально вставший во главе рода. Люди на всех ключевых постах были верны ему, а недовольных никто не слышал. Да и были ли они, эти недовольные? Всё-таки именно Деймос, судя по тому, что Виктор успел узнать, был основным претендентом на место главы рода двадцать лет тому назад. И если бы не трагическая «случайность», выбросившая его из гонки, Бельвиосов вперёд вёл бы совсем другой человек. Куда как более подходящий для этой роли, если учитывать всё известное обо всех кандидатах.

– Знаешь, значит. – Мужчина покачал седой головой. – Я и не сомневался в том, что ты услышишь о нашем родстве. Тем более когда каждый второй судачит о моём, кхм-кхм, возвращении.

– Было непросто осознать и принять то, что некогда именно вы претендовали на место главы рода. И я всё ещё не понимаю, почему вы решили занять место «слуги-над-слугами»...

– Традиции рода таковы, что в дела главы не может вмешиваться никто из Бельвиосов. А вот простому слуге это, с точки зрения условностей, позволено. Глупость из старых времён, но уж как есть: не всегда между сынами главной ветви одного поколения держался мир или хотя бы нейтралитет. Ещё наш с Дюраном отец враждовал со своими братьями, и если бы не этот закон, то им могли бы пытаться манипулировать. – Деймос правой рукой огладил бородавку. – Даже у самого эгоистичного человека есть что-то, дорогое его сердцу. Что-то, чем можно воспользоваться.

Виктор на мгновение опешил, не зная, как это воспринимать. Как простое объяснение, или же как намёк на нечто большее?

– Наши люди нашли что-то, что указало бы на цели нападавших? Они пришли сюда за мной, или же?.. – Виктор не имел большого желания говорить с дядей «по душам», и потому поспешил перевести тему. Тем более, ему уже сейчас нужно было начинать работать над необходимым образом, наглядно демонстрируя своё непонимание подоплёки ситуации. Не факт, что это сработает с таким интриганом, как Деймос, но хотя бы попытаться Виктор был обязан. Конфликт с человеком, который в ближайшие недели станет главой рода проклятому был не нужен.

Уж точно не сейчас.

– Пока известно только, что нападение готовилось не менее полугода, так что твоё избрание пантеоном не имеет к случившемуся никакого отношения. Тёмный маг ли, некромант ли, но к нам у него были свои счёты. Мы обошлись малой кровью... – Мужчина бросил мимолётный взгляд на лицо племянника. – Но самого зачинщика не настигли, и вряд ли сможем теперь.

– Он скрылся?

– Он и не появлялся. Управлял всем издали, а всех, кто мог указать на него, обратил в нежить. Ты не видел ничего, что могло бы указать на нашего врага?..

Проклятый как мог угрюмо покачал головой.

– Ничего. Отец приказал мне оставаться на вершине центральной башни, и управлять защитными системами. Но сначала я был практически слеп из-за буйства тёмной маны, а после из-за мною же устроенного мана-шторма. А лично встречать в битву такого уровня я считал бессмысленным. Мне хватило бы и эха шального заклинания, чтобы пополнить список потерь своим именем.

– Могу лишь сказать, что на тот момент ты поступал оптимальным образом, Виктор. Я говорил с пережившими схватку магами, и все они положительно отзывались о человеке, взявшем на себя управление защитными системами поместья. Ту тварь было бы намного сложнее прикончить, если бы она продолжала свободно подпитываться маной с изнанки. – Деймос говорил спокойно и размеренно, с немалой толикой одобрения в голосе. Ничто не указывало

на то, что именно он здесь пусть не тёмный маг, но главный злодей. – Но я хотел поговорить с тобой о другом, Виктор.

– Церковь?

– Верно. – Деймос кивнул. – Сейчас нам как никогда нужен этот союз, и я надеюсь, что ты не свернёшь с намеченного пути...

– У меня нет такого права, дядя. – Виктор нагло перебил будущего главу рода. – Тёмный маг убил моего отца и лишил жизни многих родичей. Разрушил поместье и город, запятнал репутацию Бельвиосов. Как сын Дюрана ван Бельвиоса, я обязан взять от церкви всё, что смогу, и отомстить. Ему ли, или же другим тёмным – покажет время.

– Достойный ответ. – Деймос удовлетворённо кивнул. – Прибытия твоих наставников можно ждать уже в ближайшие недели. Произошедшее в Тарбиллиане определённо заставит их поторопиться, а наши посыльные сделают всё для того, чтобы служители пантеона узнали о новом враге как можно раньше. Так что...

– Я подготовлю всё к отбытию, дядя. А пока позвольте мне немного побыть в одиночестве. – Поднимать тему с Клариссой проклятый не решился, так как даже верные отцу боевые маги, участвовавшие в том сражении, ничего о ней не говорили, и в целом придерживались только что озвученной Деймосом версии: все причастные стали живыми мертвецами или окончательно подошли, точка.

– Ты всегда можешь обратиться ко мне за советом или помощью, Виктор. Помни об этом, как и о том, что жизнь – это не одна лишь мечь. – В какой-то момент проклятому показалось даже, что произнесённые Деймосом слова были от и до искренними. Но он быстро отогнал эту неприятную ему самому мысль, устремив взгляд на чадающие погребальные костры. Их ненасытное пламя усердно пожирало тела десятками, и лишь одного убитого не удалось провести через последний ритуал: самого графа, развоплощённого врагом.

А ведь вместе с ним пропал и амулет Файшинг, ранее считавшийся неразрушимым.

И об этом Виктору, конечно же, не знал...

Грат сидел на низкой, но широкой койке в казарме и нервными, рваными движениями точил меч. Точил совсем не так, как было надо, но не обращал на это большого внимания: всё равно покрытый выщербинами меч был годен только на переплавку. Рыцарь просто инстинктивно пытался занять чем-то свои руки, в мыслях переживая первый в своей жизни отходняк от таких масштабов боя. И дело было не в пролитой крови, тяжести схватки или ранах, нет: просто ото всего рыцарского отряда в живых осталось всего пять человек, считая самого Грата. Погибли все, кого он мог назвать друзьями и верными товарищами. Уцелевшие... они стали ближе, чем раньше, но заменить друзей не смогли.

И уже не смогут, так как теперь Грат абсолютно точно уверился в том, что его долг – следовать за Виктором ван Бельвиосом, который совсем скоро должен отправиться в столицу. И в связи с обстоятельствами этого путешествия лишний меч ему определённо пригодится. Как и верные люди, коих теперь у третьего сына почившего графа должно стать кратно меньше. Чего уж тут говорить, если даже Грат, выходец из простого люда, понимал, что Виктор в один момент опустился на несколько ступеней в иерархии рода относительно того, что было ещё вчера?

– Чего смурной такой? Мало ублюдков нарубил? – Громогласно заявил Торан, могучая рука которого впечатала распахнувшуюся дверь в стену. И наплевать ему было, что та весила столько, что новобранцы порой её и открывали-то с трудом. – Вставай, там вождь со словом пришёл.

– Молодой господин?

– Вождь! – Веско отрезал варвар, из-за спины которого торчала рукоять внушительного полоторного меча. Ему как выдали оружие из-за чрезвычайной ситуации, так больше и не отби-

рали, видимо, оценив вклад северянина в ночное противостояние. Или до этого просто не дошли руки, ведь практически половина поместья лежала в руинах, с которыми нужно было что-то делать. – Так ты идёшь, воин?

– А куда я денусь-то, а? – Грат тоскливо вздохнул и отложил меч в сторону, поднявшись на ноги. Брать с собой то, во что превратилось некогда прекрасное оружие у него не было никакого желания. Он целых пять лет холил и лелеял меч, выкованный из отлично проводящего ману сплава – и лишился его за одну лишь битву. – Веди.

Впрочем, позвали не одного лишь Грата, и в то же самое время «посыльные» пришли к Линнет и Дрофэру, к Тиллии, Лисе и Анне. А может это они и были теми посыльными – кто теперь скажет? Так или иначе, но все те, кого Виктор мог назвать достойными доверия людьми, – и не только людьми, – собрался в одном-единственном месте. В стенах библиотеки, ныне покинутой и опустошённой. Маги, поняв, что их дом оказался не столь крепок и надёжен, как им хотелось бы, эвакуировали всё самое ценное: знания. И будут они находиться в другом месте до тех пор, пока поместье не возведут заново, превратив его в полноценную крепость.

– Я приветствую всех собравшихся. – Виктор, восседая во главе стола, обвёл взглядом семерых человек. Гарт, Линнет, Торан, Дрофэр, Тиллия, Лиса и Анна – люди и нелюди, из которых проклятый намеревался сформировать костяк своего внутреннего круга. Это было не столь актуально днём ранее, но теперь ситуация изменилась в корне. – Как вы могли догадаться, я собрал вас всех для того, чтобы объявить о своих дальнейших планах и дать вам выбор.

– Я уже присягнул вам, молодой господин. – Гарт склонил голову. – Спрашивать меня вновь нет нужды.

– Куда вождь – туда и я! – Торан воинственно потряс кулаком, ничуть не скрывая удовлетворения от хорошей, по его меркам, битвы.

– Я не буду повторяться. – Смуро заметила Линнет, с лица которой события прошедшей ночи, казалось, навек стёрли улыбку.

– У нас с вами была сделка, хозяин. – Дрофэр нахмурился, отчего татуировки на его лысине исказились, став напоминать не строгую схему, а рисунок сумасшедшего. – И я не вижу причин что-то в ней менять.

– Меня полностью устраивает моё положение, господин. – Тиллия в строгом соответствии с этикетом поклонилась, ни единым движением не выдав того, что она совсем недавно совсем ничего не знала о том, как служанка должна себя вести.

Впервые за последние сутки Виктор улыбнулся. Криво, и как обычно пугающе для окружающих, но – улыбнулся.

– Лиса? Анна? – Его взгляд обратился на служанок, одна из которых по праву считалась в поместье старшей. Когда-то давно она присягала Дюрану, но теперь, после его неожиданной кончины, могла выбирать. И Виктор решил предоставить ей эту возможность.

– Я с вами, молодой господин. – Ответила Лиса, не поднимая головы.

– Господин хотел бы, чтобы я продолжила своё служение роду. И вам мои навыки нужнее, чем кому-бы то ни было ещё. – Старшая служанка глубоко, – со скидкой на то, что она сидела, – поклонилась. – Тем более, обучение Тиллии ещё не закончено. А такую старательную ученицу отпускать в свободное плавание было бы кощунством.

Виктору-эгоисту поддержка была, конечно же, не нужна. Но тот Виктор, который сидел сейчас перед всеми этими людьми, воспринял услышанное с благодарностью. Ведь больше не было Виктора – сына главы рода, за которым стояла вся фамилия. Теперь был лишь Виктор – святой и сирота, во главе рода которого стоит убийца своего предшественника. Верить кому-то, кто спокойно принял такую смену власти? Увольте: проклятый был не настолько глуп. А это значило, что ресурсы рода Бельвиос для него если не закрыты, то нежелательны к использованию точно. Потому люди, собравшиеся здесь и готовые следовать за ним, воспринимались

им как самый ценный из всех возможных ресурсов. И возможно даже, что ресурсов невосполнимых.

– Я услышал вас, и могу сказать лишь одно: спасибо. – Настала очередь Виктора кланяться, что он и сделал. И поклонился он глубоко, так, словно никогда и не было никакого поглощения опыта и памяти реципиента, с рождения стоявшего выше подавляющего большинства других людей. – Я этого не забуду. Но знайте, что планы претерпели некоторые изменения: скорее всего, в столицу мы отправимся уже через две-три недели.

– Так скоро?!

Проклятый кивнул.

– Отряд церкви двигался к нам не напрямик, и особо никуда не торопился. Теперь же есть основания полагать... – Всех передёрнуло, ибо они эти «основания» видели своими глазами. – ... что они ускорятся. Соответственно к этому моменту я хочу, чтобы вы все были готовы к долгому переходу в не самых лучших условиях.

– В столицу мы тоже будем торопиться? – Линнет вздела бровь.

– Именно. Потому что я хочу оказаться там как можно скорее...

От того, что на мгновение промелькнуло в глазах проклятого, не по себе стало абсолютно всем. Даже Торан внутренне похолодел, подсознательно задавив это ощущение и «забыв» о нём. Разве может воин бояться своего вождя? То-то и оно... с одним лишь уточнением.

Страх может вызывать не только человек, но и что-то в глубине него. Помыслы, подсознательные стремления – или же сила...

Глава 17

Перед Виктором лежало полтора десятка искусственно окрашенных в алый кристаллов, на каждом из которых имелся характерный, универсальный отпечаток ладони – в такой поместилась бы и ладошка стройной магессы, и лапа матёрого двухметрового мечника. Доктрины. Все, которые он заказал в столице, едва появилась такая возможность, и которые были доставлены только недавно, пережив битву в недрах одного из хранилищ рода. Доктрин тут было куда больше, чем парень мог поглотить без вреда для себя, – чужие воспоминания представляли опасность, в чём Виктор убедился лично на примере памяти реципиента, – но и покупались они с оглядкой на то, что к моменту прибытия этих драгоценных магических предметов потребоваться может совсем не то, что планировалось изначально.

В этих достаточно опасных доктринах не содержались азы владения оружием, финты или что-то подобное. Глуп тот, кто считает, будто доктрина может сделать из обычного крепыша – воина. Ведь передаётся опыт, а он, как известно, уникален. Если не подготовить доктрину соответствующим образом, не удалить из неё движения и стойки, манеру двигаться – после её поглощения воспользовавшийся магическим предметом человек потеряет себя. Он какое-то время не сможет даже ходить, так как в его мозгу окажется механика движений сразу двух человек. И слава небу, если тот, чей опыт был помещён в доктрину, окажется твоей комплекции и пола, ведь в противном случае всё будет ещё хуже!

Виктор знал обо всём этом, и откровенно «грязные» доктрины, порой самые эффективные, не покупал. Да и не дали бы ему это сделать, если говорить совсем честно. Но и то, что проклятый собирался поглотить, безопасным считаться не могло по определению.

Первым на повестке дня был запечатлённый в кристалле опыт старого ветерана-охотника, человека, который провёл жизнь за истреблением самых разных магических существ. Весь его опыт, естественно, в доктрину не поместили, но даже так объём выходил очень приличным. И ценным, что особенно важно. Виктор предполагал, что на пути к становлению сильнейшим ему придётся столкнуться и с магическими тварями в том числе, а довольствоваться в столь щепетильном деле одной лишь теорией из учебников... ненадёжно, мягко говоря.

– Потому эту доктрину я и поглощу первой. А остальные... – Опыт командира отряда рыцарей в одном из недавних пограничных конфликтов, опыт «простого» наёмника – боевого мага третьего круга, опыт управленца в одном из пограничных южных крепостей – Виктору было, из чего выбирать, но не всему могло найтись применение здесь и сейчас. А в случае с такими объёмами даже проклятый не собирался рисковать, поглощая алые доктрины чаще, чем раз в три месяца. – ... когда-нибудь потом.

С этими словами он вернул «невостребованные» кристаллы в специальные шкапки-хранилища, перезапечатав те на свою кровь. Не зря, ох не зря Виктор не планировал сильно далеко наперёд, и заказывал все доктрины, какие только могли пригодиться. Ведь то, чего он опасался и правда случилось: за время, прошедшее со дня заказа до момента прибытия доктрин Виктор ван Бельвиос успел стать святым, осиротеть и даже обрести чуть более полное понимание того, каким должен быть его боевой стиль.

И основным катализатором обретения понимания стало появление лишних «конечностей», которые крайне эффективно себя показывали на дистанции до трёх метров. С одной стороны – хорошо, так как обычно такая дистанция принадлежала копейщикам или тем, кто орудовал гигантскими мечами. С другой – Кларисса, что б ей пусто было, натаскивала «ученичка» на рукопашно-кинжальный бой на сверхблизких дистанциях. И даже с учётом длины рук Виктора, кинжалы не покрывали и половины от расстояния эффективной работы крыльев, отчего в бою могли оказаться натуральной обузой.

А ещё они были очень маленькими, и вместить в них структуру артефакта едва ли представлялось возможным, в отличие от, скажем, меча, для обучения владению которым у проклятого был полный карт-бланш.

Во-первых, его собственные люди были мечниками – и Грат, и Торан. Оба занимались с клинком много лет, и достигли в том немалых успехов. В плане навыков что рыцарь, что варвар не уступали матёрым ветеранам рода Бельвиос, а это какая-никакая, но планка. Во-вторых, соответствующего наставника обещал предоставить Артур Наом, а уж в профессионализме паладинов церкви проклятому сомневаться не приходилось. Раз уж они весьма успешно борются с тёмными магами, способными разве что не раком, – уж простите за выражение, – поставить род сильнейших магов королевства, то и навыками обладают соответствующими. А кривить рожу из-за собственной нелюбви к церкви... признаем честно, сейчас Виктор куда сильнее «не любил» тёмного мага, сотворившего это с его семьёй.

Бросать тренировки в направлении использования в бою рук и ног проклятый, естественно, не собирался, но к кинжалам его душа больше не лежала. Не только из-за Клариссы, но из-за собственных выводов «святого», так или иначе.

Сложив все шкатулки вместе с небольшими книжками, описывающими содержимое доктрин в большой сундук, Виктор, тем не менее, не стал спешить с началом поглощения выбранной им «охотничьей» доктрины. Перво-наперво он решил подвести краткие итоги уже проделанной работы, дабы точно понимать, чему и в какой последовательности уделять внимание в дальнейшем.

Не планирование, но осознанная расстановка приоритетов.

Запущена «эстафета» была с ничем не примечательного внешне плоского артефакта-многоугольника, здесь и сейчас абсолютно для проклятого бесполезного. И, как бы странно это ни звучало, его же гордость: потенциальная замена луку, помогающая владельцу с формированием вирфортовых магических стрел.

Среди его положительных качеств, которыми Виктор небезосновательно гордился, отметились простота конструкции и использования. Даже посредственный вирфорт второго ранга мог научиться пользоваться таким артефактом с минимумом механических органов управления, а огневая мощь по итогу выходила совсем нешуточная, и превосходящая все существующие в этом мире аналоги. С компактным, помещающимся в ладонь многоугольником можно было и на магических зверей поохотиться, и преступников разогнать, и даже армию такими артефактами снабдить, ради разнообразия и расширения тактических возможностей подразделений.

Но вот что до минусов, то тут всё было не столь однозначно. В своём текущем виде артефакт был бесполезен даже против слабейшего из встреченных проклятым немёртвых, так как те сами по себе обладали мощным пассивным сопротивлением агрессивной мане, приходящей извне. В случае с крыльями это было не особо заметно, так как там концентрация этой самой маны на режущей кромке доходила до абсурдных значений, но заклинания ниже второго круга от живых мертвецов отскакивали, как от стенки горох. К этому выводу Виктор пришёл, «на коленке» проведя все необходимые вычисления. Благо, костей и образцов гнилостной маны в поместье было в достатке, а отмасштабировать результат Виктор мог за счёт хорошей памяти и своего восприятия.

Никто кроме него не «видел» ману в таких деталях, и эта особенность открывала перед ним множество дверей.

Тем не менее, здесь и сейчас с артефактом-«стреломётом» что-то сделать было невозможно. Нарращивание мощи каждой отдельно взятой стрелы было чревато не только ростом требований к владельцу артефакта, но и необходимостью адаптации схемы под большие мощности, что и сложно, и повысит стоимость одного изделия. Последнее едва ли проблема в случае с единичным экземпляром для себя любимого, но вот той же церкви подобное «улучше-

ние» по вкусу точно не придётся. Совсем недавно Виктора реакция церкви не сильно волновала бы, но теперь он был вынужден искать союзников даже среди тех, кого считал если не врагами, то кем-то близким к этому понятию. Потому церковь крайне желательно было привязать к себе не только статусом «святого», но и постоянно улучшаемыми артефактами.

Так что же из этого следует, если принять за константу нежелание проклятого отказываться от проекта? Необходимость переработать схему с нуля, учитывая все проблемы первой версии из этого следует, вот что. А для этого, в свою очередь, нужно как минимум подтянуть навыки в артефакторике как таковой. Новые-старые идеи из родного мира – это замечательно, но даже самый умный и талантливый физик-ядерщик с одним только молотком реактор не построит.

Даже дровяную печку не факт, что осилит иначе как методом проб и ошибок.

Нужна была информация, которой у Бельвиосов просто не было. Их род не специализировался на артефактах, а все фундаментальные и основные знания Виктор уже освоил. Что-то изучал ещё реципиент, а что-то проклятый «добил» уже лично, в процессе создания первых прототипов своего артефакта-стреломёта.

Следовательно, по прибытии в столицу Виктору нужно будет каким-то образом приобрести к имеющимся там материалам. И самый очевидный вариант отпадал сразу же, ибо поступать во всякие академии и школы на общих основаниях у проклятого не было никакого желания. Оставалось уповать лишь на хоть какой-то вес своего имени пополам с умением договариваться, что для в какой-то степени интроверта достаточно сложно.

А ведь это лишь один пункт из великого множества требующих решения и внимания при том, что времени у Виктора больше вряд ли станет.

Подавлять проклятие, тренируясь с маной, бесспорно, было не столь времязатратно, но даже почти двукратного выигрыша по времени проклятому оказалось мало. Вместо десяти-двенадцати часов он теперь тренировался по семь-восемь, и действительно свободного времени у него оставалось много больше, чем обычно: что-то около шести-семи часов при том условии, что рутину он выполняет в темпе вальса, и на протяжении дня особо не расслабляется. Любой разговор, любое отвлечение – и вот уже времени куда меньше, а задач совсем наоборот, больше. Так что вопрос приоритетов стоял очень, очень остро.

Следующим пунктом по списку, но не по значимости шла Страйя, а так же решение её главной проблемы. Тёмный дар был опасен: в этом Виктор более не сомневался. Но для его подавления требовалось уже сейчас начинать изыскания в этом направлении, что было крайне рискованно. Проклятый уже пытался «выйти из тела», как было тогда, незадолго до нападения немертвых, но у него ничего не выходило. То ли обстоятельства не совпадали, то ли прикладываемых усилий было недостаточно, но вновь шагнуть на изнанку у проклятого не получалось. А ведь он сильно этого хотел! У него было сразу две причины для того, чтобы к этому стремиться.

Не считая помощи Страйе, конечно же.

Во-первых, у решившего сделать его «святым» алтаря он инстинктивно, в стремлении побороть чужую ману хапнул лишку с изнанки, и вреда не понёс. Правда, пользу от этого действия тоже отследить было проблематично ввиду как раз-таки становления проклятого ещё и «святым». А ещё не факт, что мана с изнанки действительно была, ибо воспоминания тех секунд в памяти проклятого были размытыми, смазанными и плывущими.

Во-вторых, Виктор, выйдя из тела после своего первого настоящего боя, увидел ману так глубоко, как никогда раньше, и это было... интересно. Маняще не тем бессмысленным интересом, который порой возникает у людей по поводу и без, а интересом вполне себе оправданным. Ведь даже то, что парень успел увидеть в тот раз, помогло ему ещё глубже понять ману. А сколько времени Виктор провёл на изнанке? Две минуты? Четыре? А что, если он окажется

там хотя бы на один час? Не приведёт ли это к тому, что он найдёт способ стать магом в обход проклятия, сохранив при том вирфортские способности? И чем он тогда станет?..

Иными словами, дело теперь было не в одной лишь Страйе.

Третьим пунктом шли, что закономерно, люди. И не просто люди, а надёжные, готовые следовать за Виктором по тем или иным причинам. В общем и целом проклятый примерно понимал, что и с кем нужно делать. С Линнет всё понятно – как служительница церкви, она себе занятие найдёт, а уж присмотр за ней проблем не доставит. Грата и Торана нужно лишь не ограничивать в тренировках и, по возможности, уговорить наставников от церкви заниматься и с ними тоже. Дрофэру понадобится помещение и некоторые инструменты для работы над артефактами из тех, которые Виктор не приобретал здесь и соответственно не повезёт с собой. Тиллии будет достаточно продолжения обучения у Анны, а вот что до слуг, которые прилежно учились искать информацию в книгах...

Тут стоило признать, что затея не выгорела. Даже грамотная прислуга читала до одури медленно, и ещё меньше понимала, отчего эффективность её работы колебалась где-то недалеко от плинтуса. Смысла тащить с собой этих людей просто не было, ибо в столице и книжники в свободном доступе не будут.

«Небольшие выплаты им не помешают, но дальше они продолжают работу в поместье». – Внеся соответствующую заметку в изъятый из нагрудного кармана блокнот, Виктор покивал в такт своим мыслям. – «Вопрос только в том, что теперь будет с моими планами на север королевства. Не то, чтобы я туда так уж стремился, но где ещё изучать изнанку? Не в столице же, где каждый второй истово верит в девятку, а церковников в десятки раз больше, чем где-либо ещё?»

Это тоже было своего рода проблемой, решить которую «издалека» не представлялось возможным. Только по факту, в момент появления необходимости туда отправиться, забрав Страйю.

Наконец, последним шёл четвёртый пункт, в который было зверски впихнуто всё то, что не вошло в предыдущие, но что можно было назвать вариантами для раскрытия потенциала проклятого. Будь то непоколебимость или почти заброшенные попытки реанимировать магию. С последним прогресс был околонулевым, так что проклятый уже и не пытался особо ею пользоваться. Максимум – после тренировки пробовал почиститься, да и только. Чуть лучше всё обстояло с непоколебимостью, которая худо-бедно, но выполняла своё предназначение. Оставалось только отточить процесс использования оной в бою, и совершенствовать до упора. Увы, но никакого сиюминутного результата Виктору не светило, и единственное, что усилило его в моменте – это «святость», к которой он даже руку не успел приложить.

Печально, но факт: любые усилия обычно дают постепенный результат с нечастыми прорывами, так что парень изначально не надеялся на большее. Считал, что у него ещё есть время, и пока ему ничего не угрожает...

Но если ты хочешь рассмешить судьбу – расскажи ей о своих планах.

Покрутив мысли в голове ещё с десяток минут, Виктор, наконец, дозрел до использования доктрины, удобно лёгшей в ладонь. Уже опробованный на практике метод активации путём ввода маны в кристалл – и вот уже в голову проклятого устремился мощный поток отфильтрованных ото всего лишнего воспоминаний. Убийство магических существ, засады, ловушки, разорения гнёзд, спасение деревень и сёл...

И следующая за опытным охотником юная девушка с длинными чёрными волосами, в чертах лица, поведении и мимике которой Виктор с неописуемым удивлением узнал женщину, лишившую его отца, а род Бельвиосов – главы.

Клариссу.

Глава 18

Орис причудливо переливался чёрными гранями под лучами заходящего солнца, поглощая свет и приятной тяжестью оттягивая ладонь проклятого, который невольно ухватился за висящий на поясе символ церкви. За всеми заботами две недели минули как один день, и час назад в поместье прибыл вестовой, один из тех, кто наблюдал за основными трактами, ведущими к городу. Благо, в этот раз вести были хорошими: порядком разросшаяся за время в пути группа церкви должна была вот-вот прибыть под стены Тарбиллиана, дабы не только забрать первого Бельвиоса, вступившего в их ряды, но и выяснить, кто, как и зачем попытался обрушить один из трёх столпов, поддерживающих королевство и его короля.

Не то, чтобы Виктору так сильно было надо встречать представителей церкви прямо здесь, у городских врат, но он, окинув взглядом ряды церковников родного города, решил лично встретить своих будущих наставников. От греха, так сказать, ибо ныне и раньше представляющие собой печальное зрелище служители девятки стали ещё менее представительными. Далек не всякий человек, будь он хоть трижды набожен, сохранит самообладание пережив столь страшную ночь. А уж если этот человек в принципе не способен защитить себя от угрозы...

В общем и целом проклятый, дабы извлечь из этой встречи ещё больше пользы по заветам предков, – и аристократии в целом, – взял с собой Грата, по случаю примерившего парадный доспех, и Торана, сменившего варварский имидж в честь особого случая. Такой выбор парень сделал неспроста, рассчитывая сразу представить наставникам тех, за кого он планировал хлопотать в дальнейшем. Как и говорилось ранее, Виктору мало было тренироваться самому: он хотел сделать сильнее и своих людей тоже!..

– Едут! – Кричал уже даже не дозорный, а один из готовых выслужиться стражников у самых ворот. Он, очевидно, заметил наблюдающих за их постом высоких гостей, и сразу определил, кого те ждут. На информацию любого вида и толка о своих желаниях Виктор вето не накладывал, так что за полтора часа в ожидании слухи, так сказать, поползли. – Е-е-еду-у-ут!

– Слышим, не глухие. Глухие бы не слышали... – Буркнул Виктор себе под нос, зябко поведя плечами. Весна – весной, но вечерами на землях Бельвиосов всё равно было прохладно. Особенно если сидеть практически неподвижно, обсуждая мечи с товарищами, которые в этих самых мечях разбирались поболее его. – Грат, Торан, готовьтесь. Напомнить, что я говорил, или?..

– Я всё запомнил, молодой господин. – Рыцарь кивнул, оправив ткань, скрывающую часть сочленений парадного доспеха.

– С этикетом всё проще, чем с мечом, вождь. Не сомневайтесь во мне! – Варвар ударил себя кулаком в грудь, чудом не сорвав позолоченную бляху, символизирующую его принадлежность к Бельвиосам. Как-никак, внешне он на представителей этого рода не походил от слова совсем. – Уж молчать я точно умею!

– Ну что ж... – К этому моменту первая повозка в окружении всадников-паладинов уже въехала на территорию Тарбиллиана, и Виктор не без удивления обнаружил во главе группы уже знакомого ему индивидуума. Того самого, который не собирался возвращаться вместе с наставниками, но вот тёмные маги его, очевидно, заинтересовали. Артур Наом не носил шлема, как и многие его коллеги, так что его платиновые волосы сразу бросались в глаза.

Виктор молча, вышел вперёд, привлекая к себе внимание всадника. Тот, в свою очередь, «святого» увидел и узнал, покинув строй и отвернув в сторону. И уже после того, как мужчина спешил, проклятый подал голос.

– Артур Наом, рад снова вас видеть. – И не сказать, что это было лишь красивым словом. Проклятый действительно был рад тому, что среди церковников присутствуют знакомые лица.

– Приветствую, Виктор. Прими мои соболезнования по поводу смерти твоего отца... и всей той трагедии, что обрушилась на Бельвиосов.

– Спасибо. – Проклятый довольно глубоко поклонился. – Хуже всего приходится сейчас тем, кто разбирается с последствиями... и источником нападения. Я понимаю, что весьма глупо рассчитывать на это, но церкви не удалось ничего выяснить?

– К сожалению, до недавних пор мы вынужденно держались от Тарбиллиана на почти-тельном расстоянии. Минимальное присутствие, отсутствие высокопоставленных служителей в регионе – всё это было следствием конфликта наших с вами принципов. – Виктор кивнул, подтверждая, что всё описанное действительно имело место быть. Не просто так церковь искала надёжного союза с родом могущественных магов, совсем не просто так. – Из-за этого тёмным магам удалось организовать нападение таких масштабов совершенно неожиданно. Располагайся в городе хотя бы одна полноценная группа...

– Нет смысла размышлять о несбыточном. Нужно работать с тем, что есть. – Не стал поддерживать разговор ни о чём Виктор, поймав одобрительный взгляд паладина.

– Похвальная позиция, Виктор. И... полагаю, я могу тебя поздравить с обретением благословения одного из девяти. – Очевидно, поначалу Артур Наом посчитал крайне неэтичным сыпать поздравлениями на юношу, у которого совсем недавно погиб отец. Но теперь, немного переговорив с парнем и оценив его настрой, мужчина пришёл к новым выводам. – Становление Святым – это не только сила, но и ответственность. Ответственность куда большая, чем есть даже у инквизиторов или сильнейших паладинов.

– Я очень хорошо осознаю это, Артур. Как-никак, это из-за обретения мною дара в церкви погибли люди. – Виктор хотел бы, чтобы улыбка получилась грустной, но его уникальная мимика не оставила проклятому вариантов. – И насколько я могу судить, это уникальное событие. Масса смертей, я имею в виду.

– В спорах о том, что это было и как к тебе относиться было сломано немало копий. Но в конечном счёте церковь пришла к устраивающему все стороны выводу... – Виктор выжидающе воззрился на собеседника. – Ждать и наблюдать.

– Ждать и наблюдать?.. – Проклятый прищурился, не сдержав ехидной ухмылки. Это шутка какая-то: вместо того, чтобы заняться вопросом хоть сколь-нибудь основательно, церковники решили просто подождать! А ведь это у их богов появился шанс заработать парочку пятен на репутации, если вдруг странный «святой» окажется не совсем святым. – Признаться, я ожидал чего-то иного. Более... активных действий?

– Твой случай уникален, Виктор. Не исключаю, что те люди погибли по воле девяти. Кто скажет, как далеко простирается взор богов?..

Виктор как-то слишком уж резко вспомнил, с кем вообще он сейчас говорит. Артур Наом. Добродушный с друзьями мужчина, и одновременно с тем хладнокровная марионетка Акциона, воплощения «справедливой мести». Если будет нужно, он «справедливо» прольёт кровь невинных, ведь только его богу ведомы настоящие мотивы и подлинные последствия.

– Возможно, так всё и было. Но прямо мне об этом никто не сообщил. – Проклятый хмыкнул, воспользовавшись образовавшейся паузой. – Признаться, поначалу я вообще посчитал, что это была очень странная попытка меня убить. Всё-таки мои взгляды в отношении церкви сложно было назвать подходящими святому.

– Именно по этой причине было решено ждать. Пантеон не считает тебя врагом, а остальное... – Настало время хмыкать паладину. – ... не столь важно.

– Что ж... – Виктор жестаи отдал команду ожидавшим чуть в стороне слугам, и те засуетились вокруг троицы породистых скакунов. Подстраховка оправдала себя, ибо предлагать паладину пешком прогуляться по городу было бы моветоном. – Артур, представишь меня будущим наставникам после того, как вашу группу разместят в поместье?

– Было бы весьма недальновидно поступить иначе, вновь оказавшись здесь. Да и возможность расспросить непосредственного участника событий я определённо не упущу. – Мужчина ловко оседлал своего коня, а спустя минуту вся четвёрка, – Грата и Торана никто не забыл, – уже ехала следом за последними телегами каравана церковников. Пока они все двигались к поместью, так как постоялый двор для основной массы не слишком важных господ из церкви располагался весьма далеко от городских стен, но уже спустя четверть часа это обстоятельство обещало измениться.

– Тебя интересует что-то конкретное, или же?..

– Для начала я бы хотел узнать, как нападение выглядело твоими глазами, без прикрас и дополнительных деталей со стороны. Когда появились враги, на что были способны, какие странности в происходящем ты заметил. Всё, что может вывести нас на тёмных магов...

– Магов? Во множественном числе?

Артур обернулся, вопросительно вскинув бровь. Но так как Виктор продолжать не торопился, пришлось паладину взяться за объяснения.

– Не думал же ты, что один-единственный тёмный маг мог устроить что-то подобное? Нет, Виктор: тут работала группа. В пути мы тщательно изучили все отчёты, и они прямо указывают на то, что некромантов было как минимум пятеро. Меньшим числом охватить такие площади без действительно длительной и заметной подготовки невозможно...

И Артур Наом стал популярно объяснять, почему и как церковники пришли к таким выводам. Проклятый слушал, не перебивая, и впитывал информацию словно губка. Не меньшую заинтересованность демонстрировали и Грат с Тораном, нутром почуявшие, что обсуждаются какие-то секреты. И паладин против лишних ушей почему-то ничего не имел. То ли не заметил, то ли сделал вид, что не заметил, дабы не тратить время попусту. Так или иначе, но к тому моменту, когда впереди показались башни поместья, Виктор отчётливо понял, «откуда ветер дул».

Своими отчётами Деймос изящно ввёл церковь в заблуждение, очевидно приукрасив ряд моментов и добавив в действия неживых больше осмысленности, чем той было на самом деле. И судил Виктор не по одним лишь своим наблюдениям, вовсе нет. За прошедшие две недели он успел поговорить со всеми своими людьми и не только, рассчитывая самостоятельно если не выйти на некроманта, то хотя бы сузить круг поисков. Являлось ли его целью одно лишь убийство Дюрана? Были ли живые мертвецы в черте города всего лишь отвлекающим манёвром? И кто помог тёмному магу, раз уж тот не просто смог напасть на поместье, но и сделал это изнутри, не потревожив защитные системы?

Ответы на эти вопросы Виктор старательно искал, но безрезультатно. А теперь появляется Артур, и описывает совсем иную картину нападения, нежели имелась у Виктора.

И вполне естественно, что массу несоответствий заметил и сам паладин, начав задавать вопросы, от которых у Виктора по коже поползли мурашки.

Он начал понимать, что только что сделал.

– Значит, спустя час после появления первых немертвых все орды значительно ослабли...

– Лицо мужчины было сосредоточенным и хмурым. – И свидетелей тому множество?

– Я говорил не только со своими людьми. Выжившие стражники и рыцари, некоторые маги... Мне нужна была как можно более цельная картина произошедшего, и я пытался её составить как можно скорее, по горячим следам. – Виктор уже понял, что его слова, возможно, послужат рождению зерна нового конфликта между церковью и Бельвиосами. Не потому, что те солгали, нет: сам факт лжи не имел большого значения. А вот ложь по соседству с делом, касающимся тёмных магов...

Нет-нет, да мелькала в голове Виктора мысль о том, что по итогу церковь может считать опасной всю фамилию магов. Станут рубить с плеча – и Бельвиосы получат уникальную возможность просто исчезнуть в священном пламени. Начнут разбираться – и тогда крови

пролётят куда меньше. С плеч полетят головы ответственных за связь с тёмными магами, если таковых всё-таки удастся определить. И первым в списке, что весьма вероятно, станет Деймос, как организатор этого свержения власти. Невинных жертв всё ещё будет в достатке, но сам род выживет и продолжит своё существование. Ослабнет, но не обратится в пепел.

«Может ли быть такое, что Деймос переоценил меня? Посчитал, что я не стану говорить лишнего из страха подставить под удар всю семью?..» – Виктор напряжённо думал, что и как следует сейчас говорить, чтобы не допустить худшего варианта развития событий. Бельвиосы были столпом власти короля, это факт. Вот только церковь уничтожала целые королевства, если те представляли угрозу и якшались с тьмой. Что контролирующей весь континент организации какая-то фамилия магов? – «Если так, то он чертовски сильно ошибся. Кто вообще в здравом уме оставит без внимания такой фактор? Или же это часть его плана?..»

Истории с злодеями, у которых «всё было частью их плана», никогда не вызывали в сердце Виктора значимого отклика. Но именно сейчас эта мысль, это сопоставление настоящей личности с неким собирательным образом кукловода не вызвала у проклятого отторжения.

Интуиция говорила, что это изящная ловушка на неприятную, вылезшую из ниоткуда фигуру «святого». А интуиции парень привык доверять, ибо она не раз ему помогала в самых отвратительных ситуациях.

– Возможно, что мои выводы не так уж и верны. Ведь в противном случае получится, что мой род покрывает врага, а это очень, очень маловероятно. – К единственно верной на данный момент модели поведения Виктор пришёл поздно. Плохо, но лучше, чем никогда. – Среди Бельвиосов не так уж и много тех, кто никого не потерял той ночью.

– Простые члены рода могут ничего не знать. – Паладин покивал словам своего собеседника, мазнув взглядом по орису, болтающемуся у того на поясе. Артур лишний раз напомнил себе, что разговор он ведёт не с сыном почившего графа, а со святым и тем, кого сама девятка, фактически, приняла в лоно церкви. – Вопрос в том, кто приобрёл больше всего выгод от этого нападения.

– Вывод кажется очевидным... – Пауза. – Но я бы всё равно попросил вас не рубить с плеча.

Проклятый просто не мог удержаться от того, чтобы бросить камень в огород дражайшего дяди. Того самого человека, которому он верил с самого детства – и который жестоко это доверие предал. Он, возможно, был в своём праве, ибо история дней былых была полна белых пятен и просто дыр, но самого факта это не отменяет. Виктор не верил в справедливость, и закономерно полагал, что во главе всего стоит благо его и тех, кто ему дорог.

– Церковь не торопится там, где в этом нет необходимости, Виктор. Тут как с сорняками: можно поспешно изрубить стебли и листву, но как тогда прикажешь искать корни? – От такой аналогии Виктора пробрало до костей. Сравнить людей, целый род сильных магов с сорняками... – И как объясняться с хозяином сада, избавив того и от сорной травы, и от полезных, бережно им возвращаемых растений?

– Мне всегда казалось, что церковь не оглядывается на чьё-либо мнение.

– Распространённое заблуждение, Виктор. Выгодное нам... – Мужчина усмехнулся. – ... но всё-таки заблуждение. Церковь может действовать жёстко, как может и игнорировать королей и императоров. Но стоит ли так поступать в ситуации, того не требующей?

– Я рад это слышать, честно. Было крайне неприятно осознавать, что из-за ошибки небольшой группы людей может пострадать вся моя семья. – Сказал – и не соврал ни словом, ни смыслом. – Даже несмотря на то, что я теперь член церкви.

– Пожалуй, теперь я понимаю, почему ты был такого мнения о церкви девяти. – Мужчина улыбнулся, но улыбка эта была холодной, не предвещающей ничего хорошего. – Об этом мы тоже поговорим с новым главой Бельвиосов. Не дело это, когда потенциально могущественные маги с детства слышат о церкви лишь плохое.

– Я бы не сказал, что виной тому воспитание нашей фамилии...

– Точно так же правители востока не видят ничего плохого в своей страшной и неприглядной по нашим меркам культуре. Нельзя объективно оценить что-то, будучи частью этого, Виктор.

– Даже если речь идёт о церкви?

В глазах паладина на миг вспыхнула опасная синева.

– Особенно если речь идёт о церкви...

Глава 19

– Угроза такого уровня – это не шутки, господа. Посему я, как уполномоченный глас церкви и представитель крыла Актиона, объявляю о необходимости развёртывания полноценной группировки церкви в Тарбиллиане. На месте старой церкви должен быть возведён более подходящий комплекс – за наш счёт, разумеется. – Паладин, выступающий за одной из трибун в просторном круглом зале с высокими потолками и тяжёлыми гобеленами с гербом Бельвиосов на стенах, окинул взглядом всех собравшихся. – Если у кого-то из здесь присутствующих есть возражения или же что-то, что может изменить мнение церкви – прошу, вы в праве высказаться и быть услышанными.

Маги, во главе которых должен был вот-вот встать человек, этой силы лишённый – вот, что из себя представлял совет воистину могущественной фамилии. Одиннадцать человек, не считая пока ещё неофициального главу, сидящего в стороне. И никто из них ни лицом, ни жестом, ни словами не демонстрировал беспокойства из-за репутационных потерь. Словно и не было никакого удавшегося покушения на Дюрана ван Бельвиоса, множества смертей горожан и плевок в лицо роду от якобы всего одного некроманта.

Советники сохраняли типичное Бельсиосское «высокомерное хладнокровие», что Артура то ли раздражало, то ли впечатляло. Не всегда и не все были способны удержать лицо, и уж тем более сделать это пред лицом уполномоченных лиц церкви на подобном этому «мероприятии».

– Ввиду последних событий это не выглядит чрезмерной мерой. Я вынужден согласиться с тем, что без помощи церкви в той или иной форме нам действительно не совладать с тёмным магом такой силы. – Один из старейших и мудрейших магов совета, Тарос, взял слово вперёд всех других своих «коллег».

– Что вы подразумевали под иными формами помощи, уважаемый Тарос? – Наом быстро схватывал, ибо уже не раз и не два ему приходилось работать с людьми, облечёнными силой, властью и богатством. В основном они даже в безнадёжных для себя ситуациях пытались получить хоть какую-то выгоду, и масштабы зависели лишь от наглости каждого конкретного человека.

– Знания, уважаемый глас Церкви. Многие из нас склонны считать, что методы обнаружения тьмы и борьбы с ней могут не только помочь Бельвиосам сейчас, но и предотвратить подобные этой трагедии впредь. Тем более, что между церковью и нашей фамилией заключён новый, но необычайно крепкий союз. И гарантом его выступает Святой нашего рода...

– Вы не можете не понимать, уважаемый Тарос, что ограничения на распространение этих знаний возникло не на пустом месте. С вашего позволения, я даже приведу в пример действия Святого, Виктора. Уверен, ни для кого из здесь присутствующих не является секретом то, что этот бесконечно талантливый молодой человек, зная лишь о том, как предотвратить мана-шторм, смог его искусственно вызвать. Осознавал ли он последствия для поместья в частности и всего региона в целом? Бесспорно. Но отказался ли он от этого инструмента, поняв, что иначе его отцу не победить?

– Вы сравниваете многоопытных магов с юношей, оказавшимся в безвыходной, как он считал, ситуации! – Импульсивно высказался самый молодой член совета, мужчина, виски которого ещё не тронула седина. Тем не менее, он был опытным боевым магом, и состоял во фракции погибшего Дюрана ван Бельвиоса.

– Людская суть неизменна, уважаемый член совета. Если у человека не остаётся вариантов, он обращается к тому, что считал запретным ранее. – Не голословный, а подкреплённый личным опытом паладина факт. – Служителей церкви так или иначе готовят к этому, контро-

лируют, обучают. Но того же нельзя сказать о вас. Всего лишь один талантливый и могущественный маг-отщепенец из вашего рода может поставить на край гибели всё королевство.

– Тем не менее, мы бы хотели, чтобы церковь рассмотрела вариант передачи нашему роду знаний о методах противостояния тьме. Мы будем рады даже малому, ибо на кону сама наша фамилия. – И вновь слово взял Тарос, которого, что вполне очевидно, поддерживал весь остальной совет. Или большая его часть, по крайней мере. – Так же я обязан сообщить вам, глас, о том, что ради укрепления этого бесконечно важного союза совет принял решение предоставить вам возможность выбрать нескольких кандидатов в служители из числа юных носителей крови Бельвиосов.

– Этот, бесспорно, важный для укрепления взаимоотношений Бельвиосов и Церкви Девяти шаг не решает озвученную проблему, уважаемый Тарос. – Артур покачал головой.

– Мы открыты ко встречным предложениям, глас.

– Принятие такого решения находится за рамками дозволенного гласу, так или иначе. – Паладин обвёл присутствующих тяжёлым взглядом, не нашёл на их лицах возражений и, вздохнув, продолжил. – Здесь и сейчас необходимо решить все вопросы, связанные с возведением полноценного отделения церкви в черте города. Но знайте: церковь примет во внимание вашу готовность способствовать укреплению этого союза.

«Пусть даже и ради столь любимых вами знаний» – додумал, но не произнёс вслух мужчина.

– Пока это предложение – всего лишь слова, глас. Я предлагаю перейти к обсуждению конкретных вопросов...

Таким незамысловатым образом «глава совета» подвёл всё к самому дотошному этапу переговоров, выгадав себе время на размышления касательно иных способов добраться до хотя бы части знаний церкви. У Бельвиосов был резонный повод стремиться к их получению, и многомудрые маги не собирались отказываться от такой возможности. Как и все политики, – а высокая аристократия почти всегда являлась таковой, – они искали выгоду даже в поражении.

И это Виктора, без особых проблем раскинувшего сеть своего восприятия на довольно-таки серьёзно защищённый зал, сильно раздражало. Не тем, совсем не тем должны сейчас заниматься старейшины – суть лидеры крупнейших ветвей внутри семьи. На их родной дом напали, а они пекутся о призрачной возможности прикоснуться к тому, за что в обычных обстоятельствах всю фамилию могли и на костёр отправить. А ведь их умы сейчас должно занимать восстановление уничтоженного и предотвращение возможности нанесения таких ударов впредь... если бы это действительно было нужно роду.

Вновь проклятый задумался о факте предательства. Удар изнутри был, очевидно, единичной акцией, о которой все причастные если не знали точно, то как минимум догадывались. Иначе стали бы они вести себя так, словно ничего особенного не случилось?

Основная часть личности проклятого не принимала этого. Но при этом опыт и память реципиента, которые Виктор одновременно и воспринимал как часть себя, и разумом отделял одно от другого, говорили, что причин «странному» поведению могло быть великое множество. Начиная от необходимости продемонстрировать кому-то из членов делегации церкви собранность Бельвиосов и отсутствие паники в их рядах, и заканчивая банальной, присущей всей аристократии мании на ношение масок. Это ведь так просто – спрятать настоящего себя за обманкой, и не раскрываться даже перед близкими людьми.

Между прочим, явление достаточно массовое, и произрастающее из весьма жёстких методов воспитания «высоких» аристократов. Благо, фамилия сильнейших магов королевства все перегибы сконцентрировала в другой плоскости, и имя ей – магия. Вот если в ней ребёнок был плох, то от стандартов обучения и воспитания отступали. Порой – отступали серьёзно. Но так как бесталанность в роду была явлением очень редким, и хоть какой-то маг мог получиться даже из полукровки, «уникумов» было совсем мало.

Тяжко вздохнув, Виктор поёжился под лучами не такого уж и дружелюбного весеннего солнца. Он лежал на ребристом скате крыши одного из строений, расположенных достаточно близко к совещательной зале, и до самого последнего момента внимал услышанному в её стенах. Не от скуки, а из нужды, ибо пребывать в неведении проклятый не хотел. Слишком уж много вокруг него началось подозрительных шевелений, начиная от попытки подсунуть в его «свиту» с десятков прибывших неведомо откуда, но «верных, опытных и готовых умереть за господина» рыцарей, и заканчивая предложением наладить переписку сразу с двумя старейшинами, которых Виктор ван Бельвиос раньше только издалека и видел.

И всё это навалилось на проклятого даже не за один день, а за пару часов, сразу после того, как он вместе с Артуром Наомом прибыл в поместье и провёл некоторое время за преинтереснейшей беседой. Паладин, несмотря на бога, ему благоволящего, оказался ответственным и серьёзным человеком, не побрезговавшим ввести «подопечного» в курс дела. До знакомства с наставниками, конечно, вчера не дошло – тех банально «закрутили» Бельвиосы, но вот просвятить «святого» касательно его нового статуса, прав и обязанностей Наом Виктора вполне себе смог.

Как в одном человеке сочеталась такая мания к совершенствованию искусства владения мечом и целый комплекс качеств, делающий из Артура переговорщика высшего уровня, проклятый искренне не понимал. Но по-доброму завидовал, и твёрдо намеревался докопаться до секрета паладина. Такая способность была нужна Виктору, как вода потерявшемуся в пустыне бедолаге, ибо от того, сможет ли он стать не просто рубакой, но и крупной рыбкой в местном болоте зависело очень и очень многое. Одним мечом многого не навоюешь, если ты, конечно, не в десятке сильнейших людей континента. И даже сотни, тысячи мечей было недостаточно для обретения и поддержания подлинной независимости. Нужно было уметь договариваться, для чего, конечно же, нелишними были сила и статус.

И если со статусом у Виктора всё было более-менее, то вот с силой пока возникал затык. Не был проклятый древним мастером боевых искусств, как не был и могучим магом, решившим переродиться в теле попроще, что б, значит, закалить свою волю и заново прочувствовать путь к вершине. Практик духовных искусств, о которых многие думали, как о сказке и выдумке, всего лишь хотел жить – и не более того. Все его усилия были направлены на выживание, и потому сейчас специфичные знания были, так скажем, не очень полезны. Даже воздействие на души, в перспективе эффективное в бою, нужно было отрабатывать на практике где-нибудь подальше от церкви. Кто знает, как служители пантеона девяти поведут себя с носителем таких способностей?

Вот Виктор и не рисковал, помня про возможность, но не торопясь заниматься претворением оной в жизнь.

Тем временем, – а прошло без малого четверть часа, – обсуждение в стенах совещательного зала резко перешло к другой теме, которую, вот уж неожиданность, поднял сам Артур Наом. И сделал он это явно не случайно, да и не по воле случая.

– Вы можете повторить? Возможно, мы вас не так поняли, глас?..

– Думаю, я выразился вполне однозначно, господа. Церкви необходим полный доступ к библиотекам и архивам рода Бельвиос. Естественно, без права на копирование каких-либо материалов. Только изучение и составление кратких заметок в том случае, если это потребует. Но так как вопрос касается ещё и документов, вашей фамилии придётся выбрать хранителей тайны и проследить за установкой соответствующих печатей...

– Такие печати не отличаются большой надёжностью. – Тарос покачал головой. – Как можно рисковать раскрытием тайн нашего рода? Это попросту опасно, и не только для нас!

Артур Наом усмехнулся.

– Вы можете считать иначе, но ваши тайны не чета знаниям о тёмной магии, которые вы, уважаемый Тарос, хотите получить. Но у меня, как у гласа Церкви, появилось предло-

жение, которое могут согласовать в столице. – Виктор отчётливо ощутил, как магия Тароса вздрогнула, задрожала и побежала по линиям жизни значительно быстрее. Что ни говори, а сверхъестественное восприятие проклятого было неадекватно эффективным, и проникало куда угодно. Защититься можно было лишь с помощью полного экранирования, но во всём мире существовало не так много мест, где этим пользовались. Правда, существовали ещё специальные боевые заклинания, барьеры-ловушки вроде того, в котором проклятому пришлось драться с магами-наёмниками, но в «мирное время» ими так же не пользовались.

– Совет слушает вас, глас. – Казалось, что вот оно – маска на лице Тароса дрогнула... но не было ли это игрой, призванной внушить паладину ощущение успеха от захлопнувшейся логической ловушки? И не предсказали ли Бельвиосы ход этого разговора, не определили ли заранее то, чем готовы пожертвовать?

– Вы твёрдо намерены углубить и укрепить наш союз. Так почему бы не сделать ещё один шаг в этом направлении? – Артур Наом жестом подозвал одного из служек, стоящих позади него, и на трибуну перед паладином легла странного вида печать, формой напоминающая орис. Определённо, в церкви как организации любили такие вот диски, придавая подобную форму всему, чему только было можно. – Служители, которые получают доступ к архивам Бельвиосов, станут, в каком-то смысле, частью вашего рода, и останутся служить Тарбиллиану в стенах новой церкви. Вы сможете наблюдать за ними, и беспрепятственно проверять сохранность печатей тайны. В то же время ваши маги, которых вы выберете для посвящения в таинства борьбы с тьмой, покинут род Бельвиос и станут служителями в стенах всё той же новой церкви Тарбиллиана. Вы сможете пользоваться их навыками и спрашивать совета, но печати тайны не позволят им распространяться о том, чему церковь их обучит. Таким образом в выигрыше останутся обе стороны.

Закончив со своим небольшим монологом, Артур Наом опёрся ладонями на трибуну и выжидающе уставился на Тароса. Тот, казалось, глубоко задумался и ушёл в себя, даже не обращая внимания на шепотки «собратьев по должности». Члены совета явно пытались что-то донести до человека, которому было даровано право говорить от их имён, и лишь Деймос, восседая чуть в стороне и вонне внутреннего круга, – точно как того требовали правила, ибо мужчина пока ещё не был главой, – внешне никак не отреагировал на озвученное предложение.

Вот только ни от Артура Наома, цепкий взгляд которого, казалось, не мог упустить ни одной детали, ни от Виктора, восприятием охватившего всё и всех в черте залы, не ускользнул момент, когда Тарос бросил взгляд на Деймоса... и тот едва заметно кивнул.

– Этот вопрос будет поднят на внутреннем собрании, но я склонен считать, что ваше предложение примут. Читайте, что предварительное согласие рода Бельвиос у вас есть, глас.

– В таком случае я бы хотел обсудить личности кандидатов с одной и с другой стороны...

Дальнейшие слова Виктор слушал в пол-уха, размышляя о том, настолько, оказывается, глубока была власть Деймоса среди Бельвиосов. Весь совет доверил право решать Таросу, а тот, в свою очередь, действовал с оглядкой на мнение, теперь уже точно, будущего главы. И так было во всём: как бы не половина фамилии была на стороне Деймоса. Могло ли такое произойти, не начни тот готовиться к «воцарению» заранее? Едва ли. Слишком много сторонников для человека, который ещё пятнадцать лет назад решил стать «служгой-над-служгами». И то, что Дюран сам хотел, чтобы его брат унаследовал место главы в случае его смерти не меняло ровным счётом ничего. Слепое доверие к родственнику, не более.

По крайней мере, так это виделось Виктору. И кто виноват в том, что хроники тех лет были столь тщательно вычищены от грязи несвойственной Бельвиосам борьбе за «престол» внутри одного поколения?..

Глава 20

На следующий день долгожданные гости заявилися напрямик на облюбованный Виктором полигон, и, что уж совсем за гранью, прямо под конец его тренировки. Проклятый как раз заканчивал отрабатывать взаимодействие с прототипом артефакта-«стреломёта», радуясь заметно возросшей скорости формирования снарядов, когда вдалеке, прямо за пока ещё не могущими похвастать обильной листвой кустами, показалась троица церковников. И если Артура Наома парень узнал по одному лишь облачению, весьма приметному и намекающему на принадлежность к Актиону, то следующие рядом с ним люди были ему незнакомы.

Правда, гадать касательно того, кем же являлись эти незнакомцы смысла не было вовсе. Учителя, очевидно. Сухопарый, но широкоплечий и поддерживающий идеальную осанку старик в бесформенной чёрной, с золотистыми вставками робе был наставником, предположительно, по всему, что церковь могла дать помимо непосредственно сражений. Восприятие не могло солгать, и Виктор видел, что старик не был воином, а маг из него выходил откровенно паршивенький – в самом-самом начале второго круга.

Совсем иначе всё было в случае с идущей по правую руку от Наома девушки, потоки маны в теле которой выдавали в ней паладина очень недурственного уровня силы. На внешности Виктор, зная Клариссу, внимание не акцентировал, и выводов касательно талантливости незнакомки не делал, но факты подмечал со всем тщанием. И эта служительница обладала силой, не столь значительно уступающей мощи самого Артура.

Уверенный четвёртый ранг, если судить по плотности и скорости потоков, и четвёртый с половиной – если обращать внимание на взаимодействие маны девушки с доспехом и оружием. Как когда-то сказал Наом, работать с артефактами без механических органов управления могут вирфорты начиная с пятого ранга включительно. До этого момента им просто не хватает контроля, дабы манипулировать маной достаточно тонко. Паладинша же эта взаимодействовала с бронёй и необычным мечом не как с обычным металлом, который вирфорты так любили напитывать маной. Она действовала куда тоньше, запитывая имеющиеся в обозначенных предметах структуры без повреждения оных. На полноценное взаимодействие это не тянуло, так как сами артефакты были выполнены «под вирфорта», отчего пятый ранг ей Виктор давать не собирался. Но даже так, от эталона она ушла не далеко.

Ещё немного полюбовавшись крайне интересным мечом с причудливой гардой, представляющей собой «корзину» из защищающих держащую оружие руку стальных крыльев внушительной толщины, Виктор не без труда переключил внимание на хозяйку клинка. Не отличающаяся статью, девушка, тем не менее, была достаточно высока для того, чтобы уступать Артуру всего пол-голова, но вот шириной плеч проигрывала паладину более, чем вдвое. При том она не отказалась от длинных волос, как множество других воительниц, и прямо сейчас каштановый водопад выгодно подчёркивал изящные, пусть и слегка заострённые, хищные черты лица. Аккуратный носик, тонкая линия губ и застывшие в вечном прищуре, серебрящиеся в лучах клонящегося к горизонту солнца глаза завершали картину, делая ту в полной мере гармоничной.

В этот раз проклятому куда сложнее было оторвать взгляд и сосредоточиться на восприятии, отчего последняя выпущенная артефактом магическая стрела попала не в верхнюю точку внешнего круга установленной специально для этих целей мишени, а в «яблочко». Что ни говори, а с точностью у проклятого было всё весьма хорошо даже несмотря на то, что с настоящим луком он был исключительно на «вы».

К моменту, когда «делегация от церкви» ступила на территорию полигона, Виктор умудрился воспроизвести заклинание очистки, мигом приведя себя в относительный порядок. И даже до рубахи добрался, успев скрыть голый торс за слоем грубой, холщовой ткани, в послед-

нее время так полюбившейся парню. После тренировок он не носил ничего другого, что, несомненно, вызывало вопросы у слуг и других Бельвиосов.

Правда, озвучивать их никто не спешил.

– Виктор.

– Артур. – Проклятый, выступивший навстречу гостям, приветственно кивнул. И в мыслях посетовал на то, что здесь и сейчас с ним не было ни Торана, ни Грата.

– Я рад представить тебе моих товарищей по вере, избранных для становления твоими наставниками. – Мужчина отступил на полшага, половиной корпуса повернувшись к старику-служителю. – Старший служитель церкви, Оран Гезелер. До недавних пор он был одним из хранителей архивов, но возраст и необходимость назначения наставника для нового Святого вынудили его оставить свой пост...

В словах Наом себя явно не ограничивал, помянув и возраст старика, и то, что того сняли с поста исключительно ради обучения Святого. Впрочем, судя по тому, что Артур успел поведать подопечному касательно его статуса в церкви, обучение святых считалось за немалую такую честь, и кому попало это дело не доверяли. Банально потому, что святых было мало – в лучшем случае один за десяток лет. А примазаться к становлению, в перспективе, легендарной личности хотели многие.

– И паладин, формально – капитан, Аннет дор Пария. Четвёртый ранг, внушительный боевой опыт и, бесспорно, талант. К твоему, Виктор, сведению – среди прочих рыцарей ордена она считается эталонным убийцей магов.

– Учиться у вас будет для меня большой честью. – Виктор даже не покривил душой, ибо наставников такого калибра у него даже в роду было мало. В том плане, что быть-то они были, но даже гения лично обучали всего – ничего. А уж убийца магов... этот сомнительный на первый взгляд титул дорогого стоил, ибо вирфортов, способных потягаться с магами в лобовом столкновении было до смешного мало. – Я выражаю свою искреннюю надежду на то, что наша совместная работа будет воистину плодотворной.

– Искусству изящной словесности тебя обучили, но что насчёт углублённых знаний? – Старик прищурился и улыбнулся, взглядом оценивая нового ученика.

– О моём общем образовании, как и о магическом, вы можете не беспокоиться, наставник Оран. Я изучил всё, что мог предоставить мне род как аристократу и, некогда, магу. Без лишней скромности могу сказать, что в плане знаний я не уступлю ни одному человеку своего возраста. – Сказано всё это было без излишней серьёзности, и тем же тоном, которым старик задал свой вопрос.

– Тогда мы бесспорно найдём общий язык. Бесспорно! – Служитель покивал в такт своим мыслям, не став развивать диалог.

Таким незамысловатым образом он не просто оставил важные, не терпящие спешки разговоры на потом, но и уступил «место в очереди» своей молодой и горячей напарнице. А уже та не стала медлить, выступив вперёд и вопросительно взглянув на Виктора. Одновременно она вздёрнула бровь и сложила руки на груди, что, по мнению парня, должно было быть в высшей мере неудобно. Всё-таки она носила нагрудник, а снаружи тот был отнюдь не мягким.

– Значит, это из тебя нужно сделать достойного воина. Предпочтения в плане оружия есть? Навыки?

– Меня не слишком активно обучали именно бою, наставница. В основном общая физическая подготовка и ознакомление с разными видами оружия...

– Но как-то ты с нежитью сражался, верно? Что использовал?

– Меч. – Виктор хотел уточнить, что ничего другого под рукой тогда просто не оказалось, да только кто ему дал это сделать?

– Это всё упрощает, так как я владею именно мечом. Непростым, как можно заметить...

– Отточенным, привычным движением девушка обнажила клинок, который действительно

сложно было назвать обычным. И дело было не только в увесистой гарде, которая, казалось, при должной напитке маной должна стать не менее прочной, чем само лезвие, но и в форме этого самого лезвия. По всей его длине оно было волнистым, напоминая могучие двуручные фламберги, но с куда плотнее расположенными «буграми». А ещё это оружие не дотягивало до меча по габаритам, но и рапирой, даже тяжёлой, его назвать было сложно. Слишком похоже на палаш, но опять же – ни разу не он. – Такой клинок именуют скьявоной, и я надеюсь, что ты овладеешь им на высоком уровне.

– Я приложу для этого все усилия. – Спорить? Что-то доказывать? Толкать длинные речи, дабы объяснить дочери неизвестного благородного рода своё видение ситуации с наиболее подходящим оружием? Виктор не стал делать ничего из этого, ибо видел это действием не особо нужным в нынешних обстоятельствах. Как-никак, здесь и сейчас происходило лишь представление перед наставниками, а о деле они в любом случае будут говорить когда-нибудь потом. Скорее всего – в дороге, ибо откладывать отбытие в столицу никто, насколько проклятому было известно, не собирался.

– Я бы хотела сразу проверить, на что ты способен...

– Аннет. – Слово взял Артур. – Позже, хорошо? Тем более, Виктор явно не на пике своих возможностей...

– Так даже лучше. – Девушка фыркнула. – Что нам эти пятнадцать минут? Зато вы, святой Наом, тоже получите некоторое представление о навыках нашего подопечного на момент, скажем так, начала обучения.

Видимо, взор Виктора был достаточно красноречив, чтобы требовать с мужчины дополнительные пояснения.

– Я выступаю твоим куратором, Виктор. Именно мне предстоит оценивать твой прогресс и, если это будет необходимо, вносить необходимые коррективы в процесс обучения. – А так же участников этого процесса, что было понятно из контекста. – По вопросам, касающимся обучения в целом тебе тоже придётся обращаться ко мне. И... действуй, Аннет. Пятнадцать минут, и ни секундой более.

Очевидно, просто выдать «святому» двоих наставников и самоустраниться от его судьбы в планы церкви не входило. Этой организации была нужна сверхэффективная единица, и пускать развитие отпрыска Бельвиосов на самотёк никто не собирался. А Артур Наом, по всей видимости, был наиболее подходящим кандидатом на роль не наставника, но старшего товарища. Всё-таки паладин тоже был святым, пусть и старался не акцентировать на этом внимание, как по итогу мысленно подметил проклятый.

– Что насчёт оружия?

– Всё предусмотрено. – Девушка сняла со спины кожаную сумку, из которой спустя десяток секунд появилась ещё одна скьявона, но попроще. Никакой корзинки из крыльев – лишь кованые, сугубо функциональные «листья», да и металл явно не походил на хорошо проводящий ману сплав. Впрочем, многое ли требуется от учебного оружия? То-то и оно. – Покажи, на что ты способен с мечом. По моей команде задействуешь и свою необычную силу. И не сдерживайся, если я не скажу обратного.

«Подстраховалась, умница какая» – подумал проклятый, приняв клинок и взвесив его в руках. Насколько Виктор вообще мог судить, баланс у этой необычной пырялки-рубилки был вполне себе классическим и близким к тому, что Кларисса называла идеальным для классического меча. Но вот проблема: как раз классическим мечом скьявона и не была...

Отступив на десяток шагов от противницы, Виктор оценил её рост, длину рук и, предположительно, подвижность, после чего вполне себе осмысленно сформировал в голове некий приоритет движений. Тактика для этого учебного боя выработалась моментально, а после отмашки, которую дал застывший чуть поодаль вместе со стариком Наом, была применена по прямому назначению.

Проклятый отдавал себе отчёт в том, что ни в скорости, ни в силе, ни в техничности ему с Аннет не тягаться. Но сделать всё для того, чтобы показать максимум своих возможностей он мог. Тем более, что после той тёмной ночи и предшествующего ей вечера он убедился в том, что совсем уж слабым его уже назвать нельзя. Да, самого дна второго ранга было недостаточно, чтобы что-то из себя представлять в этом мире, но и никем проклятый более не был.

Потому сейчас, глядя перед собой обычным зрением и охватывая зону радиусом в десяток метров восприятием, Виктор старался продемонстрировать всё, что умел. Мана яростными потоками протекала по телу, придавая парню нечеловеческие силу и скорость, а опыт спаррингов с Клариссой не позволял попасться на детские обманки, в обилии используемые паладиншей. Каждый её выпад, каждый удар, каждый манёвр были включены в общую схему, и велико вполне конкретным ловушкам. Но ни спустя минуту, ни спустя две Виктор не попался ни на одну, а после Аннет, разорвав дистанцию неуловимым рывком, дала отмашку на использование крыльев.

И Виктор не стал тянуть, позволив мане излиться вовне, сформировав четыре заикленных водяных плети. На само создание крыльев проклятому требовалась секунда. На стабилизацию потоков и адаптацию системы циркуляции к новым «конечностям» – ещё полторы. Но несмотря на внушительные по меркам скоротечной схватки сроки, недвижимой статуей в процессе парень точно не оказался, предпочтя сразу перейти в наступление. И за время, понадобившееся ему на сокращение дистанции и обмен парой ударов крылья обрели целостность, моментально включившись в сражение. И наставнице, дабы не попасть впросак, пришлось наращивать скорость своих движений, выбиваясь из «образа» примерно равного ученику по силам противника. Шутка ли – четыре крыла и меч, полностью подконтрольные одному человеку? Даже посредственные навыки боя не играли здесь большой роли, так как теперь Виктор на восемьдесят процентов полагался на, по сути, две пары смертоносных рук, способных вытягиваться на несколько метров, изгибаться, как душе угодно и разить на разной дистанции. И владел он этими конечностями превосходно, так, словно он был с ними рождён. Таким свойством, – контролем над обрётёнными силами, – обладали все святые, и Виктор исключением не был.

Тем не менее, для девушки подобные способности оказались явно большой новостью. Даже Артур Наом сохранял на лице полную сосредоточенность, а его поза выдавала готовность вмешаться в любую секунду, ибо именно в бою он «святого» пока не видел. И сейчас был приятно удивлён, так как парень уверенно теснил «ослабленную» версию наставницы, которой техника владения мечом не очень-то и помогала. Артур, будучи опытным воином, на самом деле несколько лет назад разменявшим четвёртый десяток, понимал, в чём была проблема Аннет. Её школа боя была направлена на противостояние людям, в то время как Виктор дрался совсем не как человек.

Определённо, движения его рук читались точно открытая книга, ибо маскировать намерения и менять движения по ходу дела тот не умел. Вот только основной силой юноши являлись его крылья, которые, если говорить честно, практически не читались. Бельвиос мог передвигаться с их помощью, а мог разить всеми четырьмя. Мог защищаться, а мог только маневрировать, выгадывая подходящий момент для атаки и дразня оппонента. Как боец он даже сейчас был невероятно гибким, а плотность его маны откровенно пугала. В таком возрасте не всякий гений обладал подобными характеристиками, и уж тем более ни один вирфорт не контролировал ману с такой точностью. Обычно мастерам тела это просто было не нужно, так как своё они брали голой мощью и куда как более быстрым, – по большей части, – развитием относительно магов.

Там, где среднестатистический маг достигал второго круга, вирфорт добирался до четвёртого ранга. Не все были столь же гениальными, как Бельвиосы, и не у всех было столько опыта во возвращении боевых магов, в то время как вирфорт не «ковал» только ленивый.

И получалось так, что на одного мага на континенте приходилось с десятков условно равных им вирфортов. Правда, чем выше был ранг, тем меньше вирфортов оставалось на одного мага ввиду высокой смертности растущих только в бою воинов, но общая картина всё равно складывалась не в пользу искусных ткачей магической паутины.

И уж точно никто не пытался сделать вирфорта из мага, что, судя по наблюдаемой Артуром Наомом картине, было подходом ошибочным. По прибытии в столицу паладин твёрдо вознамерился инициировать эксперимент по возвращению вирфортов из магов. Это будет затратно и глупо в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной этот подход мог обеспечить появление натуральных монстров – вирфортов, которые будут оперировать маной так, как это делал Виктор ван Бельвиос. Точно, изящно... и смертоносно.

Инстинктивно паладин положил руку на рукоять висящего на поясе меча и чуть наклонился вперёд, разогнав ману в теле до крайне высоких, «боевых» скоростей. Виктор, выкрикнув противнице что-то о необходимости подналечь на защиту, начал странным образом концентрировать ману в основании крыльев, явно готовясь ту выплеснуть. На словах Артур знал, что это за техника и на что она способна, но вот живую всё оказалось намного примечательнее. Паладин смотрел и ощущал, но не видел никаких пределов насыщения крыльев маной. Словно те могли пропустить через себя хоть весь резерв, что, бесспорно, делало нового Святого чрезвычайно опасным противником. Такой может разорвать в клочки даже многократно более сильного врага, случись тому совершить ошибку и позволить себя атаковать.

Паладин обнажил меч и влил в металл свою ману, после чего совершил стремительный, а для всех присутствующих – почти моментальный рывок вперёд. Проверять, выдержит ли Аннет такой выброс маны без вреда для себя мужчина не собирался, и потому решил взять всё в свои руки, оттолкнув девушку и встретив подступающую волну со всей серьёзностью, на которую в принципе был способен Святой вирфорт пятого ранга.

Его меч объяло холодное синее пламя кипящей маны, а земля под ногами пошла трещинами, в которых вспыхнул тех же оттенков огонь. Стойка, своевременный взмах – и волна, которую, казалось, не может остановить ничто и никто, столкнулась с оружием паладина, навалившись на него и остановившись. На какие-то доли секунды всё стихло, а после мужчина начал доворачивать запястье, и необычная вода, поколебавшись немного, позволила себя рассечь, многотонной кувалдой ударив по земле перед паладином. Финал наступил через пару секунд, когда поток ослаб и рассеялся, затопив полигон каким-то совершенно невразумительным количеством стихийно проявленной маны.

И посреди всего этого стоял вполне себе свежий Виктор, вложивший в удар от силы пятую часть своего не в меру плотного резерва.

– Я всё-таки перегнул палку, да?..

Заданный извиняющимся тоном вопрос заставил Артура усмехнуться. Перегнул... очевидно, стоило донести до подопечного информацию о том, что таким потоком он может запросто убить вирфорта ранга так до третьего включительно, если тот, конечно, не специализируется на защите. Аннет он бы немного ранил и повредил доспехи, но и это для человека, тренирующегося чуть больше года, результат невероятный. Что можно вылепить из такой «заготовки» при должном подходе – вопрос сложный. Но Артур считал, что боевой потенциал его подопечного не уступал его собственному, а то и превосходил его.

А уж как оно на самом деле – покажет время.

Глава 21

Этим же вечером Виктор, вырвавшись из цепкой хватки наставников, которым не терпелось понять, что за глина такая попала в их руки, посетил одно из складских полуподземных помещений поместья. Здесь изначально складировалось всё то, что проклятый собирался взять с собой в столицу, и большую часть этого всего составляли станки и инструменты, которые имело смысл везти с собой. По большей части это были изделия с востока и, частично, с севера, ибо даже там находились мастера, у творений которых не было сносных аналогов. И что самое забавное, до поры проклятый даже не знал, что всё обстоит именно так, ибо закупки он поручил Дрофэру, тому самому полукровке, которому и предстояло в дальнейшем корпеть над созданием ценных магических предметов.

– Всё готово к транспортировке?

– Практически, Виктор. – Наедине и там, где не было лишних глаз, полутарбит обращался к хозяину по имени. А после отбытия в столицу такое обращение и вовсе должно будет стать нормой, так как одним из пунктов их «соглашения» было как раз-таки молчание о статусе полукровки. – Вчера я закончил с последним контейнером для резцов и щекотлов. Твоя семья хоть и магическая, но артефакторикой, увы, пренебрегает...

– Практически все артефакты, которые ты видишь сейчас на мне, сделаны нашими мастерами. Просто вопрос перевозки оборудования куда-либо перед Бельвиосами никогда не стоял. – Виктор пожал плечами, закончив обходить по кругу «свой» угол на складе. Выходило, что только здесь добра будет на две с половиной телеги. – А ещё я обязан сказать, что говоря тебе о необходимости подготовить оборудование для мастерской я рассчитывал на куда меньшие... объёмы.

Ссылаться на деньги парень не стал, ибо в них он изначально Дрофэра не очень-то и ограничивал, посчитав, что отдать горсть золотых монет сейчас лучше, чем полный кошель – потом, в столице, где цены на изделия из некоторых далёких регионов и соседних стран были заметно выше, чем в Тарбиллиане.

– Если нам нужна мастерская, Виктор, то и инструмента потребуется много. А в столице потребуется ещё и подмастерий нанять, что б рутинную работу было на кого оставить. – Видимо, во взгляде третьего сына промелькнуло что-то такое, заставившее полукровку продолжить. – Работать в одиночку, да с примитивным инструментом себе могут позволить только те, для кого окупаемость стоит на самом последнем месте.

– Говоришь так, словно у тебя уже был опыт такого дела.

– Был. – Дрофэр отложил в сторону тряпицу, полюбовавшись любовно отполированным металлическим бруском, в котором были протравлены дорожки для дальнейшей работы. – Я полукровка, Виктор. И в родном городе мне приходилось работать с малых лет, преследуя чужие интересы. Не то, чтобы я был этим недоволен, ведь меня допустили до святая святых моего народа: до артефакторики...

– Это многое объясняет. – Стало ясно, почему полутарбит изначально был совсем не против работы над артефактами и говорил о прибылях и мастерской с такой уверенностью. Ну и его отношение к собственному статусу тоже стало хоть сколь-нибудь объяснимым. – Но почему ты раньше об этом не говорил?

– Ты не спрашивал, а навязываться или что-то обещать я не люблю. Как и все тарбиты, между прочим.

– Буду иметь ввиду. От меня ещё что-то потребуется?

– Едва ли. Всё, что можно было подготовить, мы подготовили, а последний контейнер я упакую уже сегодня. Собственно, этим я и планировал сейчас заниматься...

Столь толстая просьба не отвлекать полукровку от работы была замечена и понята, но у Виктора ещё оставались вопросы. Или, что вернее, всего один вопрос, касающийся возможности своими силами улучшить тренировочную болванку, переданную проклятому наставницей. Скъявона, это незаконнорожденное дитя палаша и тяжёлой рапиры, понравилась парню, а ведь орудовал он ей всего пару часов. Орудовал – и смотрел за тем, как с таким же оружием управляется Аннет, в мастерстве которой не было и не могло быть никаких сомнений.

– Последний вопрос, Дрофэр. Ты можешь укрепить этот меч без потерь в пластичности клинка? – Полукровка на удивление быстро оказался рядом с хозяином, приняв из его рук покоящийся в простеньких ножнах тренировочный меч. Впрочем, «тренировочность» его проявлялась лишь в некоторой простоте материалов и исполнения, да отсутствия артефактной структуры. И последнее можно было исправить довольно простым, практически поверхностным вмешательством. Виктор собирался собственноручно разработать схему такой модификации, но только в том случае, если полутарбит не предложит ничего дельного со своей стороны.

Опыт у него, как оказалось, был весьма обширный.

– Хм-м-м... – Дрофэр взвесил оружие в руке, обнажил клинок и пристально тот оглядел. Даже несколько частичек маны в металл послал, проверяя металл и прикидывая, что с таким материалом можно сделать. – Для боя лучше отковать новый. Можно переделать и этот, но смысла в том хрен да маленько.

– Это меч для тренировок. Просто мне очень не хотелось бы, чтобы он переломился на полпути в столицу. – Что вполне могло произойти, учитывая тот напор и силу, с которой Аннет порой наносила удары. По идее, опытный и сильный вирфорт мог сносно сражаться даже веткой, но проклятый не был в себе настолько уверен. Кое-какие потуги в напивании маной оружия он уже предпринимал, и это даже было довольно эффективно, но одна ошибка – и меч переломится. Доработка артефактором эту проблему решит всецело, ибо там потеря контроля уже будет не столь критична.

– Так сразу и надо было сказать. Заберёшь завтра вечером. – С этими словами Дрофэр аккуратно положил меч на одну из коробок. – Сделаю так, что его даже при желании переломить не получится. Но рубить и резать он будет паршиво.

– Ну и отлично. – Парень хмыкнул. Не то, чтобы ему было очень надо калечить спарринг-партнёров. – Спасибо. Завтра определится день отбытия, так что вечером, часов так в десять пополудни, я посету ваше жилище и лично объявлю, что, как и куда.

– Я передам эту весть. – Полукровка довольно глубоко поклонился, на что Виктор, впрочем, внимания не обратил. Мыслями он уже был где-то далеко, так что прощание вышло автоматическим, чисто формальным. Потому-то Дрофэр ещё долго сверлил взглядом дверь, раздумывая над тем, что, возможно, судьба раба на службе у этого человека не хуже многих прочих.

Искренняя благодарность среди тарбитов дорогого стоила, и выросший среди этого народа полукровка умел отличать лицемерие от чистых слов и поступков. Так вышло и сейчас: сам того не заметив, Виктор сказал рабу-артефактору куда больше, чем, по собственному мнению, мог. Для него этот разговор был всего лишь разговором, а для Дрофэра – переломным моментом, точкой выбора между служением отпрыску Бельвиосов и отправкой на вольные хлеба. Что ни говори, а артефактору, за которым практически не присматривают, сбежать – что под ноги сплюнуть. Даже усилий прилагать было не надо.

Но Виктор не нарушал своего слова, и Дрофэр не собирался нарушать своего.

К своим покойам Виктор подходил с чистым разумом и лёгкостью на душе, ибо основная масса проблем, на которые он мог как-то повлиять, разрешилась – так или иначе. Присланные церковью наставники оказались в плане знаний и навыков выше всяких похвал. Ну а что до характеров, то привыкнуть к карикатурной весёлости Орана Гезелера и лицемерной стервозности Аннет дор Парии поможет время. Все люди разные, и Виктор не видел проблемы в том, что

кто-то может ему не нравиться или раздражать. Он и сам со своими особенностями мимики и обусловленным обстоятельствами характером мог многим показаться тем ещё засранцем, так что же – застрелиться теперь?

А о Клариссе, на которую Аннет местами слишком сильно походила, Виктор намеревался забыть. И любопытство, вызванное запечатлённым в изученной доктрине образом, не могло ничего изменить. Быть может, при случае третий сын почившего графа и наведёт справки о путешествиях человека, опыт которой служил основой довольно известной доктрины, но целенаправленно этим заниматься... Увольте. Всё равно он как вирфорт был не ровня Клариссе, и ровней станет совсем нескоро. Изводить себя желанием отомстить, гневом и прочими тёмными чувствами проклятый считал делом джоже бессмысленным. Особенно на фоне реально полезных вещей, которые могли, в перспективе, принести пользу. Будь то попытки попасть на изнанку или даже работа над воздействием на чужие души...

Потянув на себя тяжёлую дверь своих покоев, Виктор ступил в прихожую. Та выглядела пустой и безжизненной, чего не бывало в те дни, когда Лиса навещала своего любовника, самовольно или по приглашению.

«Значит, у меня есть час-другой для других, реально важных дел...» – подумал проклятый, устраивая верхнюю одежду на свободной вешалке. – «Изнанка? А почему бы и нет?..».

Одиночество, тишина и никаких дел. Обстановка подталкивала Виктора к очередной попытке проникнуть в измерение маны, место, в котором тайное становилось явью, а то, что маги постигали десятилетиями, раскрывалось за часы. Изнанка была соткана из маны, с отражением которой люди пытались взаимодействовать в материальном мире. И одно только это говорило о многом, полностью объясняя своего рода одержимость, требующую от Виктора раз за разом пытаться туда попасть.

И проклятый пытался, игнорируя существенные риски.

С комфортом устроившись на своей постели, парень закрыл глаза, в этот раз решив сосредоточиться не на призрачном выходе из тела, а на чём-то более реальном и осязаемом. На мане, которая струилась в его теле неудержимым потоком независимо от того, хотел он того или нет. Да-да, тренировки дали свои плоды, и теперь циркуляция маны происходила как бы сама собой, и заметно быстрее, чем можно ожидать. При попытке это осознать стабильно работающая система разваливалась, отдавая всё на ручной контроль, но аналогичный процесс человек мог воспроизвести буквально со всем тем, что делал инстинктивно. Поддержание баланса, дыхание, движение – подсознательное можно было «отстранить от руля», начав действовать куда эффективнее, но ресурсы мозга безграничными не были даже у практиков и магов.

Впрочем, ускорять циркуляцию для, например, боя, Виктору всё ещё приходилось осознанно, и он подозревал, что так будет всегда. Схватка подразумевала выход за пределы, а подсознательное само по себе на такое было не способно. Как не могло оно и ослабить подконтрольное себе, чем проклятый, немного подумав, и решил заняться. Началось постепенное снижение скорости циркуляции маны вплоть до того самого момента, когда это стало вызывать не просто неприятную, но опасную боль. Не без удивления, но Виктор почувствовал, как его тело начало... не умирать, но готовиться к этому неприятному процессу. Даже восприятие – и то ослабло, колеблясь, словно пламя свечи на ветру, а уж оно проклятого никогда ещё не подводило.

А стоило ему только «отпустить» контроль над маной, как та хлынула по проторенным дорожкам, причиняя боль куда большую, чем была от её сдерживания. Правда, Виктор оценить сюрприз уже не мог, так как взирал на окружающий, искажившийся и лишившийся красок мир не совсем с той стороны, с которой должен был. Он не покинул тело, как в прошлый раз, но частично вывалился из него, и теперь одним глазом созерцал своё внутреннее строение, – из маны и только из неё, естественно, – а другим осматривал окружающий мир. Картина получалась в высшей мере странной, и опущенные веки Виктору не только не помогли,

но и помешали, ибо это простое действие позволило ему узреть всё вокруг себя. Обзор на триста шестьдесят градусов не с одной точки, и даже не с двух. Казалось, что каждая частичка тела, – или маны? – проклятого может одинаково хорошо взирать на мир. Это пугало, путало и мешало. Колоссальным молотом било по разуму, защищённому тонкой прослойкой самоконтроля и силы воли.

Благо, последним Виктор был не обделён. Не сразу, но довольно быстро он справился с надвигающимся сенсорным шоком, ограничив свой взор и загнав в привычные рамки. Тогда и только тогда он смог обратить внимание на своё тело, которое на этот раз умирать не спешило. Мана текла в нём, как должно, все органы идеально работали, и лишь сердце маны, самый главный орган мага, дрожал от напряжения. Словно что-то давило на него, испытывало на прочность... и угрожало.

Лишь это удержало Виктора от того, чтобы незамедлительно приступить к столь желанному наблюдению и экспериментам.

– Речь... – Ни единого слова не вырвалось из того, что ныне было телом проклятого, но вместо этого пространство практически незаметно задрожало от разошедшегося по округе мыслеобраза. И стоило этому случиться, стоило Виктору осознать им же выпущенный мыслеобраз, как мешанина, своего рода фон вокруг него перестал ощущаться таковым. Он лишился целостности, распался на сотни кусков – и оказался не мыслями, но общими течениями таковых. И думали в сердце частично разрушенного поместья все, начиная от слуг, выполняющих свою работу в подступившей вместе с ночью тьме, и заканчивая другими носителями крови Бельвиосов. Кто-то из них читался как открытая книга: то были дети, изредка – подростки. С кем-то всё было много сложнее, ибо зрелые личности оказались защищены от такого рода «прослушки», и их волнах удавалось разобрать лишь эмоциональный настрой, предстающий перед сторонним наблюдателем в форме мазка, собравшего в себе сотни разных красок. Были в этих категориях и исключения, но слишком редкие и, скажем так, специфические. Не по годам развитый мальчишка, размышляющий о сути магии и её месте в жизни, читался хуже, чем недалёкий, простой, как топор, прямолинейный садовник, мысли которого занимала лишь красота растений и ничего больше. Сравнение весьма грубое, но хорошо отражающее картину, представшую перед Виктором в этот раз.

И с тем, что он видел тогда, нынешняя изнанка в деталях имела слишком мало общего. Контуры, сам фундамент, вроде бы остался тем же, но наполнение кардинально поменялось. Было ли это следствием искажения восприятия в те минуты, когда Виктор оказался не очень далеко от своего последнего вздоха, или же причины были иными – сказать невозможно. Слишком мало данных было у проклятого, и слишком разношёрстной оказалась впитываемая им информация. Виктор ощущал себя глухим, слепым и парализованным человеком, который неожиданно обрёл всё утраченное прямо посреди забитой людьми ярмарочной площади. Отличить одно от другого было крайне сложно, но проклятый честно пытался это сделать. Примитивно обособливался от всё новых и новых элементов, пытаясь привести изнанку в некое подобие порядка.

Ведь в первую очередь его охочий до новых знаний ум интересовала, всё-таки, собственная безопасность. Изнанка не могла быть мирным и светлым местом, так как именно здесь, теоретически, рождались тёмные. И отсюда в материальный мир лезли демоны, с которыми так рьяно боролась церковь.

Но чем дольше Виктор смотрел, чем дольше вслушивался, чем шире взирал на изнанку, возвращая собственноручно задвинутое как можно глубже – тем чётче понимал, что работы тут не на день, не на неделю и не на месяц. На изнанке придётся провести много лет, чтобы просто разобраться, что она из себя представляет и как здесь существовать простому, – ха-ха! – человеческому разуму. Что же до чуждых форм жизни, то здесь и сейчас Виктор никого и

ничего не наблюдал. Вот только «экспедиция» заканчиваться на этой ноте не торопилась, ибо проклятого вело вперёд любопытство.

То самое, что одинаково часто губило и возносило как целые цивилизации, так и отдельных их представителей...

Глава 22

«Входит, выходит. Замечательно выходит...».

Уже практически целый час Виктор находился на изнанке, но до сих пор многое оставалось для него непонятным. Как, например, его «тело» в этом измерении. Откуда оно взялось и что из себя представляет, видимо ли там, в материальном мире? Ведь если опираться на раннюю теорию о том, что мана в материальном измерении есть просто отражение маны здесь, то прямо сейчас по комнате третьего сына почившего графа должен бродить светящийся фантом, в то время как сам парень – лежать в постели с мизерными объёмами маны. Но восприятие, – если так можно назвать обобщение всех органов чувств на изнанке, – упрямо твердило, что как раз-таки маны в теле Виктора ван Бельвиоса ровно столько, сколько и должно быть в обычном уставшем состоянии.

И при этом Виктор-на-изнанке обладал колоссальными запасами, которые, так-то, не могли болтаться по этому измерению отдельно от маны в его материальном теле. Ведь если мана в материальном мире есть отражение маны на изнанке, то оторваться от тела, оставив в том ману, проклятый не мог просто никак. Но он оторвался, и на мане в материальном мире это никак не сказалось.

Теория маны плавно превращалась в, простите, четырежды переваренный кал.

Так или иначе, но перемещаться и сносно ориентироваться как минимум в пределах своей комнаты проклятый научился. Правда, понимания ему это не принесло, и едва ли принесёт в ближайшие годы. Изнанка «работала» по другим законам, которые нужно было изучать. И почему-то проклятый сомневался в том, что одиночка в принципе может это сделать. Что люди в родном мире практика, что люди в этом изучали мир вокруг себя на протяжении многих веков, и до сих пор ни там, ни там не понимали мироздание целиком и полностью. Даже наполовину вряд ли понимали, если говорить честно. А это значит, что приоритеты Виктору всё-таки придётся изменить, перенацелившись с простого познания на познание с извлечением практической пользы в моменте.

В следующий раз Виктор твёрдо вознамерился заняться изучением своего физического тела, в частности – каналов, по которым ныне двигались потоки маны, и неиспользуемых из-за проклятия линий жизни. Сейчас же проклятый ограничился освоением базиса по существованию на изнанке, после чего лёг, – буквально, – в своё тело, предприняв первую попытку вернуться. Вот только просто лечь на место оказалось явно недостаточно, и Виктор задумался. Ничего не зная об изнанке и её природе, по сути впервые осознанно покинув тело, мог ли он догадаться о том, как в него вернуться? Осознанно – едва ли. Но проклятый шёл по жизни рука об руку со своей интуицией, которая не подвела его и сейчас.

Взяв под контроль потоки маны в теле-которое-не-тело, Виктор попытался синхронизировать её течения с аналогичными в физической оболочке. И чем дальше заходил процесс, тем меньше оставалось от тела-не-тела, и тем чётче проклятый начинал ощущать своё привычное вместилище. Удивительно, но вид на изнанку пропал лишь в самом конце, когда Виктор мог даже руками-ногами худо-бедно шевелить. Отметив этот очень важный факт, проклятый первым делом замер, выровнял сбившееся на мгновение дыхание и начал со всем тщанием проверять состояние своего тела и, что важнее, маны.

Концепция использования маны с изнанки всё ещё ускользала от Виктора, так как по ту сторону он буквально не видел вариантов позаимствовать даже частичку внушительной мощи. Но не исключал того, что процесс мог быть пассивным, и протекать сам по себе. Что-то вроде смещения жидкостей или, чего уж мелочиться, диффузии. Собственно, по этой причине ещё полчаса парень провёл за тщательнейшим изучением своей маны, не найдя в той ничего лишнего.

– Даже как-то подозрительно...

Развалившись на простынях, Виктор заметил, что его сердце маны уже почти отошло от навалившейся из ниоткуда нагрузки. Собственно, для этого органа пребывание на изнанке прошло ничуть не проще тренировки с очень активным применением маны, но причина, опять же, ускользала от понимания проклятого. Нагрузки по факту не было, но сердце отчего-то напрягалось.

– Какая-то связь между телом материальным и телом на изнанке всё-таки существует? Способы проверить, конечно, есть, но приятного в этом... – Поморщившись, Виктор всё-таки решился на наиболее оптимальный опыт. Ничего серьёзного или страшного: всего лишь временное исключение мизинца левой ноги из круга циркуляции маны. Уже следующим вечером можно будет увидеть эффект, выйти на изнанку и проверить, повлияло ли это на местное тело. И если результат покажет себя, Виктору придётся продолжить эти жизненно необходимые эксперименты над самим собой. Понять, как изнанка взаимодействует с оказавшимся на той стороне человеком было критически важно, и перед этим меркли любые другие проблемы кроме, разве что, тренировок, необходимых для выживания. – А ведь по дороге в столицу на изнанку выбраться вряд ли получится. Что, если люди церкви могут это обнаружить? Слишком рискованно...

Виктор и так поступил не слишком разумно, ибо в стенах поместья ныне проживали не последние в плане силы и навыков церковники, но тут он мог хотя бы надеяться на фон, создаваемый стенами обители Бельвиосов. Особенно сейчас, когда все уцелевшие системы защиты были приведены в полную готовность. Их бы всегда такими держать, да только маны на это удовольствие не напасёшься. Но экономия привела к тому, к чему привела, так или иначе. Логика тут проста: если незваного гостя от тебя отделяет дверь на засове, который можно тихонько открыть изнутри, то это одно. А если вместо деревянной двери возвышаются могучие ворота, открыть которые без шума едва ли получится – это совсем, совсем другое. Бельвиосы забылись, посчитали, что угроз на данный момент нет.

И об итоге уже судачат во всех знатных домах королевства, посмеиваясь над зазнайками, получившими по носу.

Перед тем, как лечь и уснуть, Виктор достал из своего стола небольшую пустую колбу, покрытую замысловатой вязью рун. Секунда – и в той оказался запечатан образец его нынешней маны. Не то, чтобы это было необходимо, но проклятый решил перебдеть. Если какие-то метаморфозы всё-таки будут происходить, и по каким-то причинам он их не заметит, на выручку придёт образец, который можно будет лоб-в-лоб сравнить с маной, наполняющей тело. И если последняя будет сильно отличаться...

Что ж, значит не так уж и неправы были те, кто говорил, что тёмным можно стать от одного лишь соприкосновения с изнанкой...

– Есть, что добавить, Оран? – Артур стоял, подпирая спиной каменную стену коридора, и пристально смотрел на лицо улыбчивого, добродушного старика. Лицемерием от того и не пахло, так как Гезелер действительно был самым светлым человеком из всех, кого паладин только знал. Вот только причина этой добродушности могла отвадить от такого наставника даже Виктора, который особой притязательностью не отличался.

– Я успел поговорить со многими, Артур, но так и не смог составить его однозначный портрет. Можно сказать даже, что за последние пару лет что слуги, что знать в этом поместье сталкивалась с тремя разными Викторами. Один существовал до травмы, второй после неё, а третий появился лишь несколько месяцев назад...

– Мы все понимаем, что такого не может быть. Больше конкретики, Оран. – Оборвала старика на полуслове Аннет. – Если, конечно, тебе есть, что сказать.

В ответ слугитель посмотрел на не в меру наглую девушку суровым взглядом.

– Виктор расчётлив, умен и импульсивен. За то, что считает своим, будет бороться до конца. Прецедентов не было, но всё указывает на это. – Несмотря на предшествующую этому пикировку, Аннет слушала «коллегу» не менее внимательно, чем Артур. – Очевидно так же, что он мало кому доверяет и предпочитает организовывать свою жизнь самостоятельно. Он основательно готовился к отправке на север, насколько я могу судить, но становление Святым эти планы порушило.

– Ха. Не столицей единой, Оран. Обучаться можно где угодно, было бы желание и наставники. – Своё веское слово снова вернула Аннет.

– Сейчас, насколько я, опять же, могу судить, Виктор разрывается между самосовершенствованием в качестве вирфорта и мирскими делами. Учитывая провальную попытку делегировать полномочия, конфликт интересов может выйти нам боком. Его следует направить...

– Подробнее про провальную попытку? – Артур требовательно взглянул на старика, которого это ничуть не смутило.

– Виктор пытался использовать грамотных слуг для поиска нужной ему информации в книгах. Безо всякого толку, как я и говорил. Рабы... с ними сложнее, ибо кроме самого юноши с ними мало кто контактировал, если не считать, конечно же, северянина. На него мне удалось собрать неплохое досье...

– Варвар нас не интересуется. – Отмахнулся паладин. – Предложения касательно того, как нам вывернуть ситуацию с этим конфликтом себе на пользу?

– Собственно, об этом я и пытался сказать. Юношу следует направить и наставить, показать, что его путь идёт бок о бок с церковью. Отлучить его от семьи и мирских дел едва ли возможно, но помочь с ними, постепенно изменив приоритеты... – Старик коварно прищурился. При том его лицо ничуть не изменилось, оставаясь всё таким же добродушным. – Пусть не за год, но за три или четыре года из него выйдет отличный Святой. Особенно если он будет в меру пестовать свою ненависть ко тьме.

– Значит ты считаешь, что Виктор может принести церкви большую пользу, но потребуются порядком вложиться людьми и ресурсами. Замечательно. – Артур покивал своим мыслям, после чего перевёл взгляд на Аннет. – Твои выводы?

– Если отбросить эти его крылья, то в боевом плане он недалеко ушёл от пустого места. – Девушка сложила руки под грудью. – Видно, что ему давали базу. Темпы его развития как вирфорта, опять же, пугающе велики. Но непосредственно бой... Оружием парень машет, как баннным веником. Двигается неплохо, но в отрыве от меча подвижность не имеет смысла. Тактическое планирование на довольно высоком уровне, но всё упирается в его навыки...

– Тебе так не понравилось то, как он орудовал твоей скьявоной? – В глазах Артура смешливо заплескали бесята. – Объективность, Аннет, объективность. Ты сможешь сделать из него достойного воина за пару лет?

– Если он будет налегать на тренировки так же, как здесь – да. – Девушка кивнула. – Даже за месяц, который мы проведём в пути, посещая все положенные святые места, из него можно вылепить что-то приемлемое. По крайней мере, ни один вирфорт третьего ранга или маг вплоть до пика второго круга для него проблемой не будет.

– Тогда этим и займись. Можешь действовать так, как сама сочтёшь нужным, и прибегать к любым методам. – С каждым словом Аннет выглядела всё более и более довольной, ибо любые ограничения были для неё большим бременем. – А ты, Оран, начни подготовку фундамента для дальнейшей работы наших коллег. На этом всё.

С этими словами прозрачный барьер, отрезавший церковников от окружающего мира растрескался и бесшумно осыпался ворохом осколков, а сам Артур направился в отведённые ему покои, напоследок бросив:

– И да благоволит вашим снам Лункос.

– Да благоволит...

– Господин, я прибыл с отчётом.

– Я весь внимание. – Деймос отвернулся от внушительных размеров окна, смерив вставшего на колено слугу нейтральным взглядом. – Что важное, или же?..

– Важное, господин. Как вы и предполагали, церковь рассчитывает завлечь вашего племянника в своё лоно. Один из наставников Виктора опросил множество людей, и даже встретился с агентами церкви в наших стенах. Их личности определены, и по одному вашему слову двуличники будут захвачены. – На несколько секунд мужчина замолчал, перевёл дух – и только после этого продолжил. – Помимо этого, нам удалось подтвердить лидерство Артура Наома. Он и формальный, и подлинный глава этой миссии церкви, в чём более нет никаких сомнений. И цель он преследует всё ту же: заполучить нового Святого, привязав того к церкви всеми возможными способами.

Немногим дольше минуты Деймос молчал, обдумывая услышанное. Для него не была секретом чрезвычайная ценность Виктора, ставшего Святым, но масштабы бедствия ещё только предстояло определить. Как минимум часть информаторов церкви уже была раскрыта, что радовало. Но сколько таковых величайшая сила континента оставила в тени, дабы сохранить эти источники на будущее, когда они смогут регулярно делиться добытыми тайнами рода Бельвиос?

Деймос этого не знал. Не знал, но рассчитывал на то, что его племянник не дастся церкви так просто, и не начнёт плясать под их дудку, значительно всё усложняя для своей семьи. Бельвиосам после такого позора и так приходится туго, а удар в спину от нового Святого может всё усложнить стократно.

– Мы... не будем вмешиваться. – Знал бы кто, чего стоили Деймосу эти слова. Но лидер на то и лидер, что иногда ему приходится принимать неприятные, тяжёлые решения. – Сделай так, чтобы в течение оставшихся суток мы раскрыли как можно больше людей церкви в наших рядах. Проверь даже самых низкоранговых слуг и тех, кто с ними как-то контактирует. Выполнять.

– Будет исполнено, господин!

Мужчина стремительно покинул кабинет, а ещё-не-глава поспешно опустился в кресло, откинувшись на обитую бархатом спинку. Ночь уже началась, а ему предстояло столько всего сделать...

Пожалуй, даже слишком много для простого, лишённого всякой магии человека.

Глава 23

Следующий день пролетел так, что поребённые делами и тренировками Виктор его, казалось, не заметил вовсе, и лишь вечер худо-бедно, но отпечатался в памяти парня. Дрофэр организовал присутствие всех рабов Виктора в одном месте, и даже собрал небольшую кучку слуг, которые изъявили желание следовать за Святым. К последним проклятый относился скептически, хоть и виду не казал. Мало ли, чья рука подтолкнула их в его сторону, и с какой целью это было проделано?

Впрочем, отказываться от дармовых рабочих рук Виктор тоже не стал, справедливо посчитав, что в столице ему пригодятся даже ненадёжные люди. Как минимум через них можно будет снабжать «хозяев» этих агентов пустым информационным шумом, забивая тем уши и притупляя их внимание. Да и дезинформировать Виктор чисто теоретически умел, и в случае стечения ряда обстоятельств вполне себе мог воспользоваться этим известным инструментом для подкрепления собственных интриг. Каких интриг, спросите? Столичных, господа, столичных. Это в Тарбиллиане молодым поколениям вовне семьи играть в такие игры было не с кем по понятным причинам. В сердце королевства всё было иначе, и аристократ, неспособный сражаться на незримом, но слышимом фронте был обречён изначально.

Даже если этот аристократ – Святой под протекторатом церкви.

Или особенно если он Святой?..

Так или иначе, но уже следующим утром Виктор выезжал за стены Тарбиллиана верхом на добром коне, по левую руку от вереницы повозок, из которых аж пять штук принадлежали именно ему. Скарб и люди, люди и скарб – так можно было описать, в общем-то, любой караван. Из всех отличий в нашем случае было только внешнее оформление: всюду, куда ни кинь взгляд, в поле зрения попадались знаки пантеона девяти. Да и самих церковников в качестве сопровождения тоже было прилично, плюс охрана от Бельвиосов и, собственно, «пассажиры». Не все из них ехали в повозках. Были и те, кто, как и Виктор, предпочёл ехать верхом. И оттого размеры вытянувшейся на добрых полкилометра гусеницы из людей, телег и животных казались ещё более впечатляющими.

Проклятому не в нове было видеть стольких путешественников в одном месте, ибо в его родном мире, на старушке-Земле, любая более-менее крупная столица вмещала в себя людей даже больше, чем обитало в королевстве Альтум-Нубиус. Соответственно и на дорогах там ажиотаж был такой, что караван длиной хоть в три километра «Ого-го!»-эффекта бы не вызвал. Но на фоне всего того, что Виктор видел в этом мире, их миссия выделялась. И особенно забавно было видеть удивление пополам с восхищением в глазах тех из людей, которые за пределы Тарбиллиана-то ни разу не выбирались. Можно сказать, что проклятый ощущал себя кем-то очень древним и мудрым в окружении толпы детей. И церковники в этой толпе были старше основной массы на пару-тройку лет, чем невероятно гордились, глядя на остальных свысока.

Виктор понимал, что он сам, что весьма вероятно, в чьих-то глазах недалеко ушёл от местного люда. И те же паладины могли смотреть на его нелепые попытки овладеть мечом точно так же, со снисхождением и лёгкой насмешкой. Но меняло ли это что-то непосредственно для Виктора?

Нет.

– Виктор. – Спокойный старческий голос раздался у проклятого над самым ухом, отчего парень едва не подпрыгнул в седле. Слишком уж он расслабился, ушёл в себя и, как итог, проморгал приближение наставника по теоретическим дисциплинам. Тех было не мало, если вспомнить озвученный Ораном Гезелером список на двенадцать позиций. Как оказалось, «святому» нужно было разбираться во всём, и верить Виктору наслово касательно его знаний в

некоторых предметах старик не собирался. Собственно, своего рода «аттестацию» и планировалось провести по дороге в столицу, дабы на месте наставник уже мог не тратить время попусту, организовывая процесс обучения. – Вижу, тебя не слишком беспокоит оставленный позади отчий дом...

– Каждый Бельвиос, независимо от его принадлежности к той или иной ветви семьи, покидает Тарбиллиан как минимум на несколько месяцев. И я в любом случае не был бы исключением. – Философски подметил парень, потянув за поводья и позволив наставнику с собой поравняться. – К тому же в столице сейчас живёт моя сестра, так что одиноким я себя точно не почувствую.

– Её зовут Страйя, верно? Очень талантливая волшебница, насколько мне известно.

– Не только и не столько волшебница, сколько маг.

– Истинно так. – Согласно покивал старик. – Старость – не радость, иногда я забываю, сколь сильно можно обидеть мага принижением его собственных достижений.

Волшебство – дар от и до, в то время как магические способности требовали скрупулёзных тренировок, концентрации и недюжинного ума. Страйя обижалась на каждого, кому только приходило в голову видеть в ней не усердную магессу, а волшебницу. И такое поведение сам Виктор считал вполне логичным, ибо каждый человек хочет, чтобы окружающие замечали прикладываемые им усилия. Вот только некоторые «титуды» вроде того же волшебства или, чего уж, «святости», зачастую наглухо перекрывают собой личность. В этом плане даже почётное звание сына графа работало на все сто процентов, так стоило ли говорить о чём-то большем?

– Вы, должно быть, что-то хотели? – Долгое ожидание непонятно чего напрягало Виктора, так что спустя пару минут он решил подтолкнуть развитие забуксовавшего диалога.

– Истинно так. – Кажется, это была одна из самых любимых фраз старика. – Помнится, ты спрашивал меня о нематериальном измерении и темнейшей мане, оттуда проистекающей. Сейчас я готов ответить на, как минимум, часть твоих вопросов.

– Здесь? – Виктор недвусмысленно окинул взглядом борта повозки, до которой от силы было пару метров, и парочку конных стражников, приставленных к каравану для его охраны.

– А почему бы и нет, м? – Старик сунул руку за пазуху – и активировал артефакт, который проклятый заметил лишь в момент этой самой активации. Вокруг образовался прозрачный барьер, привязанный не к конкретному месту, а непосредственно к артефакту. Вещица весьма сложная и оттого редкая. Особенно в исполнении, позволяющем пользоваться таким предметом без видимых и ощущаемых возмущений маны. – Виктор, что ты в принципе знаешь о зеркальном измерении, доме магии или, как его ещё называют, изнанке?

– Только самые общие вещи. – Не слишком кратко, но проклятый обрисовал свои познания в рамках нормы, без «дополнений», выросших из его аж целых двух прогулок по изнанке.

– Печально, но ожидаемо. Хотя я, признаться честно, даже не думал, что Бельвиосы столь рьяно блюдут правила. – На этом моменте парень поперхнулся, если бы было чем. – В природе людей касаться запретного. Те, кто поумней, не слишком углубляются, так что мотивы церкви должны быть тебе понятны.

– Запрети крестьянину охотиться зимой сверх меры – и он забудет об этих ограничениях. Запрети ему охотиться совсем, и он будет довольствоваться малым?

– Истинно так, Виктор. Впрочем, вашей фамилии в противостоянии с тёмными магами это всё равно бы не помогло. Удар был слишком неожиданным, а подготовившие его враги человечества – необычайно сильны. Но эти детали нас сейчас не особо волнуют. – Старик вздохнул, явно собираясь с мыслями. – Итак. Пожалуй, начать стоит с того, что вся девятка – это боги, созданные нами, людьми. Мечты, чаяния и стремления людские, наше подсознательное желание очеловечить непонятное – всё это было подхвачено вторгшейся в наш мир маной, и ею же воплощено много-много лет назад. Тогда даже цивилизации в её нынешнем

виде не существовало. Королевства? Империи? Султанаты? Забудь, Виктор: тогда существовали в лучшем случае крупные союзы городов-государств. В каком-то смысле род людской мало чем отличался от нынешних варваров-северян...

– Значит ли это, что официальная точка зрения касательно прихода людей в этот мир несколько... неправдива? – Виктор в силу своего происхождения изучал историю, и потому до сего момента был уверен в том, что люди здесь появились как раз-таки с подачи богов. Плюс самые старые хроники, доступные даже Бельвиосам, говорили о сроке в три тысячи лет. Тогда же случился и некий исход, который, если подумать, совсем не обязательно был исходом из другого мира.

– Понимаешь ли, Виктор, «неправдива» – это очень мягкое определение для нашего случая. Фактически, все хроники старше двух тысячелетий подверглись тщательной корректировке. Правды в древнейших хрониках мало, но только так людей можно было оградить от угрозы изнанки, не допустив повторения тех ужасных событий.

– Я не совсем понимаю, в чём именно заключалась проблема, наставник.

– Мана серьёзно изменила наш мир, Виктор. Те, прежние люди не сталкивались с ней. Во всём мире не было маны, и её явление повлекло за собой череду катастроф. Точно город, на который обрушились воды прорвавшей плотину реки, весь мир содрогался и разрывался на части. Ситуация стабилизировалась лишь после того, как «вода» заполнила всё, что только было можно. – Проклятый кивнул столь меткому и понятному сравнению. Но можно ли было сказать, что люди тех далёких времён наслаждались полноценным, невероятно долгим мана-штормом, охватившим всю планету? – Вопреки масштабам катастрофы, выживших было достаточно много. И что самое печальное – многие так или иначе знали об изнанке больше, чем следовало. Ткань между нашими измерениями была слишком тонка, а где-то её не было вовсе. Как итог – люди почерпнули слишком много знаний, которые ныне считаются запретными. Наступили тёмные времена, поставившие под угрозу вымирания сам наш вид. Демоны тогда только начали появляться, почувствовав открытый всем ветрам мир, но полноценное вторжение было лишь вопросом времени...

Рассказ старика больше походил на какую-то эпичную фэнтезийную сказку, нежели на правду, но пока услышанное неплохо состыковывалось с собственными выводами проклятого. В первые месяцы с момента «попадания» он, когда было время, тоже не раз задумывался над тем, насколько история этого мира странна. А так как глядел на всё вокруг он через призму негатива, появление которой спровоцировало проклятие, те его мысли идеально отпечатались в памяти.

– Тогда-то и дали о себе знать боги. Их было не девять, как сейчас, а всего пятеро. Тэмпус Многоликий, Актион, Лункос, Имморита и Инок. Но даже их могущества хватило для того, чтобы помочь людям и заложить основу того, что в дальнейшем станет церковью девяти. Под началом богов люди, сохранившие в себе человечность, дали отпор демонам и их поклонникам. Началась великая война, продлившаяся без малого два столетия. – На этом моменте старик замолчал, опустив веки и тяжело вздохнув. – Церковь победила. Зло было истреблено и выброшено на изнанку, и более никто и нигде не стремился выпустить его в мир. Конечно, иногда находились уникамы, но таковые встречаются и сейчас. Но перед человечеством встала новая проблема...

Двести лет войны. Эта цифра не укладывалась в голове проклятого, но не верить наставнику, которого, между прочим, определили к целому «святому», смысла уже не было. Слишком идеально эти кусочки пазла вставали на свои места. Слишком легко сбрасывали пелену тумана, открывая Виктору глаза на далёкое прошлое и, вместе с тем, такое реальное настоящее. Можно ли было придумать эту историю, точно сказку? Можно. Но проверить её правдивость Виктор если и сможет, то только путём исследования изнанки.

– Первый Континент, величественный и огромный, оказался разорён войной. Там, где некогда тянулись плодородные поля и долины, ныне всё было покрыто проклятым пеплом. Церковь пыталась ликвидировать последствия, но на это требовались десятилетия. А люди, между тем, не хотели ждать. По окончании противостояния сразу несколько десятков тысяч человек, рождённых и выращенных во время войны и для войны, оказались лишены смысла жизни. Некоторые нашли себя в мире, но таких было слишком мало. – Виктор резко понял, к чему могли привести такие обстоятельства. – То тут, то там начали зарождаться конфликты. Не прошло и года, как небольшие стычки превратились в полноценные войны. Вновь рекой полилась людская кровь, а усилия церкви по восстановлению утраченных ранее земель оказались никому не нужны. Междоусобица спровоцировала раскол только-только поднявшего голову единого человечества, и по всему Первому Континенту начали появляться всё новые и новые тёмные. Наши предки попытались вмешаться, но итог оказался крайне прискорбным: рождённые войной владыки дали церкви достойный отпор, вынудив её отступить. И тогда же Инок, глядя на то, как его последователи теряют таким трудом обретенное, сказал, что там, за подвластными ему морями и океанами, есть нетронутая тьмой большая земля.

– Исход... – А ещё Инок, согласно вполне официальным формулировкам, ограждал континент от таящегося за морями и океанами великого зла.

– Да. Тогда он и случился. Человечество получило новый шанс, ступив на земли, уже населённые другими расами. Тех, кто пережил наше появление, ты можешь знать как эллиан, тарбитов и прочих. Но самых многочисленных, горитров, мы практически полностью истребили. Я говорю об этом, чтобы в будущем это не стало для тебя неприятной неожиданностью. – Практически, потому что Виктор наткнулся на упоминание серокожих, крупных и могучих гуманоидов, чем-то напоминающих смесь привычных проклятому огров и гоблинов. От первых им досталось телосложение, а от вторых – сомнительный интеллект с уклоном в забавную тупость. – В дальнейшем история пошла по известному тебе руслу. О тёмном прошлом люди и сами стремились забыть, так что церковь лишь слегка подтолкнула их в нужном направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.